

ETHNOPOLICY

ЭТНОСАЯСАТ
ЭТНОПОЛИТИКА

№ 3-4 - 2022

ЭТНОСАЯСАТ

АҚПАРАТТЫҚ-САРАПТАМАЛЫҚ
БАСЫЛЫМ

№ 3-4 (2022)

Журналдың шығу кестесі

№ 1 – I тоқсан;
№ 2 – II тоқсан;
№ 3 – III тоқсан;
№ 4 – IV тоқсан.

Басылым нөмірлерінде орналастырылған мақалаларға DOI беріледі.

**ЭТНОСАЯСАТ
ақпараттық-сараптамалық басылым**

Аңдатпа: Жалпы ақпарат және ережелер

«Этносаясат» ақпараттық-сараптамалық басылым ҚР АҚДМ Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты тапсырысымен 2022 жылдан бастап шығарылады.

Басылымда ақпараттық-сараптамалық мақалалар, талдамалық шолулар (анықтамалар), ғылыми зерттеулердің қазақ, орыс және/немесе ағылшын тілдеріндегі нәтижелері жарияланатын болады.

Журналдың мақсаты, міндеттері және тақырыптық бағыты

Басылымның негізгі мақсаты этносаралық қатынастар саласындағы өзекті мәселелерді көрсету.

Журналдың міндеттері:

- этносаралық қатынастар үрдістерін сараптамалық бағалау, FCK, өңірлердің FCT мүшелерінің, этносаралық қатынастар мәселелері бойынша отандық және шетелдік сарапшылар мен ғалымдардың қоғамдық келісім саласындағы жағдайын болжау бойынша материалдар жариялау;

- мемлекеттік саясатты іске асыруға бағытталған этносаралық қатынастар тақырыбы бойынша өткізіліп жатқан іс-шаралардың, жобалардың талдамалық шолуларын басып шығару.

Авторлардың пікірлері редакциялық алқамен сәйкес келмеуі мүмкін.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінің Ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркеу туралы куәлігі 2022 жылғы 23 тамыздағы №KZ09VPY00054187.

**ETHNOPOLICY
information and analytical publication**

Abstract: General information and provisions

The information and analytical publication «Ethnopolitics» has been published by order of the Institute of Applied Ethnopolitical Research of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan since 2022.

The publication includes information-analytical articles, analytical reviews (references), results of scientific research in Kazakh and/or Russian. Publication in the journal is free.

Purposes, objectives and thematic focus of the journal

The main purpose of the publication is to highlight topical issues of interethnic relations.

The objectives of this journal are:

- publication of materials on expert assessment of trends in interethnic relations, forecasting the situation in the field of public consent of members of the NEC, NEG regions, domestic and foreign experts, and scientists on interethnic relations;

- publication of analytical reviews of ongoing events, and projects on the subject of interethnic relations aimed at the implementation of state policy.

The authors' opinions may not coincide with the editors' point of view.

The journal is registered with the Information Committee of the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan. Certificate of Registration No. KZ09VPY00054187 dated August 23, 2022.

**ЭТНОПОЛИТИКА
информационно-аналитическое издание**

Аннотация: Общие сведения и положения

Информационно-аналитическое издание «Этнополитика» издается по заказу Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК с 2022 года.

В издании публикуются статьи информационно-аналитического плана, аналитические обзоры (справки), результаты научных исследований на казахском, русском и/или английском языках.

Цели, задачи и тематическая направленность журнала

Основной целью издания является освещение актуальных вопросов сферы межэтнических отношений.

Задачи данного журнала:

- публикация материалов экспертной оценки тенденций в межэтнических отношениях, прогнозирование ситуации в сфере общественного согласия членов НЭС, НЭГ регионов, отечественных и зарубежных экспертов и ученых в вопросах межэтнических отношений;

- публикация аналитических обзоров проводимых мероприятий, проектов по тематике межэтнических отношений, направленных на реализацию государственной политики.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал зарегистрирован в Комитете информации Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. Свидетельство о регистрации №KZ09VPY00054187 от 23 августа 2022 года.

Баспагер / Publisher / Издатель, 2022

© «NEXT TIME Қоры» Қоғамдық Қоры. 010000, Астана қ., Есіл ауданы, 38 көше, 34/1 үй, офис 23

© Public fund «Fund NEXT TIME». 010000, Astana city, Esil district, 38 street, 34/1, office 23

© Общественный фонд «Фонд NEXT TIME». 010000, г. Астана, Есильский район, ул 38, дом. 34/1, офис 23

РЕДАКЦИОННО-НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР**EDITORIAL COUNCIL****РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ****Редакциялық кеңестің төрағасы:****Chairman of the editorial board:****Председатель редакционного совета:**

1. Қалиев Талғат Бегімұлы – ҚР АҚДМ Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының директоры, саяси ғ.к.

1. Kaliyev Talgat Begimovich – director of Institute of Applied Ethnopolitical Research of the MFA RK, Cand. Sc. (Politics)

1. Калиев Талгат Бегимович – директор Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК, к.полит.н.

Редакциялық кеңестің мүшелері:**Members of the editorial board:****Члены редакционного совета:**

1. Шойкин Ғалым Нұрмағамбетұлы – ҚР АҚДМ Этносаралық қатынастарды дамыту комитетінің төрағасы, саяси ғ.к;

1. Shoikin Galym Nurmagambetovich – Chairman of the Committee for the Development of Interethnic Relations of the MFA RK, Cand. Sc. (Politics);

1. Шойкин Ғалым Нурмағамбетович – председатель Комитета по развитию межэтнических отношений МИОР РК, к.полит.н;

2. Рыстина Индира Садыбекқызы – ҚР Президенті Әкімшілігі ҚХАК хатшылығы меңгерушісінің орынбасары, PhD;

2. Rystina Indira Sadybekovna – Deputy Head of the SANC of the Presidential Administration of the Republic of Kazakhstan, PhD;

2. Рыстина Индира Садыбековна – заместитель заведующего САНК Администрации Президента РК, PhD;

3. Дронзина Татьяна Александровна – Сент-Клемент Орхидский атындағы София университеті, саясаттану кафедрасының профессоры, саяси.ғ.д;

3. Dronzina Tatyana Aleksandrovna – Professor of the Department of Political Science at Sofia University. St. Clement of Ohrid, Doctor of Political Sciences;

3. Дронзина Татьяна Александровна – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Святого Климента Орхидского, д.полит.н;

4. Артықбаев Жамбыл Омарұлы – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры, т.ғ.д;

4. Artykbayev Zhambyl Omarovich – Professor of the L.N.Gumilev Eurasian National University, Doctor of History;

4. Артықбаев Жамбыл Омарович – профессор Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилев, д.и.н;

5. Шаймерденова Меңдіғаным Жамалбекқызы – Т. Қ. Жүргенов атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясының профессоры, т. ғ.к;

5. Shaimerdenova Mendyganym Jamalbekovna – Professor of the Kazakh National Academy of Arts named after T.K.Zhurgenov, Doctor of History;

5. Шаймерденова Мендығаным Джамалбековна – профессор Казахской национальной академии искусств имени Т.К.Жургенова, к.и.н

6. Құсманғали Ғалымжан Мұратұлы – Ұлытау облысы әкімінің орынбасары;

6. Kusmangali Galymzhan Muratovich – Deputy akim of Ulytau region;

6. Кусманғали Ғалымжан Муратович – Заместитель акима области Улытау;

7. Әшімханова Дана Әзірханқызы – ҚР АҚДМ Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтының директоры орынбасары, PhD.

7. Ashimkhanova Dana Ezirkhanovna – deputy director of Institute of Applied Ethnopolitical Research of the MFA RK, PhD.

7. Ашимханова Дана Әзірхановна – заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК, PhD.

МАЗМУНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

▶ I. ЭТНОСТАР ЖӘНЕ ТАРИХ / ETHNIC GROUPS AND HISTORY / ЭТНОСЫ И ИСТОРИЯ

Имангалиева Г.Б., Джиеналиев Е.К., Раздыков С.З., Умиткалиев У.У.
Адаптация этносов в Казахстане в ходе переселенческой политики царизма в XIX-начале XX века 7

Джиеналиев Е.К.
The processes of adaptation of Poles in Kazakhstan in the XIX-XX centuries 26

▶ II. ЭТНОСАЯСИ ТРЕНДТЕР / ETHNOPOLITICAL TRENDS / ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Гали Д.А.
Основные тенденции этнической экономики в Казахстане и ее перспективы 48

Мамедова П.И.
Социальное самочувствие как фактор, влияющий на уровень гражданской идентичности и взаимоотношения граждан в полиэтничной среде (на примере Жамбылской области) 60

▶ III. ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ТӘЖІРІБЕ / THEORY AND PRACTICE / ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Мурсалина Н.Ю., Селиверстов С.В.
Межэтническая семья как фактор формирования этнической идентичности гражданина Республики Казахстан 74

Ергенболатқызы А.
«Незнакомая родина»: что волнует репатриантов? 79

Жусупова А.С.
Методология исследования вопросов национализма в современном информационном обществе 88

УДК 9.902
МРНТИ 03.20
В0, В10

ДЖИЕНАЛИЕВ ЕРЛАН КУРМАШЕВИЧ

докторант, кафедра «Археологии и этнологии» исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева
г.Астана, Республика Казахстан
e-mail: erlan.77@inbox.ru

УМИТКАЛИЕВ УЛАН УМИТКАЛИЕВИЧ

профессор археологии, заведующий кафедры «Археологии и этнологии» исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева
г.Астана, Республика Казахстан
e-mail: Uumitkaliyev@bk.ru

ИМАНГАЛИЕВА ГУЛДЕН БИСЕНБАЕВНА

магистрант, факультет психологии Астраханского государственного университета
г. Астрахань, Российская Федерация
e-mail: sh-lizey7@mail.ru

РАЗДЫКОВ САКЕН ЗЕЙНУЛЛОВИЧ

к.и.н., доцент, преподаватель археологии и этнологии кафедры «Археологии и этнологии» исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева
г.Астана, Республика Казахстан
e-mail: rasdikov@mail.ru

АДАПТАЦИЯ ЭТНОСОВ В КАЗАХСТАНЕ В ХОДЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аңдатпа. Бұл мақала XIX-XX ғасырдың басындағы патшалықтың қоныс аудару саясаты кезеңінде Қазақстандағы орыстардың, украиндықтардың, немістердің және басқа да этностардың бейімделуі туралы аз зерттелген тақырыпқа арналған. Қоныс аудару кезеңдерімен және қоныс аударушылардың санымен қатар Қазақстанның табиғи-климаттық жағдайларына ұжымдық бейімдеудің қажетті шарты ретінде елді мекендерді құру үрдістері көрсетілген. Қазақстан аумағындағы табиғи-климаттық жағдайларына бейімделген үйшіктер мен сарайлар, жер қоралары, мазанка-дернухтар, мазанка-шым-шым, мазанка-өрім, кәдімгі ағаш бөренелі үйшіктер, сондай-ақ қазақтардың ұлттық киімі мен ас үйінің элементтерін қарызға алуды көздейтін тұрмыстық бейімделу егжей-тегжейлі сипатталған. Үш жолақты және ауыспалы жүйелерді қолдана отырып, егіншілікпен айналысудың жергілікті климаттық жағдайларға бейімделу процесі және ғасырлар бойы жергілікті қазақ халқының өмір сүруінің кепілі болған мал шаруашылығының біртіндеп үстемдігі көрсетілген. Қоныс аударушылардың автохтонды тұрғындармен әлеуметтік-мәдени қарым-қатынасы ерекше атап өтілді.

Автор Қазақстан Республикасының орталық мемлекеттік мұрағаты мен Қазақстан Республикасы Президенті Мұрағатының әртүрлі материалдар мен құжаттар жинағында жарияланған материалдарын ғылыми айналымға енгізді.

Зерттеу материалдарының арасында қазақстандық және ресейлік зерттеушілердің еңбектерінен алынған мәліметтер, журналдар мен естеліктер, шетелдік ақпарат көздерінен алынған деректер және т.б. Дереккөздер мен библиографиямен қатар автор ғылыми айналымға Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік мұрағатының материалдарын енгізді. Әртүрлі материалдар мен құжаттар жинақтарында жарияланған Қазақстан Ұлттық және Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві айналымға еңгізілді.

Патша үкіметінің ұлтаралық алауыздықты қоздыруға бағытталған отарлық саясатына қарамастан, қоныс аударушылар Қазақстанды дамыту жөніндегі жасампаз еңбекке бейімделіп, белсене араласа алды деген қорытынды берілген.

Бұл жұмыстың практикалық маңызы бар, өйткені үкіметтің осы тәжірибені қолдануы ұлтаралық келісім атмосферасын құру саласында іс жүзінде қолдануға негіз болатыны сөзсіз.

Түйін сөздер: Қазақстан, патшалық, бейімделу, шекара, көші-қон, демография, тараншалар, сарттар, турфтар, меннониттер

Abstract. This article is devoted to the little-studied topic of adaptation of Russians, Ukrainians, Germans, and other ethnic groups in Kazakhstan during the period of the tsarist resettlement policy in the XIX-early XX century. Along with the stages of resettlement and the number of displaced persons, the process of creating settlements is highlighted as a necessary condition for collective adaptation to Kazakhstan's natural and climatic conditions. Household adaptation is described in detail, which provided for the construction of dwellings, such as huts and sheds, earthen holes, turf-daubs, turf-wattle-daubs, wattle-daubs, and ordinary wooden log huts adapted to the natural and climatic conditions on the territory Kazakhstan, as well as borrowing elements of national clothing and Kazakh cuisine. The process of adaptation of farming to local climatic conditions with the use of three-field and shift systems and the gradual dominance of cattle breeding, which for centuries has been the guarantor of the survival of the local Kazakh population, is shown. The socio-cultural relations of migrants with the indigenous population are highlighted.

The author introduced into scientific circulation the materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, published in various collections of materials and documents.

The materials of the study were information from the works of Kazakh and Russian researchers, journals and memos, data from foreign sources, etc. Along with sources and bibliography, the author introduced into scientific circulation the materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, published in various collections of materials and documents.

In conclusion, despite the colonial policy of tsarism aimed at inciting ethnic hatred, the settlers were able to adapt and actively engage in creative work for the development of Kazakhstan.

This work is of practical value since the application of this experience by the government will undoubtedly become the basis for practical application in the field of creating an atmosphere of interethnic harmony.

Key words: Kazakhstan, tsarism, adaptation, frontier, migration, demography, taranches, sarts, turf, mennonites

Аннотация. Данная статья посвящена малоизученной теме адаптации русских, украинцев, немцев, поляков, узбеков, уйгур, дунган и др. этносов в Казахстане в период переселенческой политики царизма в XIX-начале XX века. Наряду с этапами переселения и численностью переселенцев освящается процесс создания населенных пунктов, как необходимого условия коллективного приспособления к природно-климатическим условиям Казахстана. Актуальность исследования определяется развитием и становлением в XIX-XX вв. диаспор на территории Казахстана, которые превратились в стабильный компонент демографической, социально-экономической, политической и культурной жизни, показывающих пример успешной адаптации этноса в инокультурной среде. В ходе изучения представленной проблемы мы опирались на труды и документы, изучив которые смогли проследить процессы переселения и адаптации этносов на территории Казахстана. Подробно описана бытовая адаптация, которая предусматривала строительство жилищ, таких как шалаши и сараи, земляные норы, дернухи-мазанки, дернухи-плетенки-мазанки, плетенки-мазанки, обыкновенные деревянные бревенчатые избы, приспособленные к природно-климатическим условиям Казахстана, а также заимствование элементов национальной одежды и кухни казахов. Показан процесс приспособления занятия земледелием к местным климатическим условиям с применением трехпольной и переложной систем и постепенное доминирование скотоводства, которая на протяжении столетий была гарантом выживания местного казахского населения. Особо выделены социально-культурные взаимоотношения переселенцев с автохтонным населением.

Материалами исследования стали сведения сочинений казахстанских и российских исследователей, журналы и служебные записки, данные зарубежных источников и др. Наряду с источниками и библиографией, автор ввел в научный оборот материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан и Архива Президента Республики Казахстан, опубликованных в различных сборниках материалов и документов.

В заключении представлен вывод о том, что, несмотря на колониальную политику царизма, направленную на разжигание межнациональной розни, переселенцы смогли адаптироваться и активно включиться в созидательный труд по развитию Казахстана.

Данная работа представляет практическую ценность, так как применение этого опыта правительством несомненно станет основой для практического применения в сфере создания атмосферы межэтнического согласия.

Ключевые слова: Казахстан, царизм, адаптация, приграничье, миграция, демография, таранчи, сарты, дернуха, меннониты

ВВЕДЕНИЕ

С момента обретения независимости в 1991 году перед Казахстаном встала задача построения стабильного полиэтнического общества. Перед молодой республикой стояли многие проблемы, в том числе – сохранение межнационального согласия в республике. Хотя за 30 лет независимости удалось сохранить стабильность в отношениях между этносами, данная область всегда будет одним из важных стратегических направлений во внутренней политике страны. По нашему мнению, немаловажную роль в ее решении сыграет использование уникального опыта адаптации этносов Казахстана, который происходил с момента присоединения края к России, в результате активной переселенческой политики царизма.

Несмотря на многочисленные труды по переселенческой политике царизма в Казахстане в XIX-начале XX века, исследователи недостаточно осветили проблему адаптации этносов, хотя данный аспект, является важной частью данной проблемы. Несомненно, этот процесс сыграл большую роль в процессе устойчивого развития Казахстана, в сфере межэтнических отношений в последующие периоды развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе изучения представленной проблемы мы опирались на законодательные документы, изучив которые смогли проследить переселенческую политику царизма на территории Казахстана. Важными источниками для нас стали архивные материалы, опубликованные в различных сборниках документов, а также интернет-ресурсы, где имеется большой пласт информации об истории переселения казаков и крестьян в XIX-начале XX века на земли Казахстана. При подготовке данной публикации использовались следующие методы научного исследования: кейс-стади (метод конкретных ситуаций), включающий анализ и синтез информации, выявляющий закономерность, взаимосвязь и взаимообусловленность процессов; а также метод аналогии, требующий установления сходства в некоторых сторонах, свойствах и отношениях, между нетождественными объектами исследования, на основании чего нами делался соответствующий вывод – умозаключение по аналогии; кроме того, метод индукции и дедукции позволил нам оценить полученные выводы. Также применялись и библиометрические количественные методы, с помощью которых изучаются структура, динамика и взаимосвязи различных явлений в сфере библиотечно-информационной и документационной деятельности.

В состав библиометрических методов входят метод подсчета количества публикаций, метод анализа цитирования литературы («цитат-индекс»), тезаурусный, контент-анализ.

ОБСУЖДЕНИЕ

Источники по истории переселенческой политики царизма и адаптации этносов в Степном крае в дореволюционное время представлены несколькими группами. Одну группу составляют нормативно-правовые документы – законы, временные положения, правительственные указы, циркуляры и распоряжения, касающиеся вопросов управления Казахским краем и регулирования переселенческого движения. К этой же группе можно отнести межгосударственные договора и соглашения (Санкт-Петербургский мирный договор (1881), в соответствии с которыми происходило переселение отдельных этнических групп в пределы того или иного района Казахстана [1; с.175].

Другую группу составляют материалы Переселенческого управления – планы и отчеты, обзоры и справочные издания («книжки»), журналы совещаний и комиссий, материалы ревизий. В большинстве своем они вовлечены в научный оборот отечественными и зарубежными учеными, став предметом специальных или общих исследований [2; с.288].

Третья группа представлена многочисленными статистическими материалами. Среди этой группы можно выделить материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, содержащей первые официальные сведения по численности основных этносов, проживающих в конце XIX века на территории Казахстана – казахов, русских, украинцев, татар, узбеков, уйгуров [3; с.115].

С 1896 по 1903 годы в крае работала экспедиция под руководством Ф.А. Щербины, организованная Главным управлением земледелия и землепользования, основной задачей которой было исследование степных областей, изучение географических особенностей, культуры, быта коренного населения с целью определения земельных излишков для передачи в пользу переселенческого крестьянства. В работе экспедиции принимал участие будущий лидер казахской национальной интеллигенции А.Н. Букейханов, окончивший к тому времени Лесотехнический институт г. Санкт-Петербурга. Позже, в своих работах, Букейханов, обобщив весь собранный материал, выделил два этапа в колонизации Казахского края русскими – вольную и правительственную колонизацию [4; с.51].

В многочисленных работах дореволюционных авторов И.К. Кирилова, П.И. Рычкова, И.Г. Андреева, А.И. Левшина, В.Н. Витевского, Г.Е. Катанаева, Л.Л. Мейера, Н.И. Красовского, Н.Я. Коншина, А.К. Гейнса, М.П. Хорошхина, А. Добросмыслова, В.В. Вельяминова-Зернова, А.И. Макшеева, М.И. Венюкова и других авторов содержатся обзоры о жизнедеятельности переселенцев Казахстана, приводятся численные данные, проводится анализ их социально-экономического положения [5; с. 250].

Большое количество трудов по проблемам истории переселенческой политики и адаптации в Казахстане было создано в советский период. В это время продолжали активно изучаться миграционные процессы в XVIII – начале XX вв. Как и раньше, они рассматривались с точки зрения хода и характера передвижения иноэтнических групп в пределы Казахстана. Труды А. Турсунбаева, П. Верещагина и других авторов посвящены характеристике социально-экономического типа переселенцев, определению последствий переселенческого движения [6; с.125].

В это время вышло значительное количество работ, посвященных демографической ситуации в Казахстане в XVIII – начале XX вв. В 1981 году была издана монография Н.В. Алексеенко «Население дореволюционного Казахстана», основанная на результатах Первой Всеобщей переписи населения 1897 года и выборочных переписях [7; с.301]. Тогда же появились первые специальные

исследования, посвященные вопросам формирования полиэтнического состава населения Казахстана. Среди них, в первую очередь, следует назвать статьи и монографии Н.Е.Бекмахановой [8; с. 320]. Основываясь на материалах многочисленных источников, автор раскрывает основные тенденции развития народонаселения Казахского края и сопредельных районов Северной Киргизии в дореволюционный период. Вопросы формирования многонационального населения Казахстана в тесной взаимосвязи с общими процессами урбанизации северо-восточного и восточного регионов страны рассматривались в многочисленных работах Ж.К. Касымбаева [9; с. 320].

Отдельное направление продолжает составлять изучение миграционных процессов как решающего фактора формирования этнодемографической структуры населения Казахстана в дореволюционный и советский периоды. Указанные аспекты нашли достаточно полное отражение в работах А.Б. Галиева [10; с. 54-56], Г. Кронгардта [11; с.77].

Работы М.Н. Кабирова [12; с.89], П.Г. Галузо [13; с.75-125], И.В. Захаровой [14; с. 488- 536], Г.С. Баратовой [15; с. 79] посвящены истории уйгуров и дунган. В 1987 г. в издательстве «Наука» был издан сборник статей, подготовленный коллективом Института уйгуроведения АН КазССР [16; с.729]. В книгу вошли статьи ведущих специалистов, затрагивающие вопросы ранней истории уйгуров, проблемы переселения уйгуров в Казахстан, социальной структуры, политической истории и экономической деятельности, а также разнообразные аспекты культурного развития (вероисповедание, книгопечатание, прикладное искусство и музыкальная культура уйгуров).

С обретением независимости Республикой Казахстан в 1991 году начинается современный этап в развитии государства в целом и его общественных наук, в частности. В это время появляется серия работ, посвященных анализу социально-демографических процессов в советское время. Так, в монографии М.Х. Асылбекова и А.Б. Галиева наряду с источниковедческими вопросами, рассматриваются вопросы изменения национальной и социальной структуры населения республики с 1917 по 1980 гг. [17; с.189].

В последние годы анализ этнодемографических процессов в Казахстане и его регионах стал предметом большого числа исследований ученых-историков, демографов, социологов. Работы А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко, М.Х. Асылбекова, В.В. Козиной, Б. Аяганова, Б.Я. Двоскина, К.С. Каражанова, М.Н. Сдыкова, Н.З. Такижбаевой посвящены общим и специальным вопросам развития народонаселения Казахстана [18; с.288]. В 1998 году под редакцией Ж.А. Кулекеева вышла работа, посвященная истории переписей населения в Казахстане и анализу этнодемографических процессов [19; с.201]. А.Е.Егинбай в 2022 году в своей статье рассмотрел особенности проявления культурных связей домостроения в адаптационных процессах [20; с. 209-212].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Переселенческая политика царизма в Казахстан началась еще до присоединения края к империи, с казачьей колонизации. Здесь были сформированы четыре казачьих войска: Уральское, Оренбургское, Сибирское, а во второй половине XIX века - Семиреченское.

Этот процесс приобрёл систематический характер с планомерного переселения русских, украинских и белорусских крестьян после отмены крепостного права

в 1861 году и стал массовым в начале XX века, в период столыпинской аграрной реформы. Наряду со славянами переселялись татары, немцы, латыши, эстонцы и представители других этносов.

В результате переселенческой политики в 1897 году в Степном крае доля русского населения составляла 20%, казахского – 77%, прочего, куда входили все остальные народы – 3%. В Туркестанском крае эти показатели выглядели следующим образом: русское переселенческое население – 3.7%, «коренное инородческое» – 94.4%, «прочее пришлое» – 1,9%. А в целом по Казахстану это показатели были таковы: переселенческое население к концу XIX века составляло – 11.9%, коренное – 85.7%, прочее – 2,4%. Как видно из приведённых данных, особенно сильному заселению переселенцев подвергался Степной край, где доля этой категории населения достигла 20%. 9 февраля 1897 года была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи, она охватила всю территорию Казахстана. На основе всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года на территории Казахстана можно выделить три наиболее крупные этнические группы: казахи составили 74-78% населения, русские - 10-13%, украинцы - 1-2%. Переселение казаков и крестьян привело к большому притоку переселенцев в Казахстан из Европейской и Сибирской частей Российской империи. Так, в 1897 г. численность русских в Акмолинской и Уральской областях составила в среднем 25% их населения.

После заключения Россией в 1881 году Петербургского договора с Цинской империей, из Илийского края в Семиречье мигрировало 45 тысяч уйгуров (таранчи) и 5 тысяч дунган. Они расселились в долинах рек Усек, Чарын, Чилик, Талгар, Были организованы Жаркентская, Аккентская, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Кураминская и Карасуская волости [21; с. 230-235].

К 1917 году у автохтонного населения было изъято 45 миллионов десятин земли. К этому времени сюда переселилось около 1,5 млн. крестьян [22; с.2 - 213].

В целом, к этому периоду, национальный состав населения Казахстана выглядел следующим образом: из общей численности 4 млн. 147 тыс. чел., казахи составили 3 млн. 392 тыс. чел., русские 454 тыс. чел. и представители других национальностей – 300 тыс. чел., например, в Казахстане проживало 55 тыс. татар, 55 тыс. уйгуров (таранчи), 30 тыс. узбеков (сартов), 15 тыс. дунган, 10,5 тыс. мордвы [23; с.31-32].

Переселение сопровождалось процессами климатической, бытовой, хозяйственной и культурной адаптации.

Переселенцам приходилось адаптироваться к природно-климатическим условиям Казахстана коллективно, образуя поселения. В 1866 году образовались крестьянские поселки в Акмолинской области. Представителями этой самой колонизации края были в большинстве случаев мещане разных сибирских городов, а главным образом крестьяне Тобольской губернии. До первого официального разрешения (1879 г.) их в области проживало 317 семей.

В 1879 году на двух участках в Кокчетавском уезде были основаны поселки, заключающие в себе до 164 душ, в 1880-1881 гг. были заселены еще 9 участков (435 душ м.п.), вначале на душу нарезали по 30 десятин, позже решили уменьшить норму надела до 15 десятин.

Колонизация Тургайской области начиналась в 1869 году в связи с основанием крепости Ак Тобе, в 1870-х годах здесь уже насчитывались десятки дворов. Таким образом, уже по переписи 1897 года здесь проживало 28400 человек. После основания г. Кустаная в 1881 году по вызову администрации появилось сразу 1200 крестьян-земледельцев [24; с.38].

В 1866 году образовались крестьянские поселки в Акмолинской области. Представителями этой самой колонизации края были в большинстве случаев мещане разных сибирских городов, а главным образом крестьяне Тобольской губернии. До первого официального разрешения (1879 г.) их в области проживало 317 семей.

В 1879 году на двух участках в Кокчетавском уезде были основаны поселки, заключающие в себе до 164 душ, в 1880-1881 гг. были заселены еще 9 участков (435 душ м.п.), вначале на душу нарезали по 30 десятин, позже решили уменьшить норму надела до 15 десятин [25; с 40].

В Чимкентской, Ташкентской, Аулие-Атинской уездах Сырдарьинской области за 30 лет было создано 37 поселков крестьян [26; с 146].

Бытовая адаптация предусматривала строительство жилищ, приспособленных к природно-климатическим условиям Казахстана, а также заимствование элементов национальной одежды и кухни казахов.

Степь занимает огромную территорию Казахстана, ограниченную на севере тонкой полосой лесостепи и пустынями на юге, юго-западе. Полупустыни в данном случае можно соотнести со степями, так как жилища в этой зоне аналогичны степным.

Жилища казахов делились на два вида: жилища степной зоны и лесостепной полосы, которые были подвержены русскому влиянию. Все постройки автохтонного населения в степи сооружались в основном из дерна, также существовали и деревянные дома, но они считались «роскошью, доступной только богатым казахам» [27; с 209-210].

Из публикаций последних лет, написанных на основе археологических раскопок казахских зимовок-кыстау, мы видим дифференциацию размеров жилищ. Например, в восточной части Центрального Казахстана, в низкогорной области, на зимовке Карашоки, самая большая усадьба имела огромную площадь 28x25м [28; с 276].

В северной части Сарыарки, отрядом Научно-исследовательского центра археологии им. К.А. Акишева, в полевом сезоне 2021 года, проводились раскопки поселения Козыкош, общей площадью 160 га. В архитектурно-планировочной застройке территории выделяются около 80 отдельных жилищно-хозяйственных комплексов. За полевой сезон было раскопано 5 жилищ. Размеры жилищ на данном поселении отличались – самая большая исследованная усадьба имеет размеры 30x16 м, это при том, что усадьба раскопана не полностью [29; с.68].

Суровые климатические условия Казахстана стали испытанием для переселенцев. Недостаток строевого леса в уездах создавал дополнительные трудности. Крестьяне-переселенцы не смогли доставлять лесоматериалы за 10-20 верст, ибо у них не было лошадей. «Купить лошадей они не могли потому, что пособие» отпускалось им «в ограниченном размере и частями».

Водворившееся в исследуемом крае русское население в строительстве зимних жилищ первым делом приспособлялось к местным природным условиям и исходило из наличия местного строительного материала. Поэтому в степных безлесных районах области в качестве стройматериала использовались, как и у казахов, дикий камень и дерн. Дома строились с плоской земляной кровлей, заменявшей одновременно крышу и потолок. Даже в лесных районах, где основным видом стройматериала являлся сосновый лес, многие бедные и средней состоятельности хозяева срубные дома строили с плоской земляной крышей. Так как небольшое количество осадков не очень беспокоило владельцев подобных жилищ, они считали роскошью двускатные тесовые крыши и обходились без них [30; с. 52-86].

Большинство семей не смогли построить себе землянок: многие ютились по две-три семьи в одной. «Скота у таких семей было не более одной головы на две семьи и главным образом лошадей, значит ребятишки были без молока; обсеяться им удавалось весьма плохо – 553 семьи имели всего по 7 десятин посева, а к будущему году они успевали приготовить по 1 десятине на семью».

О тяжелых жилищных условиях крестьян-новоселов еще более убедительно писал врачебный инспектор Акмолинской области, надворный советник, доктор медицины Н.Е.Франковский, детально обследовавший 16 селений Петропавловского уезда в 1896 г.: «Переселенцы вырывали землянки такого типа: землянка – это яма в 1,5 аршина глубины, на ней возвышаются стены на 1 аршин над поверхностью земли, сверху сделан потолок, заваленный землей, без крыши, эти помещения в отличие от землянок, не углубленных в землю и сделанных из дерна или сырого кирпича, я называю земляными норами. Весной, когда началось таяние снега, землянки превратились в банные помещения, переполненные зловонием от скопления людей, тем более что за неимением даже таких землянок, семьи скучивались иногда. В такой норе я находил 19 душ жильцов. Только очень немногие построили деревянные дома, но они были сыры, холодны. Все помещения крестьян переполнены паразитами до такой степени, что дети от укуса блох и клопов кажутся покрытыми сыпью» [31; с. 129].

Жилые строения можно разделить на шесть различных типов: 1) шалаши и сараи; 2) земляные норы; 3) дернухи-мазанки; 4) дернухи-плетенки-мазанки; 5) плетенки-мазанки б) обыкновенные деревянные бревенчатые избы [32; с.147].

По описанию того же Н.Франковского, земляные норы представляли собой ямы глубиной от 2 до 2,5 аршина. Они имели по два, а в большинстве случаев по одному отверстию, заменявшему окно. Световая площадь этих «окон» не превышала полутора четверти аршина.

Дернухи-мазанки выкладывались из дерновых пластин, нарезанных наподобие кирпича. Толщина стен была различная: 1-3 аршина. Для крепости стены прокладывались тонкими деревянными брусками. Крыши также были дерновые или из глины вперемежку с соломой или тростником.

Дернухи-плетенки-мазанки отличались от дернух-мазанок тем, что строились сначала плетневые стены, которые изнутри обмазывались глиной, а снаружи обкладывались толстым слоем дерна. Стены плетенок-мазанок состояли из двух плетней, пространство между плетнями засыпалось сухой землей. Такие жилища, по признанию областного врачебного инспектора, считались «гигиеничными, и в них можно было применять и вентиляцию, и дезинфекцию».

Кроме того, в новых природных условиях крестьяне-переселенцы конца XIX – начала XX вв. заимствовали у местного населения некоторые особенности плана усадьбы и жилого помещения. Так, в южных районах Семипалатинского уезда в крестьянских селах Свободное, Чайковское, Знаменка и др., возникновение которых относится к началу XX века усадьбы крестьян не огораживались заборами и не имели отдельного двора. Хозяйственные постройки непосредственно примыкали к жилому помещению под сплошной кровлей и с единым входом, как у зимовок казахов. Обычно такие усадьбы отделялись друг от друга расстоянием от 20 до 50 метров. В плане жилого помещения можно считать заимствованием от местного населения способ разделения одной комнаты на две половины обогревателем печи. Такая планировка сохранилась по сей день в полуземлянках из дерна и камня, выстроенных русскими переселенцами в годы основания этих сел [33; с.130].

Наблюдая за деятельностью крестьян поселка Полтавской, Н.Франковский заметил: «У всех поселенцев кипучая работа по устройству жилища на зиму. Нужно быть очевидцем, чтобы глубоко почувствовать всю их энергию, неустрашимость, изобретательность, с какими этот народ – полтавцы - хлопчут об устройстве своего теплого гнездышка. Весь материал ограничивается мелким хворостом, землей и глиной... Все говорят, если бы дали им лесу, то через три недели мы выстроили бы целый город Петропавловск» [34; 4-8].

Переселившиеся в 1907-1909 гг. эстонцы и латыши стали заимствовать элементы культур, прежде всего материальной, и быта у местного населения. В Казахстане они использовали в качестве строительного материала саман-необожженный кирпич из глины, с примесью соломы. В основу крыши закладывали бревна, покрывали их длинной соломой или камышом и засыпали землей. Жилые и хозяйственные постройки чаще строились под одной крышей, что позволяло семье крестьянина при больших морозах и многодневных буранах ухаживать за скотом. Рига и гумно среди хозяйственных построек в Казахстане в личном хозяйстве обычно отсутствовали.

Влияние местного казахского населения сказалось и на костюме русских переселенцев. Больше всего этому влиянию подверглось прииртышское казачье население, так как оно никогда не выращивало волокнистые культуры и не занималось домашним ткачеством. Поэтому армячина из верблюжьей шерсти казахской работы была широко распространена среди всех групп русского населения, особенно среди казаков. Из нее шили преимущественно верхнюю мужскую одежду. Во второй половине XIX века армячина вывозилась из казахской степи даже в пределы Томской губернии [35; с.148].

У прииртышских казаков во второй половине XIX века бытовали, как повседневные элементы костюма, «бешмент или халат киргизского покроя, только с менее длинными рукавами, обыкновенно подпоясываемые широкой лентой цветной материи или тканной опояской, цвет халата чаще коричневый или в киргизском вкусе – с узорами и цветами» [36; с. 149].

Среди богатых казаков встречались и халаты казахского покроя из парчи, а у крестьян-старожилов Алтая изредка бытовали халаты, вышитые тамбурным швом.

Во второй половине XIX века были широко распространены среди казачьего населения Прииртышья и отчасти среди крестьян-старожилов замшевые и кожаные шаровары, преимущественно из козьих шкур. Даже покроем матерчатых штанов у бухтарминских кержаков был заимствован от местного казахского населения. Из казахских головных уборов казаки Прииртышья нередко носили лисий «бөрік», а в зимнее время многие одевали казахский «тымақ» из мерлушки и лисьих шкур. Обычно тымаки шились казашками по заказу для знакомого казака или тамыра (друга) [37; с. 21].

Из казахской обуви среди казачьего населения довольно широкое распространение получили сапоги казахской работы, так называемые «саптама-етік», надеваемые на ноги, как и у казахов, с войлочными чулками (киіз-байпақ). Носившие «саптама-етік» старики из казачьих поселков утверждают, что такие казахские сапоги в условиях исследуемого края являются самым удобным видом обуви, так как войлочные чулки хорошо защищают от сильных морозов, а кожаные сапоги, надеваемые на «байпақ», не пропускали сырости даже во время слякоти. Кроме того, они одновременно заменяли русские валенки и сапоги. У старожилов Бухтарминской долины бытовали «обутки», т.е. сапоги, надеваемые зимой с войлочными чулками (байпақ), которые также были заимствованы у казахов [38; с.149].

Влияние местного казахского населения на пищу русских также было заметнее у прииртышского казачьего населения. Прииртышские казаки охотно пили кумыс у соседних казахов, ели мясо, даже конину. Но у себя из конины пищу не готовили, за исключением особых случаев, когда богатые казаки приглашали к себе своих тамыров из числа знатных казахов и угощали их по-казахски, т.е. резали барана и мясо подавали с точным соблюдением всех казахских обычаев. Многие делали из молока «ірімшік» и «құрт» казахским способом и употребляли их в пищу [39; 156].

Хозяйственная адаптация предусматривала приспособление занятия земледелием к местным климатическим условиям и постепенное доминирование скотоводства, которая на протяжении столетий была гарантом выживания местного казахского населения.

В процессе хозяйственной адаптации крестьяне вернулись к трехполью – системе чередования зерновых культур XVIII века. Оно развивалось там, где были большие массивы пахотной земли, например, на реке Ишим. В Семиречье применялась переложная система земледелия. В Семиречье применялась переложная система земледелия. Порядок севооборота предусматривал в первый год посадку проса, во второй год – пшеницы, затем от 3 до 6 лет земля была под паром, после чего севооборот повторялся. Русские переселенцы в южных районах региона восприняли у местного населения опыт пахотного земледелия, ввели в обиход новые сельскохозяйственные орудия, например, кетмень [40; с. 218].

П.П.Румянцев, обследовавший Семиречье, говорит о переселенцах, что они «ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле приемов обработки почвы...не превзошли оседлых туземцев-тюрков, сартов и китайцев-дунган; наоборот, последние возделывают рис, вырабатывают прекрасные разнообразные овощи, виноград, персики и другие фрукты, то есть заняты культурами, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское залежное полеводство. Более того, можно сказать, что в смысле приспособления к природным условиям даже хозяйство кочевников-киргизов по своей системе, а не технике, конечно, рациональнее хозяйства русских крестьян» [41; с.56].

Такая же переложная система земледелия применялась и в Сыр-Дарьинской области. Зажиточные, по свидетельству П.А.Скрыплева, «запускают свою пашню потому, что она, вследствие однообразных посевов пшеницы, перестает давать хорошие урожаи. Взамен ее эти хозяйства арендуют землю у киргизов и, таким образом, посев с одного места переносится и на другое» [42; 211].

Имелись значительные отличия в занятии переселенцами земледелием в Казахстане во второй половине XIX – начале XX века. В регионе сеяли зерновые: рожь, пшеницу, ячмень, просо, овес, рис, кукурузу и технические культуры: хлопок, джугару, коноплю, лен. В Аулие-Атинском уезде на поливных и богарных землях преобладали зерновые и бахчевые. В Капальском уезде удельный вес пшеницы в посевах снизился за счет проса. В Верненском уезде основными культурами на богарных землях являлись просо, затем пшеница и овес. Все прочие зерновые – рожь, ячмень – сажали на поливе.

Постоянно росли посевы пшеницы в Кустанайском уезде (до 60% от всех других высевавшихся зерновых культур).

В Актюбинском и Уральском уездах преобладающей культурой являлось просо, но постепенно возрастала роль пшеницы [43; с.215].

В процессе адаптации произошли изменения в садоводстве и огородничестве. В регионе были широко распространены посадки яблонь, груш, урюка, сливы, карагача,

тополя, ивы, а на юге – винограда. Высаживали картофель, тыкву, капусту, морковь, редис, редиску, свеклу, чеснок, перец, лук, а на юге-дыни, арбузы [44; с.185].

Петропавловский уезд, поселок Макарьевский имел всего по 4 десятины удобной пахоты на душу, вследствие чего крестьяне были вынуждены арендовать земли в ближайших казачьих станицах. В поселках Варваринском и Федоровском около 2/3 надельной земли были совершенно неудобны для земледелия, как представляющие сплошной солончак и камень, на которых только в дождливый год что-нибудь росло.

Поселок Семипольский страдал от недостатка воды, так как в имеющихся близ него двух озерах вода была настолько солона, что негодна даже для водопоя скота. Поселок Васильковский Кокчетавского уезда не имел вовсе сенокосов, а надельная земля наполовину состояла из солончака и камня. Жители села Поповка Омского уезда не имели вовсе сенокосов, а надельная земля наполовину состояла из солончака и камня. Поселок Николаевский имел пашню имел пашню в сорока верстах от Усть-Каменогорска. В особенности неудобно был расположен надел поселка Ольгинский, где крестьянам выезжая на пашню приходилось брать воду для скота с собою. В деревне Рославке оба вырытые колодца давали только соленую воду, и крестьяне были вынуждены брать воду из болота, что привело к распространению лихорадки [45; с. 94].

В поселках Карпино и Таубино, которые находились в долине реки Чар, к сентябрю 1894 года общее число голов скота (крупного и мелкого) в обоих поселках доходило до 323. Несмотря на небольшое количество скота, площадь посева в 1894 году почти удвоилась и вместо 220 десятин посева 1893 года дошла в 1894 году до 430. Наибольшая часть надела была годна для обработки, неудобной земли было мало, а при неполном еще числе общинников системе полеводства почти исключительно однопольная, что свидетельствовало о крайней экстенсивности хозяйства. Приемы обработки отличались от тех, которые применялись в России. Поля пахались и бороновались по одному разу, удобрения не применялись вовсе, глубина заделки была от 2 до 2,5 вершков [46; с.10].

11 июля 1898 года в газете «Семипалатинские областные ведомости» вышла статья «Статистические заметки о переселенческих селениях в Семипалатинской области», где приводятся данные об адаптации земледельческого хозяйства переселенцев к местным климатическим условиям:

«Как не раз указывала местная администрация, без устройства искусственного орошения земледелие в значительной части области благодаря почвенным и климатическим условиям, всегда будет иметь крайне неустойчивый характер. Опыт показал, что без такого орошения некоторые участки, находившиеся в пользовании переселенцев, решительно непригодны для земледельческой культуры, и поэтому в минувшем году некоторым поселкам были отведены дополнительные участки, а селение Михайло-Архангельское (в Усть-Каменогорском уезде) решено перевести на другое место, согласно неоднократным просьбам о том самих переселенцев».

Немцы, переселившиеся в Казахстан в конце XIX – начале XX в., принесли с собой не только традиции германских земель, выходцами из которых являлись их предки, но и умения, хозяйственные навыки, сформировавшиеся в европейских немецких колониях Российской Империи. Пашенное земледелие и животноводство составляли основу традиционного хозяйства немцев. Главной земледельческой культурой немцев в Степном крае и Туркестане являлась пшеница, а также овес, просо, ячмень, картофель, бобовые, репе – кукуруза, лен и бахчевые. В Туркестане немцы пытались выращивать горчицу, анис и сладкий сорго. И если в южных

регионах (например, в Аулиеатинском или Чимкентском уездах Сыр-Дарьинской области Туркестанского края) климатические условия позволяли немцам эффективно заниматься земледелием и на неорошаемых землях, то в Степном крае им приходилось сложнее. Достаточно суровые природно-климатические условия степной зоны (холодные зимы, частая засуха в летний период), острый вопрос с водоснабжением (орошением), нехватка земель для пастбищ, сенокосов, водопоев для скота – эти и другие проблемы значительно осложняли адаптацию хозяйства и хозяйственных занятий немцев к новым условиям проживания. Тем не менее, уже через 10-15 лет после переселения немецкие хозяйства окрепли, стали образцовыми и доходными в регионах: «...с присущей любовью к труду в короткое время немцам удалось организовать прекрасное культурное зерновоскотоводческое хозяйство и вместе с тем оживить унылый ландшафт степи своими чудными садами-колониями. Жилые и хозяйственные постройки здесь буквально утопают в зелени... многие из них развели фруктовые и ягодные сады. Так, например, прекрасный сад принадлежит гражданину Петру Яковлевичу Крикеру в Равнополье. У него отлично развился крыжовник – до 500 кустов, есть яблони «Антоновка», легко переносящие местную суровую зиму...». В немецких поселках и Туркестана, и Степного края немцы занимались не только разведением крупного рогатого скота, свиноводством и овцеводством, они также проводили большую племенную работу, выводили новые породы КРС и лошадей. В начале XX в. в меннонитских колониях Таласской долины была выведена аулиеатинская порода крупного рогатого скота и улучшена порода лошадей. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. в Павлодарском уезде в лютеранском п. Розовка насчитывалось 777 голов скота, из них 228 – лошадей, 218 – КРС, 29 – овец, 302 – свиньи, а в меннонитском поселке Равнопольское – 493 голов скота, из них 178 – лошадей, 144 – КРС, 4 – козы и 167 – свиней. Если первоначально животноводство в хозяйствах немцев играло вспомогательную роль, как и различные ремесла, то к середине 1920-х гг. в некоторых хозяйствах немцев Семипалатинской области, в частности в п. Мариенбург Бель-Агачского района, соотношение между зерновым хозяйством и животноводческим в процентах составляло 65 и 35% соответственно; в поселке были представлены немецкая, полукровно-немецкая и местная породы крупного рогатого скота. В южных регионах Казахстана разведение лошадей и крупного рогатого скота стало иметь для многих немцев самостоятельное хозяйственное значение: «..у некоторых зажиточных крестьян, как Корнелиуса Янца-старшего, Аарона Дика и Корнелиуса Валла имелись значительные стада породистых лошадей верхового типа...улучшенный скот продавался по всей Сырдарьинской области и за ее пределами...».

Немецкие крестьяне занимались мелким ремесленным производством и промыслами. Во многих поселках были кузницы, столярные мастерские, мельницы. В течение короткого времени большинство немецких хозяйств стали высокотоварными, чему способствовала помощь материнских колоний, а также практика общинной взаимовыручки, создание кооперативов, товариществ. В начале XX в., как в северо-восточных, так и южных регионах Казахстана, помимо изготовления молочных продуктов в домашнем подворье, у немцев существовали потребительские кооперативы, занимавшиеся переработкой молока и изготовлением масла, различных видов сыров и прочего. Например, в 1909 г. в с. Романовка был открыт единственный в Туркестанском крае маслозавод, где имелось и сыроваренное отделение. В 1912 г. в немецких колониях Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области действовали 4 сыроваренных и 6 маслобойных заведений

кустарного типа; в первой половине 1920-х гг. в меннонитских селах Павлодарского уезда были созданы различные формы кооперации, которые в том числе занимались переработкой мясомолочной продукции и изготовлением масла, сыра, колбас [47; с. 96].

Одним из показателей экономической адаптации стало постепенное преобладание скотоводства у крестьян.

Таблица 1. О значении скотоводства в хозяйстве переселенцев можно судить на основании следующих данных также за 1897 год:

В селениях	Численность населения	Лошадей	КРС	Овец	Коз	Свиней	Всего скота
Крестьян старожилов	5364	2877	4742	6842	18	184	14963
Переселенцев в Семипалатинском уезде	911	205	305	199	0	6	725
В Усть-Каменогорском	2828	2001	2387	3003	258	230	7879

В переселенческих селениях, расположенных в Алтае, начали разводить маралов [48; с.145].

О влиянии казахов на хозяйство переселенцев прежде всего говорит табунное содержание скота на подножном корму, которое практиковалось русскими и летом, и зимой. Этому способствовали широкие просторы пастбищ области и приобретение русскими засельщиками, как правило, казахского скота, привычного к тебеневке, даже в трудные зимы. Кроме этого, опытных скотоводов-казахов русские охотно нанимали пастухами на летний и зимний сезоны.

Летом отары овец и табуны лошадей русские отгоняли далеко от селений, на летние пастбища, оставляя только необходимый рабочий скот, а зимой поголовье содержалось в удобных урочищах, где было легче добывать тебеневкой подножный корм. В таких местах русские строили избушку для пастуха-казаха и открытый загон для скота, преимущественно из камня, навоза. В лесистых районах – из жердей. Обычно при таких зимних стойбищах имелся запас сена, которым скот подкармливали только во время сильных ветров и снежных буранов. Отары овец и табуны лошадей старались содержать и летом, и зимой, подальше от населенных мест, сохраняя ближние, примыкающие к населенному пункту, пастбища для молочного крупного рогатого скота, так как овец и лошадей русские не доили. А некоторые менее состоятельные русские семьи отдавали свой малочисленный скот – овец и лошадей – на выпас своим тамырам-казахам [49; с. 103].

Отдельные зажиточные казаки, редко более поздние переселенцы-украинцы, заимствовали у казахов в качестве рабочего скота верблюдов, но в очень ограниченном количестве. Разведением коз русские не занимались. У прииртышских казаков в конце XIX в. строились «для скота – киргизские загоны, коровы доятся по-киргизски: с подпуском телят; табун лошадей, если он есть, плодится и множится по воле Божьей. Только сам казак не кочует, живет в хате. Вот и вся разница» [50; с. 591-592].

В области животноводства, за долгое время его существования, сложились многие общие и местные традиции, касающиеся пород скота и ухода за ним, хранения и первичной переработки получаемых продуктов и т.д. Здесь в Казахстане русские переселенцы вынуждены были заниматься коневодством, обучаясь этому у казахов. Без доброго коня в ту пору хозяйствовать было невозможно. Отсутствие коня или наличие одной или нескольких лошадей определяло жизнеспособность и мощь хозяйства, поскольку лошадь была необходима и для сельскохозяйственных работ, и как фактически единственное транспортное средство. Основным занятием казахов, до начала коллективизации, оставалось кочевое скотоводство. Жизнеспособность экстенсивного скотоводства обращала на себя внимание не только казахов, но и переселившихся в Казахстан крестьян. «Нельзя удивляться, что русские поселяне, видя перед собою успех скотоводства у кочевых племен, – писал в середине XIX в. Ю.А. Гагемейстер, – не заготавливающих сухого корма для стад своих, не имеющих хлебов и укрывающихся от вьюг только в камышах, лесах и ущельях, сами более помышляют о количестве скота, чем о лучшем его приросте. Оттого довольствуются они устройством холодных хлебов, которыми скотина защищается только от бурянов» [51; с.172-174].

Здесь Гагемейстер имел в виду опыт скотоводческого хозяйства казахов – содержание скота на подножном корму в зимних условиях, применяемый в переселенческом хозяйстве степных районов, где русское население тесно общалось с казахами и имело возможность ознакомиться с их хозяйством. Русские крестьяне осваивали опыт в выборе удобных зимовок, с небольшим снежным покровом, защищенных от бурянов; взаимовлияние казахского и русского населения проявлялось и в быту [52; с.209].

Распространение основных видов скота в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. зависело от экономических и природно-климатических условий. В Уральской области наиболее распространено было овцеводство. В разных уездах овцы составляли в стаде от 52 до 85%. Удельный вес крупного рогатого скота в области достигал 13,4%, лошадей – 8,9, верблюдов – 5,4%. В Тургайской области половину всего скота составляли овцы, крупный рогатый скот – 20%, лошади – 17, верблюды – 3,9%. В Акмолинской области удельный вес овец в стаде достигал 46%, лошадей – 28, крупного рогатого скота – 18, коз – 6, верблюдов – 2%. В Семипалатинской области в стаде преобладали овцы – 60%, средний удельный вес лошадей в поголовье скота составлял 19,4%, крупного рогатого скота – 13,8, коз – 5,8%, верблюдов – 1,3%. В Семиреченской области доля овец составляла 71,1%, лошадей, коз и крупного рогатого скота – 9, верблюдов – 1,4%. В Сырдарьинской области овцы составляли 60,7%, козы – 19,3, лошади – 6,8, крупный рогатый скот – 6,4, верблюды – 6,8% [53; с.210].

Переселенцы переняли у казахов разновидности грубошерстной курдючной овцы: баганалинские белоголовые серые, едильбаевские, зайсанские белые, жетысуйские бурые, сарысуйские красновато-рыжие, каркаралинские, кустанайские и др. Крупный рогатый скот был представлен казахской и красной калмыцкой породами, имевшими малую молочную продуктивность. Переселенцами из России и Украины были завезены новые породы крупного рогатого скота: симментальская, голландская, красно-немецкая, швицкая, серо-украинская [54; с.243-264].

В степных районах и русские крестьяне также стали пастись свой скот зимой на подножном корму, когда не хватало сараев и сена для стойлового содержания большого количества скота; только в лесостепной зоне держали его в хлевах,

кормили сеном и мелко изрубленной соломой, посыпанной мукой. Летом же крестьянский скот ходил на примыкавших к селениям покотинах, отделенных от пашен изгородями; осенью после уборки хлеба его выпускали на луг и поля. Во время весенней пахоты скот также пасли на подножном корму. Царской администрацией была создана комиссия, которая удостоверилась на месте, что в казахской степи, за отделением из нее округов, отошедших в состав Семиреченской области, только Кокчетавский, часть Атбасарского и Семипалатинский округа представляют выгодные условия для земледелия; остальная же степь, за редким исключением, единственно удобна для скотоводства. Лучшим доказательством тому было то, что казаки бросали земледелие и стали заниматься скотоводством, торговлей и мелкой промышленностью. Воздействие кочевой культуры казахов на пришлое русское население отмечал Н.М. Ядринцев, который утверждал, что «Заимствование инородной культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт» [55, с. 307].

Доминирование скотоводства стало одним условий адаптации и уйгур, и дунган в Семиречье.

Таблица 2. Развитие животноводства у уйгур и дунган к 1895 г.

Годы	Скота, голов	% к	Население душ обоого пола	Скота душу населения, голов
1895	61190	100,0	71091	0,86
1900	96627	157,9	74920	1,29
1903	130420	213,2	79196	1,65
1906	176166	287,9	91581	1,92
1909	190405	311,1	105085	1,81
1912	236531	386,5	106033	2,23

По свидетельству П.П.Румянцева, уйгуры и дунгане отдавали свой скот на выпас за незначительную плату. В селении Малыбай (Верненский уезд) «лошади на летний период – «джайлау» – а иногда и на зимнее время отдаются на выпас киргизам за плату-1-1,5 пуда пшеницы с головы на сезон. Овцы на руках у хозяина лишь в период стрижки, остальное время у киргизов, которые за это пользуются «джебагой» (грубой весенней шерстью), молоком и, кроме того, со стада 30 голов и выше, получают еще 10 пудов пшеницы. В селении Карасу Карамской волости Верненского уезда «богатые отдают скот на лето, а иногда и на круглый год на выпас киргизам. С головы крупного рогатого скота за 8 летних месяцев платят по 40 копеек, за 4 зимних месяца-30 копеек. Овец и коз отдают за молоко и весеннюю шерсть (джебагу)» [56; с.21-27].

В культурной адаптации пальма первенства несомненно принадлежит казакам. Казачество на территории Казахстана складывалось в течение нескольких веков и состояло из нескольких территориальных групп, представлявших собой отдельные казачьи войска и отличавшихся по ряду организационных, хозяйственных и бытовых особенностей. Уральские, Оренбургские, Сибирские, Семиреченские казачьи войска были одной из основ политического, военного, хозяйственно-экономического и социокультурного присутствия России в Средней Азии вообще и в Казахстане, в частности. Казаки непосредственно соприкасались с местным казахским населением, входили с ними в сложную систему отношений. Несмотря на частые конфликты и стычки, были и мирные и взаимовыгодные контакты, сопровождавшимися торговлей, обменом, заимствованием технологий, культурных и хозяйственных навыков, а порой - натянутыми и враждебными, сопровождавшимися

борьбой за земельные ресурсы, военными столкновениями, грабежами. Но при всей сложности взаимоотношений в отдельные моменты нашей истории казаки являли собой яркий пример гибкости и последовательности в сфере межэтнического общения. Казаки, жившие сначала на окраинах казахской степи, а впоследствии переселившись и в саму степь, при длительном совместном проживании с казахами, в силу численного превосходства иноэтнических соседей, ознакомившись с их домашним бытом, кочевым образом жизни и языком, сближались с казахами. Они находили точки соприкосновения с коренным населением, адаптировались к ним и сосуществовали, вольно или невольно интегрируясь с казахским населением на основе взаимодействия и взаимовлияния. Проживавшее в окружении казахов казачье население проявляло высокие коммуникативные способности.

Известный исследователь Н.Я. Коншин в очерке «Экономический быт киргиз Семипалатинской области и об устройстве кочевого населения на казачьих землях» описывает культурную адаптацию казаков:

«Казаки и киргизы издавна живут вблизи друг друга и взаимодействие их проявилось, конечно, не в одной экономической сфере. Формально казак называет киргиза «нехристом», «собакой», о смерти его говорит не иначе как «пропал», а не «умер» и никогда не обедает вместе со своим работником-киргизом, считая это, будто бы «грехом». Но все это один вошедший в обычай формализм и тот же казак в ауле у киргиза пьет вместе с ним чай, ест с одного блюда баранину и поглощает не меньше чашек кумыса, чем самый заправский киргиз. Последний в гостях у казака принимается также, как и всякий русский. Конечно, дом казака гораздо богаче и чище не только зимовки киргиза, но и любой избы крестьянина, но это несколько не исключает возможности найти у казака те же вкусы, как у киргиза. Оба любят украшать свои зимние помещения коврами, оба питают пристрастие к сундукам (части пустым у киргиза), которые должны свидетельствовать о богатстве хозяина. Костюм казака, его цветной бешмет с длинными рукавами-очень напоминает костюм богатого киргиза. Ранней весной киргиз спешит перебраться в юрту, как-в сарай или по-сибирски, в завозню, где и живет до осени. У богатого казака не редкость встретить во дворе юрту. Бесконечное чаепитие летом у казаков происходит, как у киргиз, за круглым столиком киргизской работы с низкими ножками, так что пить чай и прочее приходится сидя на земле по-киргизски. Попробуйте приехать летом в казачий поселок под вечер или в праздник, и вы везде увидите кружки казаков и киргиз, сидящих на земле и мирно беседующих друг с другом, часто на киргизском языке. Последние в казачьих поселках знают решительно все» [57; с.120].

Войлочные изделия казахской работы-кошмы (киіз), узорчатые войлочные ковры (текемет и сырмак) и узорные тканые полосы (алаша) издавна покупались и выменивались у казахов на хлеб не только русским казачьим населением, но и старожилами Южного Алтая и Бухтарминского края, у которых войлочные изделия казахской работы так широко вошли в быт, что без них не обходилась ни одна семья.

Длительное общение казачьего населения с казахами отразилось и на языке казаков, которые нередко даже в семье между собой говорили на казахском языке. Казаки заимствовали некоторые привычки казахов – ездили в гости в соседние казахские аулы. Мужчины любили группами беседовать по вечерам на зеленой поляне и т.д.

Наконец, взаимные браки русских с казахами на территории исследуемого края отразились даже на их физическом типе, особенно часты были такие браки среди прииртышских жителей, «где обе расы отчасти смешались» [58; с.149].

По сведениям В.Катаринского в хуторе Паролово Актюбинского уезда крестьяне-переселенцы говорили, что они «к киргизам относятся дружелюбно, а равно и киргизы не обижают их. Заметно киргизы стараются перенимать у русских способы ведения хозяйства, а также знакомятся с русским языком. Дети и молодые русские тоже невольно усваивают здесь киргизский язык при частых встречах с киргизами» [59; с.206].

Несмотря на частые конфликты, в первую очередь на земельной почве, регулярные контакты способствовали зарождению дружественных отношений между казахским населением и представителями других этносов. В процессе общения накапливался богатый опыт совместной жизни, адаптации этносов друг к другу, толерантного отношения к традициям, обычаям других народов. Именно он позволил многонациональному населению республики пройти через бурные события XX века и в 1991 году основать независимое государство в центре Евразии, ставшее примером межнационального согласия. Исследование данной темы несомненно позволит использовать данный уникальный опыт в плоскости современных межэтнических отношений в Республике Казахстан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). – Т.4. – М.-Л., 1948; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Ата, 1960.- 175 с.
2. *Мырзахметова А.Ж.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце 19 – начале 20 вв. Автореферат дис. на соискание уч. степ. к.и.н. – Караганда, 2017. -288 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А.Тройницкого. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – СПб., 1905, Вып. 7.-115 с.
4. *Букейханов А.Н.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Избранное. – Алматы, 1995. -с. 51.
5. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / Предисл. Л.А. Гольденберга и др. – М.: Наука, 1977. -с.250.
6. *Турсунбаев А.* Из истории крестьян-переселенцев в Казахстане. – Алма-Ата, 1950. -с. 125.
7. *Алексеев Н.В.* Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата, 1981.- с.301.
8. *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX века. – М., 1980.- с. 320.
9. *Касымбаев Ж.К.* О демографии городского населения Прииртышья во второй половине XIX века // Вестник АН КазССР. – 1975. - № 12.- с.57.
10. *Галиев А.Б.* К истории миграции населения Казахстана // Вестник Академии наук Каз ССР. - 1979. - № 5. - с. 54-56.
11. *Кронгардт Г.К.* Переселенческое движение и демографические изменения в Южном Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск, 1980.- с. 77.
12. *Кабилов М.Н.* Переселение илийских уйгур в Семиречье. – Алма-Ата, 1951.- с.89.
13. *Галузо П.Г.* Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 11. – Алма-Ата, 1961. -с. 75- 125.
14. *Захарова И.В.* Уйгуры // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. – М., 1963.- с. 488- 536.
15. *Баратова Г.С.* Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX-XX вв. Автореферат на соиск. уч. степ. к.и.н. – Алма-Ата, 1988, с. 79.
16. Вопросы истории и культуры уйгуров. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1987. - с.729.
17. *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917- 1980 гг.). – Алма-Ата, 1991.- с. 189.

18. Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920-1990. – Алматы, 1993. - с.288
19. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане / Под ред. Ж.А. Кулекеева; Сост.: А.Б. Гали, А.Б. Калышев, К.С. Каражанов. - Алматы: Агентство РК по статистике, 1998. - с.201.
20. Егинбай А.Е. Особенности проявления культурных связей домостроения в адаптационных процессах. Ахинжановские чтения-2022/Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых. А. 2022.-с.209-212.
21. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др.-Алматы: Дайк-Пресс, 2000.- с. 230-235.
22. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923.- с. 2 - 213.
23. Козина В.В. Демографическая история Казахстана: Учеб. пос. - Караганда: Изд-во Кар ГУ, 2007.- с. 31-32.
24. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации, Караганда, «Полиграфия», 1993.- с. 38.
25. Там же.-с. 40.
26. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар, 2005-с.146
27. Егинбай А.Е. Особенности проявления культурных связей домостроения в адаптационных процессах. Ахинжановские чтения-2022// Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых. А. 2022. - с 40.
28. Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. Карашоқы, старая зимовка в долине Аксары в Центральном Казахстане // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). – 2019 г.: Вып.15 – Барнаул: АлтГПУ, 2020. - 276 с.
29. Отчёт о научно-исследовательской работе «Симбиоз кочевой и оседлой культуры казахов как цивилизационный код степи». – Нур-Султан, 2021. – 68 с.
30. ЦГА Каз ССР, ф.369, оп.1, д. 4614, лл. 3-8, 31.- 52-86.
31. Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX-начала XX в. (1867-1917 гг.) Издательство Академии Наук Казахской ССР Алма-Ата 1963.- с. 129.
32. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар, 2005.-с.147.
33. Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX-начала XX в. (1867-1917 гг.) Издательство Академии Наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1963.- с.130.
34. Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске. «Военный сборник», 1861, № 5.- с. 4-8.
35. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар, 2005.-с.148.
36. Там же. - с.149.
37. Герасимов.Б. В долине Бухтармы. «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отд. РГО», вып. V, 1911. - с.21.
38. Аргынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар, 2005. - с.149.
39. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии Последняя четверть XVIII-60-е годы XIX в. Москва, Издательство «Наука», 1980. - с.156.
40. Румянцев П.П. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», №9, 1911.- с. 218.
41. Скрыплев П.А. Русские селения в Чимкентском уезде, 1911. - с.56.
42. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.) Москва «Наука» 1986- с.211.
43. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.) Москва «Наука» 1986. - с.215.
44. Сибирские переселения Выпуск 3 Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII-начале XX вв. Сборник документов. Под редакцией М.В.Шилковского, Новосибирск, 2010.- с. 185.
45. Переселенческая политика царского правительства и ее осуществление в Восточном Казахстане (XVIII-начало XX вв.) Сборник документов Часть 1 Семей, 2010.- с. 94.
46. Кригер В.Э. Социально – экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): автореф. диссканд. ист. наук. Алма-Ата,1991. - с.10.

47. Переселенческая политика царского правительства и ее осуществление в Восточном Казахстане (XVIII-начало XX вв.) Сборник документов Часть 1 Семей, 2010.- с. 96.
48. *Аргынбаев Х.А.* Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар, 2005.- с.145.
49. *Бежкович А.С.* Скотоводческий быт украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 16, Л., 1930.- с. 103.
50. История Казахстана с древнейших времён до наших дней. В 5 томах. Т. 3. Атамұра, Алматы, 2000. -с. 591-592.
51. *Раздыков С.З.* Русские Казахстана, Астана 2016.-с.172-174.
52. *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.) Москва «Наука» 1986, с.209.
53. *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.-1917 г.) Москва «Наука» 1986, с.210.
54. *Ядринцев Н.М.* Значение кочевого быта в истории человеческой культуры // Сибирские инородцы, их быт и современное положение. - СПб., 1891. - с. 243-264.
55. *Галузо Н.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. Издательство «Наука», Алма-Ата-1965. - с.307.
56. *Каженова Г.Т.* Казачество в современной истории Казахстана. // Вестник Кар ГУ. Серия «История, философия», 2017. – № 3(67). - с. 21-27.
57. Переселенческая политика царского правительства и ее осуществление в Восточном Казахстане (XVIII-начало XX вв.) Сборник документов Часть 1 Семей, 2018. - с.120.
58. *Аргынбаев Х.А.* Историко-культурные связи русского и казахского народов Павлодар. 2005.- с.149.
59. *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX-начала XX в. (1867-1917 гг.) Издательство Академии Наук Казахской ССР Алма-Ата, 1963. - с.206.

ДЖИЕНАЛИЕВ ЕРЛАН КУРМАШЕВИЧ

докторант, кафедра «Археологии и этнологии» исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева
г.Астана, Республика Казахстан
e-mail: erlan.77@inbox.ru

**THE PROCESSES OF ADAPTATION OF POLES IN KAZAKHSTAN
IN THE XIX-XX CENTURIES**

Аңдатпа. Зерттеудің өзектілігі этностың өзге мәдениеттік мәдени ортада табысты бейімделуінің үлгісін көрсететін республиканың демографиялық, әлеуметтік - экономикалық, саяси және мәдени өмірінің тұрақты компонентіне айналған Қазақстанның поляк диаспорасының XIX-XX ғғ. дамуы мен қалыптасуымен айқындалады. Мақалада поляктардың революцияға дейінгі дәуірде, Ұлы Отан соғысы қарсаңында және барысында депортация кезеңінде Қазақстанға қоныс аудару және бейімделу кезеңдері баяндалады. Қоныс аудару мен депортация кезеңдерімен қатар жер аударылғандардың, қоныс аударушылар мен жер аударылғандардың саны, шаруашылық, әлеуметтік, мәдени бейімделу түрлері егжей-тегжейлі сипатталады. Қазақстанның табиғи-климаттық жағдайларына ұжымдық бейімделудің қажетті шарты ретінде елді мекендерді құру үрдісі дәріптеледі. Жаңа жағдайларда өзара көмек көрсету, өзге этникалық ортада ұлттық кодты сақтау үшін этникалық принцип бойынша бірлестік құруды қарастырған тұрмыстың бейімделу егжей-тегжейлі сипатталған. Жергілікті экономикалық жағдайға бейімделу әрекетін білдіретін экономикалық бейімделу үрдісі көрсетілген. Қоныс аударушылардың жергілікті тұрғындармен әлеуметтік-мәдени қарым-қатынасы ерекше атап өтілді. Қазақстан поляктары диаспораның мінсіз типі болды, олардың төменде аталған ерекше белгілері болды: өзінің бастапқы Отанынан күштеп ажыратылу, ұжымдық есте сақтау және жоғалған отанының мифологизациясы; әкелердің қиял мұрасын идеализациялау; қайта оралу қозғалысы; ұзақ уақыт сақталатын күшті топтық этникалық өзіндік сана; басқа елдердегі этникалық бауырластармен ынтымақтастық сезімі; этномәдени толеранттылықты көрсететін «иелері» бар қабылдаушы елдердегі жасампаздық және өмірді байыту мүмкіндігі; диаспораның біртектілігі, ішкі қайшылықтардың болуы; өзін-өзі ұйымдастырудың ішкі қабілеті, топтық ынтымақтастықтың болуы және т. б. Қорытындылай келе, қайғылы тарихи оқиғаларға қарамастан, қоныс аударушылар жасампаз еңбекке бейімделіп, Қазақстанның дамуына белсене араласа алды деген қорытынды жасалды. Материалдар практикалық құндылыққа ие, өйткені үкіметтің бұл тәжірибені қолдануы сөзсіз этносаралық келісім атмосферасын құру саласында практикалық қолдануға негіз болады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Сібір, жер аудару, патшалық, бейімделу, көші-қон, отарлау, депортация, этнос, осадниктер, католицизм, шляхта, ГУЛАГ

Abstract. The study's relevance is caused by the fact that the Polish diaspora of Kazakhstan in the XIX-XX centuries has become a stable component of the republic's demographic, socio-economic, political, and cultural life, reflecting the model of successful adaptation of the ethnic group in a different cultural environment. The article highlights the stages of resettlement and adaptation of Poles to Kazakhstan in the pre-revolutionary era, during the period of deportation on the eve of and during the Great Patriotic War. Along with the periods of resettlement and deportation, the number of exiles, peasant settlers, and deported

Poles and types of economic, social, and cultural adaptation are described in detail. Creating settlements is described as a necessary condition for collective adaptation to Kazakhstan's natural and climatic conditions. Everyday adaptation is described in detail, which provides for the creation of an association on an ethnic basis for mutual assistance in new conditions and the preservation of the national code in a different ethnic environment. The trend of economic adaptation is shown, which is an attempt to adapt to local economic conditions through the occupation of the economy, crafts, and science; the Poles' contribution to Kazakhstan's culture is noted. Particularly noted is the socio-cultural interaction of immigrants with the local population, such as joint marriages, mutual influence of cultures, and others. The Poles of Kazakhstan were an ideal type of diaspora, the distinguishing features of which were the following: forced alienation from their original homeland, collective memory and mythologization of the lost homeland; idealization of the imaginary heritage of the fathers; backward movement; a strong group ethnic identity that persists for a long time; a sense of solidarity with ethnic brethren in other countries; the presence of «masters» demonstrating ethnocultural tolerance, the ability to create and enrich life in the host countries; homogeneity of the diaspora, the presence of internal contradictions; the internal ability for self-organization, the presence of group cooperation, etc. Finally, it was concluded that, despite the tragic historical events, the settlers were able to adapt to the Kazakhstani realities through their creative work and actively participate in the development of Kazakhstan. The materials are of practical value since using this experience in current conditions will inevitably become the basis for practical application in creating an atmosphere of interethnic harmony in the Republic of Kazakhstan.

Key words: Kazakhstan, Siberia, exile, tsarism, resettlement, colonization, deportation, ethnos, settlers, catholicism, gentry, GULAG

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что польская диаспора Казахстана XIX – XX вв. стала устойчивым компонентом демографической, социально-экономической, политической и культурной жизни республики, отражающим модель успешной адаптации этноса в иной культурной среде. В статье освещаются этапы переселения поляков в Казахстан и их адаптации в дореволюционную эпоху, в период депортации накануне и в годы Великой Отечественной войны. Наряду с периодами переселения и депортации подробно описывается численность ссыльных, крестьян-переселенцев и депортированных поляков, виды хозяйственной, социальной, культурной адаптации. Описывается процесс создания населенных пунктов как необходимого условия коллективной адаптации к природно-климатическим условиям Казахстана. Подробно описана бытовая адаптация, предусматривающая создание объединений по этническому принципу для взаимопомощи в новых условиях, сохранения национального кода в иной этнической среде. Показана тенденция экономической адаптации, представляющая собой попытку адаптации к местным экономическим условиям, через занятие хозяйством, ремеслами, наукой, отмечен вклад поляков в культуру Казахстана. Особо отмечены социально-культурное взаимодействие переселенцев с местным населением, такие как совместные браки, взаимовлияние культур и другие. Поляки Казахстана были идеальным типом диаспоры, отличительными чертами которых были следующие: насильственное отчуждение от своей первоначальной Родины, коллективная память и мифологизация утраченной родины; идеализация вообразимого наследия отцов; движение назад; сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся длительное время; чувство солидарности с этническими собратьями в других странах; наличие «хозяев», демонстрирующих этнокультурную толерантность способность к созиданию и обогащению жизни в принимающих странах; однородность диаспоры, наличие внутренних противоречий; внутренняя способность к самоорганизации, наличие группового сотрудничества и др. В заключении был сделан вывод о том, что, несмотря на трагические исторические события, переселенцы смогли адаптироваться к казахстанским реалиям, своим созидательным трудом и активно участвовать в развитии Казахстана. Материалы имеют практическую ценность, так как использование этого опыта в современных условиях неизбежно станет основой для практического применения в области создания атмосферы межэтнического согласия в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Казахстан, Сибирь, ссылка, царизм, переселение, колонизация, депортация, этнос, осадники, католицизм, шляхта, ГУЛАГ

INTRODUCTION

The history of ethnic Poles of Kazakhstan dates back more than a century and a half, starting with the policy of tsarism on the forcible resettlement of Poles to the territory of Kazakhstan from the middle of the nineteenth century. Nevertheless, scientists began to seriously engage in the ethnographic study of the Polish population of Kazakhstan, including the processes of adaptation, only in the second half of the twentieth century. Before 1917, the issues of the ethnic history of Poles in Kazakhstan, the ethnographic study of Kazakhstan were not the subjects of special research, and during the Soviet period, for a long time, research on the problems of the Polish ethnic group living in the Republic of Kazakhstan was inaccessible or, at best, inaccessible to the general scientific community.

According to A.V. Remnev, the main content of the relations between the diaspora and the host society is adaptation. By adaptation, we mean the initial stage of integration, that is, «socio-cultural adaptation» and the entry of an immigrant group into the society of its host country. With this approach, even segregation can be an adaptation option, since the latter is not synonymous with acculturation or assimilation. In the process of adaptation, the diaspora acquires new qualities and skills: it determines its place in the system of division of labor, its economic niche in the host society, designates its social roles, develops special cultural and psychological characteristics into a specific mentality [1]

Poles of Kazakhstan are one example of the successful adaptation of an ethnic group to another ethno-cultural environment. Therefore, in the modern period, attempts are being made in the republic to renew research interest in this problem. Recently, the staff of the Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan conducted a comprehensive sociological study of adaptive practices of Poles in Kazakhstan, aimed at clarifying social, economic, and cultural problems and finding solutions to them. Over the past few years, several works have been published that examine the history and modern ethnosocial processes among Poles in Kazakhstan.

MATERIALS AND METHODS

In the course of studying the presented problem, we relied on works and documents, having studied which we could trace the processes of resettlement and adaptation of Poles in Kazakhstan. Essential sources for us were materials from the State Archive and archives of the President of the Republic of Kazakhstan, the city of Nur-Sultan, as well as materials published in various collections of documents, the information provided by the Polish center of the Assembly of People of Kazakhstan, as well as Internet resources where there is a significant layer of information about this problem. In preparing this publication, the following methods of scientific research were used: a case study (method of specific situations), including analysis and synthesis of information, revealing the regularity, interrelation, and interdependence of processes; as well as the method of analogy, requiring the establishment of similarities in some aspects, properties, and relationships between non-identical objects of research, based on which we made the appropriate conclusions. Bibliometric quantitative methods were also used, with the help of the structure, dynamics, and interrelations of various phenomena in a library, information, and documentation activities. Content analysis is one of the bibliometric methods used by the author when writing this article. It was used to study significant arrays of documents: press works, normative-official, accounting, and other documentation. In the texts of the documents, some semantic units («observation units») were distinguished: the authors and titles of works, the type of publication, the date of issue, etc. A careful calculation of the identified units and the frequency of their use, taking into account the assessments that are given to them in the texts, made it possible to

identify trends in the development of various phenomena: the information interest of various groups of users to certain types and genres of documents, the level of information culture, the effectiveness of methods of working with consumers of documentary information, etc.

Scientometric methods were also used for quantitative studies of the structure and dynamics of arrays and flows of scientific information.

CONSIDERATION \ DISCUSSION

Three groups of sources represent sources on the history of adaptation of Poles in Kazakhstan:

1. Pre-revolutionary literature
2. Sources of the Soviet period
3. Studies of the period of independent Kazakhstan

The peculiarity of studying issues of the formation of the multiethnic structure of the population of Kazakhstan in the pre-revolutionary period was their consideration mainly through the prism of studying the history of the participants' exile. In this regard, the researchers focused on the determining factors of migration flows, the socio-economic and political consequences of resettlement, and the prospects for the interaction of migrants with the local population.

Numerous statistical materials can be included here. Among this group, we can single out the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897, containing the first official information on the number of major ethnic groups living in Kazakhstan, including Poles.

Among the works of Polish researchers of the late XIX-early XX centuries, Sigmund Librovich and Mikhail Yanik provide reviews of the life of Poles of Kazakhstan in exile on the territory of Kazakhstan and Siberia, numerical data are provided, and their socio-economic situation is analyzed.

Z. Librovich concluded that the Poles in exile, with few exceptions, have not lost either their national traits or their civic-patriotic feeling. At the same time, the successful socio-economic integration of migrants did not act as a guarantee of assimilation for Librovich [2].

According to M. Yanika, Siberia and Kazakhstan were a «school of practical democracy» for Poles, teaching representatives of various social strata, nations, and religions to live and work together. Here Poles got acquainted with Russian revolutionaries and Kazakh enlighteners and, supplemented their ideas about the social revolution, expanded their knowledge in geography, geology, and other sciences, without which it would be impossible to survive in the region [3].

In Soviet historiography and the studies of Polish historians, the problems of adaptation of Poles and cultural interaction were practically not raised. The topic of revolutionary ties remained a priority. At the same time, the 1860s received the most attention. It was assumed that during this period, the revolutionary ties of Poles, Russians, and Kazakhs left the sphere of ideological disputes and revolutionary propaganda and acquired paramount practical significance, mainly determining the social content, tactics, and chances of success of the liberation movement of people. The slogan «For our and your freedom!» became an imperative in Polish and Soviet historiography of the following time. Soviet historiography gave rise to the image of a Polish revolutionary who worked closely with Russian and Kazakh figures of the liberation movement. Emphasizing the commonality of the ideals and aspirations of the people, the researchers avoided ethnocultural collisions. Socio-economic, political, legal, and cultural aspects became a kind of background on which the main action was played out -the creation of secret Polish organizations and the establishment of contacts between

Polish and Russian revolutionaries, figures of the Kazakh national liberation movement [4].

The book by G.S. Sapargaliev and V.A. Dyakov, «Socio-political activity of exiled Poles in pre-revolutionary Kazakhstan», highlights the issues of the political activity of Poles exiled to Kazakhstan in the XIX century based on materials from numerous sources [5].

After Kazakhstan gained independence, there was a surge of interest in the topic of the exile of Poles in the XIX century and their deportation in the XX century, which was due not only to political motives but also to the opening of archives and publications of new documentary sources. The accumulation of a large amount of factual material allowed researchers to describe the living conditions of exiles and their socio-legal situation and raise the question of the existence of specific behavioral strategies of Poles in Kazakhstan and Siberia.

In the works of Russian and Polish researchers V.Slivovskaya[6], E.Kachinskaya [7] and S.G. Pyatakova [8] A.V.Remnev [9], E.N.Tumanik [10], L.K.Ostrovsky [11], S.G.Filya [12], T.P.Mosunova [13], N.Galetkina [14], B.S.Shostakovich [15], A.A.Krikh [16] and other authors increasingly use the term «adaptation». Almost all the activities of Poles in Kazakhstan and Siberia are beginning to be viewed through the prism of this concept. However, the life troubles of the exiles turned into adaptation difficulties, and successes were presented as a consequence of high adaptive potential or favorable external conditions.

V. Slivovskaya identified three variants of adaptation strategies of Polish exiles: The first type - was the rebels who prepared escapes, made plans for an uprising, and were always ready to be punished for their actions. This type was formed, first of all, in the Russian troops, where Poles were massively exiled to the first half of the XIX century. The second type – contemplative-philosophical – grew out of recognizing Siberia as a school of character, giving unlimited opportunities for internal improvement. Finally, the third type, the most common, manifested itself in an attempt to create special rules of life in new conditions that would allow exiles to improve socio-economic conditions, satisfy spiritual needs, and help compatriots [17].

The study of the history of the deportation of Poles to the territory of Kazakhstan began in 1930-1940s. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan has published a collection of documents called «From the history of Poles in Kazakhstan» (1936-1956), where mentioned tragic events are consecrated [18].

Mikhailova L.A. [19] and Volkov A.V. [20], in their studies, showed the processes of deportation of Poles to the territory of Kazakhstan during the period of forced resettlement and their mutual relations with the local population.

Despite the extensive source material about the Poles of Kazakhstan, they only superficially sanctified the processes of their adaptation to new conditions. The Polish population's economic, social, cultural, and household adaptation during the tsarist exile and forced deportation during the Great Patriotic War have not been sufficiently studied.

CONCLUSION

The first Pole recorded to visit territories of Kazakhstan was Benedict Pole, a Polish Franciscan, traveler, and researcher. He accompanied Giovanni Plano de Carpini on his journey as the ambassador of Pope Innocent IV across the Kazakh steppes to the Mongol Empire in 1245-1247 to the grandson of Genghis Khan, the Great Khan Guyuk. He walked along the Silk Road through the south of Kazakhstan, recording in his diaries the realities of life and everyday life of the distant ancestors of today's Kazakhs. As a result, Benedict became the author of a short chronicle, «On the journey of the lesser brothers to the Tatars», which contains information about the medieval tribes of Kazakhstan.

At the beginning of the XVII century, the first Poles-prisoners of war who were captured due to an unsuccessful intervention in Russia - came to Siberia and Northern Kazakhstan.

The first stage of the mass migration of Poles to the territory of Kazakhstan occurred at the end of the XVIII and the whole XIX centuries. It was associated with the sending to Siberia and Kazakhstan participants in the Polish uprisings of 1794, 1830-1831, and 1863-1864.

The first Poles in Northern Kazakhstan were officers of the Shirvan and Neteburg regiments who served in the tsarist troops and arrived to build fortresses of the Novoishimskaya line. At the end of the XVIII century, the number of settlers in Northern Kazakhstan was replenished by the rebels led by Tadeusz Kosciuszko and defeated by the tsarist troops.

After the suppression of the Polish uprising of 1830-1831, several thousand Poles were exiled to Siberia. Most were assigned to the Siberian Cossack Army and placed on fortified lines. The defeat of the Polish conspiratorial organizations of the 1920s and the national liberation uprising of 1830-1831 led to a rapid increase in the number of exiles. Bronislav Zalessky, who arrived in exile in the 40s, wrote that there were more than two thousand repressed Poles in the fortresses of the Orenburg Region at that time. According to official data preserved in the papers of the Orenburg Governor-General V.A. Obruchev, in 1850, there were 1,667 «fined lower ranks» in the Orenburg corps, mainly from Poles [21].

After the defeat of the Polish uprising of 1863-1864, 128 were executed, 972 were exiled to hard labor, 1427 were settled in Siberia and Kazakhstan, 325 were given to soldiers, 864 were exiled to prison companies, 1529 were exiled to the inner provinces, and 9631 people were resettled to state lands within the empire. The total number of Polish exiles was approaching 40 thousand [22].

On January 1, 1867, the following numbers of Polish had been exiled to the districts of the Tobolsk province: Omsk-1274, Tobolsk-430, Tarsky-540, Ishim-494, Turin-7, Yalutorovskiy-7, Kurgan-10.

In Tomsk province, in July 1865, there were more than 5 thousand Polish exiles. In the cities and districts of the Tobolsk province (Omsk, Petropavlovsk, Ishim, Kurgan, etc.), by January 1, 1867, 656 people were exiled to residence with deprivation of certain rights under the supervision of the police, 833 people were exiled administratively, 827 and 347 people were exiled in the cities and districts of the Tomsk province, respectively. In the Semipalatinsk region, 38 Poles were under police supervision in 1866. The police report indicated that the persons named in it were exiled for political affairs and «unreliable way of thinking.» There were 480 Poles in the line battalions of Western Siberia who were sent to military service for «political crimes». Only 43 Polish soldiers served in the sixth battalion in the Kapala fortification and the seventh battalion in Sergiopol (Ayaguz)-22 Polish soldiers [23].

The situation of exiles in Kazakhstan and Siberia was initially challenging. The bitterness of defeat, forced separation from their homeland, and exile to an unknown and hostile land with a harsh climate and a foreign cultural environment were very difficult for them. Not everyone withstood such severe tests.

Petropavlovsk's letter of political exiles addressed to the governor of Akmola, dated February 14, 1889, is characteristic. It described the bullying of the guards, who did not give the exiles rest day or night, interfered in their personal lives, constantly harassed them, and forced the owners of the apartments to monitor their every step [24].

Mass repressions caused the need for the legal regulation of the conditions in which the exiled and resettled Poles had to be. On March 5, 1864, the tsar approved the rules for

the expulsion and placement and returned to police supervision of the uprising participants. The «political criminals» expelled from Poland by a court and administrative procedure were divided into categories. Those sentenced to detention in prison companies after the end of the term were appointed to settle in the Yakut and Turukhansky territories and the Arkhangelsk and Tobolsk provinces.

The financial situation of Poles in Kazakhstan was also complicated. Those with specialties could not find a job since there were almost no industrial enterprises in the places of exile. As a rule, the Minister and the Governor-General refused requests from political exiles to allow them to work for hire in State and public institutions.

Many of the exiles arrived without their families, hoping that exile was a temporary measure of punishment and that they would soon return to their homeland. However, the tsarist authorities decided differently. The Resettlement Commission began to find out from the exiles whether they would like to discharge their families. The exiles refused, stating they did not want to put their relatives at risk since they did not know what awaited them in the future. However, the resistance could not last long. The authorities broke him with the help of pressure and various tricks. The head of the Tobolsk province, Despot-Zenovich, wrote on June 10, 1865, that immigrants were being inspired to settle in Siberia for permanent residence and therefore, to strengthen and improve their way of life, they should try to create their economy faster [25].

For a long time, the Polish exiles being settled did not receive the allowance they had received from the treasury. And then it began to be issued in parts, so the exiles could not get a farm.

Driven to poverty and despair, the Poles organized hundreds of escapes, which almost always failed in the vast expanses of Siberia and Kazakhstan. Polish exiles hoped for the help of the Kazakhs and often received it. One of the fleeing Poles said that about 150 of them intended to reach the Kazakhs. A Pole and a Kazakh led this group. A group of Polish soldiers escaped from the Kapala fortification, trying to get to their homeland through China. A Tatar showed them the way. The Tsarist administration in 1864 decided that the return to the troops of «persons Polish origin, who committed escapes to evade military service, is dangerous for the dignity and morality of the army, which indicates ill will towards the government.» It was decided to put «deserters» of Polish origin on trial on a general basis to impose additional punishments in the form of exile to the most remote places of Siberia in addition to the sentence [26].

As an indicator of the adaptation process, historians are considering the Poles' solution to the dilemma: to stay in Siberia or to leave? However, upon closer examination, it turned out that the choice of exiles was not always the result of internal self-determination. Professor of the University of Gdansk F. Novinsky, considering the problems of the implementation of the amnesty of 1856, noted that the decision of the exile to stay in Siberia was influenced by many external factors: the inconsistency of the actions of local and central authorities, the lengthy procedure for obtaining an exit permit, bureaucratic delays. Some exiles could not leave due to the unwillingness of the local authorities of the Kingdom of Poland to accept the amnestied or the lack of money for the Poles to move. The adaptation of those who returned to the Polish or western provinces also did not go smoothly, confirmed by numerous examples when former exiles, finding themselves in their homeland without money and work, sought to return to the Trans-Urals [27].

The lack of hope for a return and the negative attitude towards the first Polish exiles convinced the Poles «that Siberia and Kazakhstan are a new homeland for them, that one way or the other should be strengthened in the only hopes for it alone.» Therefore, the forcibly

resettled had no other choice but to adapt to the new harsh realities. The main prerequisite for successful adaptation was the emergence of the Polish Diaspora in places of exile.

The Polish exile of the XIX century represented an almost ideal type of diaspora, consistent with most of the features identified: dispersion concerning their original homeland, often violent, collective memory and mythologization of the lost homeland; idealization of the imaginary heritage of the fathers; return movement; strong group ethnic identity, persisting for a long time; a sense of solidarity with ethnic brethren in other countries; the possibility of creative and enriching life in host countries with «hosts» showing ethnocultural tolerance; heterogeneity of the diaspora, the presence of internal contradictions; internal capacity for self-organization, the presence of group solidarity, etc.

Russian sociologist V.D. Popkov identified eight criteria by which it is possible to classify diasporas: common historical fate, legal status, circumstances of appearance, the nature of motivation for resettlement, the nature of stay in the territory of the settlement region, the presence of a «base» in the region of a new settlement, «cultural similarity» with the host population and the presence of state entities on the territory countries of origin [28].

According to I.V. Romanova, Poles in the XIX century created an «internal diaspora» on the principle of «homeland as a place of exile». The peculiarity of the existence of the Polish diaspora was that the Poles were subjects of the Russian Empire. This fact allows us to attribute the Polish diaspora to an «independent type» and consider their migration as a component of the «internal colonization of the Russian Empire» [29].

Two variants of the diaspora interpretation will be significant for our research. Firstly, the definition of the diaspora developed within the framework of the sociological school as a stable set of people of a single ethnic origin living in a non-ethnic environment outside their historical homeland and having social institutions for the development and functioning of this community [30].

Such a positivist interpretation of the diaspora will allow us to explore the external parameters of Polish exile. In this case, the functioning of the diaspora is analyzed through the activities of specific organizations, communities, ethnic communities, and national cultural organizations. The main component of its activities is the opposition to assimilation and the preservation of cultural identity.

In the study, we will first be interested in group forms of adaptation that allow us to distance ourselves from ethnopsychology and consider national relations as a kind of social interaction. The degree of integration of members of the diaspora in the host society is considered according to the following criteria: the presence of official work, the intensity of contact of members of the diaspora with the outside world, the correspondence of the behavior of members of the diaspora with the outside world, the correspondence of the behavior of members of the diaspora with the requirements of the host society, the presence of a diasporic identity.

E.L. Nitoburg identified several factors that determine the form and duration of the adaptation process: the qualitative characteristics of the diaspora (the orientation of the group, the socio-class composition of the method of settlement) and the external conditions of adaptation (the attitude of the ruling circles and authorities, various segments of the population, public opinion of the recipient country, socio-legal status).

Heterogeneity of the diaspora, which means different readiness of its components to adapt; heterogeneity of external factors (the territory of Kazakhstan differs in climatic, socio-cultural, economic conditions), nuances of the legal status of exiles -all this actualizes the study of Polish exile in individual administrative units [31].

The process of adaptation of Poles in Kazakhstan and the transformation of their identity accompanied the entire period of exile. Already in the memoirs of exiles, we find descriptions of Polish colonies or meetings with compatriots who had previously found themselves in Kazakhstan. In their person, the memoirists wanted to see those whose example and practical survival experience in Kazakh society could be relied on [32].

Kazakhstan's experience was assessed by contemporaries, as a rule, according to two components: the economic well-being of the Polish migrant and his national identification. The latter was determined by external factors-whether a compatriot spoke Polish, whether he retained the faith of his fathers, and whether he entered into a mixed marriage. Without these landmarks, Poles were identified based on the sound of surnames, clothing features, lifestyle, or «Polish type of person».

S.G. Pyatakova identified three periods of adaptation in Siberia of exiled Poles in the 60s of the XIX century.

1.1860s. -the structure of the life of Poles in Siberian exile

2.1870s-life and activity in Siberia, completion of initial socio-economic and socio-cultural adaptation

3.1880-1890s -return to the homeland after the amnesty of 1883 or continuation of life in Siberia [33].

By being under challenging conditions, Polish exiles sought to unite for mutual support. It is the first stage of adaptation and was caused by the natural need of people to be cut off from their homeland, from the familiar environment and valuable activities. Unification made it easier to adapt to the conditions of exile and not to lose their national ideals and political beliefs. In most cases, the exiles did not seek isolation from the environment into which fate had thrown them; many actively tried to engage in social and political life. At the same time, they tried to attract representatives of other peoples to their associations.

In the 20s of the XIX century, Poles exiled to Orenburg were united in a community. Having experience in conspiratorial work, they tried to include reliable people in it. One of the organizers of the fraternity was Jan Vitkevich. The main tasks of the community, or the circle of Polish exiles, are mutual support (moral, material), exchange of views on various socio-political issues, etc. At the turn of the 40s and 50s, the Orenburg circle of exiled Poles included B. Zaleski, Z. Serakovsky, B. Kolesinsky, L. Lipsky, etc. According to the testimony of F. Lazarevsky, the Orenburg circle was the center of activity of exiles in the Orenburg region. According to B. Zalesky, «in every battalion, in every fortification, there was someone who ruled over others. It was like the head of the group, the guardian of the poorest and weakest. They had secret huts not far from the barracks. Visitors could relax or read some book, and the books the exiles had in their various homes kept up the spirit and helped expand their knowledge.» The Orsk circle of 1847-1850 can serve as an example of the association of exiles in a remote garrison.»

The political exiles of the 60s showed a fervent desire for liberation and unshakable confidence that they could achieve it. Already on the way to exile, attempts were made in some parties to start organizations and establish committees to unite exiles.

From archival materials, it can be seen that in almost all places in Siberia where Polish exiles were, during 1846-1866, committees, mutual aid funds, and libraries were created. In the mid-60s, numerous organizations of exiled Poles, divided into hundreds and dozens, covered almost the whole of Siberia and maintained contact with Moscow and St. Petersburg [34].

In the XIX century, centers of Polish culture appeared in Siberia and Kazakhstan, where Poles, exiles, and voluntary migrants were concentrated. First of all, these large

family homes have become a center of cultural and psychological support, «a real haven for fellow countrymen.» Meetings in «Polish houses», the celebration of name days, national and religious holidays, living together, and farming—all these numerous examples reflected in the memoir literature allowed Polish researchers V. Slivovskaya and Ya. Trynkovsky assumes that the exiled Poles showed a particular inclination (or even need) to focus and self-organization [35].

The diaspora members faced a choice: to accept the norms and values of the new society, abandon the values that define identity, or remain marginalized by traditional views. The correspondence between the fundamental attributes of the values and norms of the individual and the host social groups can be considered an indicator of adaptation. The one who has learned to behave under the norms established by the members of the new society has adapted well. Culture is the primary mechanism by which human collectives adapt to the environment, and its most apparent manifestation is behavioral models. The most striking variant of this phenomenon is represented by the charters of mutual existence societies that existed in many Siberian and Kazakh cities.

These organizations played the role of a diaspora community. The purpose of these associations was to improve the living conditions of exiles in psychological, social, and material terms.

One of the crucial points of the charter of Polish organizations was the requirement not to have relations with dissolute women and not to marry. In Polish literature, «involuntary celibacy», the facts of restraint of love for women of other faiths were considered a positive factor, and examples of mixed marriages were justified by vital necessity, devoid of feelings and romanticism.

Maintaining the high moral character of the exiles, the Polish community tried to increase the group authority of representatives of the Polish people in Siberian and Kazakh societies.

An essential factor in the ethnocultural adaptation of Poles was religion. According to researchers, the construction of a church in a particular locality testified to the formation of a Polish colony or was the culmination of its consolidation [36].

Of all the social institutions within the Polish colonies, T.P. Mosunova believes that the Catholic community should be recognized as the first to preserve national identity. It represented a universal structure that allowed it to cover all spheres of society. Erasing social and other differences, the Catholic community included the entire diaspora, offered ready-made mechanisms of governance and self-government, and carefully preserved traditions, language, and everyday life [37].

At the turn of the century, the development of ethnic-confessional communities passes into the next stage - the stage of «tradition». Enclave villages and keepers of ethnocultural traditions appeared on the territory of Northern Kazakhstan. The well-known isolation of Polish society and the productive missionary activity of the Catholic clergy led to the fact that even before entering into a steady process of modernization, the Polish diaspora managed to find the stage of «tradition» [38].

In the process of adaptation, there is not only a transformation of the ethnic and religious components of the identity of migrants but also the emergence of a religious identity, which gradually replaces the one conditioned by the position of the migrant.

According to L.V. Kalmina, during the XIX- early XX centuries. Poles have the next stage of adaptation - «building bridges» across the gap separating the «newcomers» and the «indigenous», the convergence of the characteristics of the mentality of both to the extent that it turns out to be necessary and acceptable for them. It manifested itself in the

«cautious» integration of Poles with a constant look at their national and religious worldview [39].

This adaptation stage led to the Russification of most exiles, often through mixed marriages.

The famous Russian ethnographer S.V. Maksimov considered mixed marriages the main enemy of Polish identity: «Children born of a Polish father and a Siberian mother, using the mother's language, only in facial features or character manage to retain traces of Polish origin. However, it is worth this half-breed to marry a Siberian woman so that the most biased and enthusiastic Pole will not find the slightest signs of Polish blood in his grandchildren.»

Most Poles who found themselves in Kazakhstan and Siberia quickly merged in language and ethnic identity, primarily with the Russian population, and apart from surnames, they had nothing Polish. «Russification of exiled Poles seems to be a tangible and indisputable phenomenon in Siberia,» wrote S.V. Maksimov [41].

But it is worth this half-breed to marry a Siberian woman so that the most biased and enthusiastic Pole will not find the slightest signs of Polish blood in his grandchildren.

Most Poles who found themselves in Kazakhstan and Siberia quickly merged both in language and ethnic identity, primarily with the Russian population, and apart from surnames they had nothing Polish. «Russification of exiled Poles seems to be a tangible and indisputable phenomenon in Siberia,» wrote S.V. Maksimov [41].

The process of Russification was facilitated by the fairly rapid integration of Polish migrants into the economic structure of the host society. Since most of the exiles were educated people: scientists, teachers, writers, and poets, most of them tried to join the economic niche of the region through their profession. This led to the third stage of adaptation-economic.

The exiled Poles were divided into two categories: the peasant class and the privileged. The government tried to settle representatives of the first category of the government on state-owned lands for the Poles to become engaged in agriculture. They were given a state subsidy to set up a farm for cultivating the land.

According to Polish historians Sigmund Librovich and Mikhail Yanik, Poles, with few exceptions, have not lost their national traits or civic-patriotic feeling in Siberia. At the same time, the successful socio-economic integration of migrants did not act as a guarantee of assimilation for them. On the contrary, the Polish element did not disappear into the Siberian space but found a niche for its economic realization.

In their opinion, Siberia and Kazakhstan were a «school of practical democracy» for Poles, having taught representatives of various social strata, nations, and religions to live and work together. In Kazakhstan, Poles got acquainted with representatives of the pre-medieval Kazakh intelligentsia and with Russian revolutionaries. An example of this is the friendship between Adolf Yanushkevich and Kunanbai, Severin Gross, and the great Abai. Polish exiles were imbued with a sense of support and compassion for the Kazakh people, who, like them, lived in conditions of tsarist colonial oppression.

Exiled Poles could not always engage in the pedagogical activity. At the beginning of 1855, the Ministry of Education adopted a special resolution, which stated that certificates issued in the Kingdom of Poland for the right to engage in home education are not binding in the empire. This resolution was adopted by the administration of Western Siberia and the Orenburg Region [42].

Most of the exiled Poles had a good education. Therefore, the settlers were involved in the scientific, cultural, and economic spheres of occupation. Usually, during exile, the Poles managed to try out several types of activities.

Many exiled Poles in Kazakhstan for many decades approached and cooperated with the leading representatives of the Kazakh people, sympathized with and helped the autochthonous population, which itself suffered from the colonial policy of the tsarist autocracy. This practical, vital school of very fruitful interethnic communication and cooperation could not pass without a trace, it contributed to the creation and strengthening of the traditions of the friendship of peoples, on which interethnic harmony and stability in independent Kazakhstan are now based.

Among the natives of Polish exiles were doctors who treated the Kazakh population. Among them should be mentioned Arkady Vengzhinovsky and Gilyary Gonsovsky, Alexander Przystansky, and Adam Przegodsky. Not only teachers and doctors, but also many other exiled Poles, most often not on duty, but as a personal initiative, were engaged in the establishment of local history museums, the organization of public libraries, and other cultural and educational institutions. Here you can name Tomas Zan, Mikhail Zelenka, and Severin Gross. All of these and many other exiled Poles have made a certain contribution to the cultural development of the Kazakh people, to the formation of the views of such outstanding sons as Shokan Ualikhanov and Abai Kunanbayev.

Perhaps the most important thing was that the exiled Poles had a beneficial effect on the public life of Kazakhstan.

Exiled Poles, who for various reasons found themselves on the distant outskirts of the then Russian Empire, sometimes occupied quite significant posts in the tsarist administration or turned out to be officials in border commissions or other bodies in charge of the Kazakh population. As an example, let's name Karol Gutkovsky, who held the position of chairman of the regional board of Siberian Kazakhs.

Polish exiles made a significant contribution to the geological, geographical, botanical, and zoological research of Kazakhstan, to the study of the ethnography and history of the Kazakh people, their poetic creativity, and music. Among them are Jan Vitkevich, who crossed the Kazakh steppes between Orenburg and Bukhara several times and left a description of his travels; Adolf Yanushkevich, who carefully studied and described the northeastern part of Kazakhstan; a group of Polish geologists led by Tomas Werner and Ludwik Turno, who searched for coal off the shores of the Aral Sea and on Mangyshlak; Adam Byalovsky, who was engaged in geological research in the Ust-Kamenogorsk area and made a serious contribution to the study of the problem of glaciation of the Altai Mountains, etc.

Among the Polish exiles were poets, writers, and artists. Some of them became famous for their works dedicated to the Kazakh people, whom they treated with great sympathy and love.

A large concentration of Poles in the XIX century in was the city of Semipalatinsk. A Polish doctor I. Domashevich worked there.

In 1883, Ts.I. Teraevich, a graduate of the medical faculty of Moscow University, being a participant in the Polish uprising of 1863-1864, came to Ust-Kamenogorsk. In Ust-Kamenogorsk, he worked as a city and county doctor, and in 1900 he held the position of doctor of the 1st district of Ust-Kamenogorsk County. When the cholera epidemic began in Ust-Kamenogorsk in 1892, Ts.I. Teraevich took an active part in the fight against it [43].

There is information about the activities of Adam Belovezhsky and Yevgeny Michaelis among Polish exiles in Ust-Kamenogorsk. They completed a geological map of the city, then A. Belovezhsky dealt with the problems of glaciation of the Altai Mountains, and his discoveries are still recognized by scientists around the world. Research in the Semipalatinsk area was conducted by Joseph Shishkovsky and Edward Ostrovsky [44].

Adolf Yanushkevich collected Kazakh folklore for 18 years and then published the material in Paris. A. Yanushkevich, as you know, met Kunanbai more than once, and he could likely have known his brilliant son, Abai.

Tomash Zan was nothing but a «stone seeker» for the Kazakhs. Having come here to Kazakhstan, after a high-profile trial of members of a patriotic student society, he engaged in geological research.

Adam Suzip studied the customs of the residents. Before returning to his homeland, he wrote the poem «Rider», thereby inspiring another exile-Gustav Zelinsky -to create the poems «Kirghiz» and «Steppe».

«The life of the Kyrgyz (Kazakh) steppes» is the name of his album of etchings made during the expedition to Mangyshlak by Bronislav Zalesky, who wrote a lot about Kazakhstan. A member of a secret political society, he was sentenced to soldiering on Mangyshlak, and in 1865, after serving his exile, Zalesky published this unique publication in Paris, provided with his detailed commentary.

S. Gross was exiled to Semipalatinsk in 1883. Here he owned a large library, the books of which he allowed everyone interested to use. He was one of the organizers of the construction of the Local history museum of Semipalatinsk in 1883.

While in exile, S. Gross became closely acquainted with Abai Kunanbayev, a Kazakh poet and educator. There in the steppe, the great akyn informed the exiled Pole about the legal traditions of the Kazakhs.

The exiled Jan Vitort, who lived in Semipalatinsk in the, also wrote about his meeting with A. Kunanbayev. He was also interested in the laws of the Kazakhs, which he wrote about in an article «From the steppes of Central Asia» published in the Lviv magazine «People».

The poet Gustav Zelinsky wrote a wonderful poem «Kazakh», translated from Polish into many foreign languages, and the artist Bronislav Zaleski, an album with Kazakh sketches which was published in Paris and was widely distributed not only in France but also in other countries. Exiled Poles took an honorable place among those who opened the Kazakh people to Western Europe and the whole world a hundred and fifty years ago.

Pole Alexander Zatayevich (1868-1936), People's Artist of the Kazakh SSR, collected 2500 folklore works of the Kazakh people and is one of the founders of Kazakh piano music.

The skills of crafts allowed the first Polish settlers to quickly join the economic life of the region and provide themselves with everything necessary.

The most common activity of exiles was mastery: 25% of Poles were engaged in it. 19.5% of exiles earned their bread by service, 16.4% by writing, and 15.7% by agricultural work. The labor of 7.5% of exiles was used in «free», «miscellaneous», «day labor», «simple» and «black» jobs. These jobs did not require high qualifications and, as a rule, were poorly paid [45].

Poles opened handicraft workshops: shoemaking, locksmithing, and sewing. They built hotels, restaurants, shops, and retail shops. They founded small enterprises: breweries, soap factories, and creameries. They worked as teachers and doctors. The exiled Poles were people of different ages and different professions: poets, artists, doctors, architects, lawyers, and many others. Some of them served their sentences in hard labor, after which they surrendered for military service and were distributed to different linear Siberian battalions, others were expelled to the Semipalatinsk region for settlement. Sometimes Poles were sent to the Semipalatinsk region from neighboring Siberian provinces, where they served their sentences in whole batches. So, in 1864, a party of political criminals of Polish origin consisting of 26 people was sent from the city of Barnaul to the city of Ust-Kamenogorsk under the supervision of the police [46].

Some of the Polish immigrants were able to settle in the village, adapting to a new way of life and way of farming. Some Poles seriously took up the arrangement, marrying Orthodox peasant women and achieving considerable prosperity.

Adam Valichek came from the gentry of the Kyiv province. For his participation in the uprising of 1831, he was exiled to Siberia as a soldier. After completing his service, he settled in the city of Ust-Kamenogorsk and married the daughter of a retired private Matryona Sitnikova, from whom his son Vasily was born. By profession, Valichek was a tailor. He knew Polish and Russian letters. He died in Ust-Kamenogorsk in 1890 [47].

Anton Voitsekhov Yaskovyak was sent to military service for his participation in the uprising of 1831, from which he resigned in 1848. After the end of the service, he remained permanently in Ust-Kamenogorsk, converted to Orthodoxy, and married a Cossack daughter, Fekla Zlobina, by whom he had a son, Nazar, and a daughter, Anna. He was a stonemason and an excellent stove maker, also engaged in fishing [48].

Vikenty Semyonovich Artsishevsky was exiled to Siberia in 1863 and assigned to military service with the deprivation of the right of nobility. Since 1869, being under the supervision of the police, he lived in the city of Ust-Kamenogorsk. He married a soldier's widow, Alexandra Konstantinovna Muchkina, with whom he had three children. After the removal of police supervision from him, in 1870 he became a clerk and gave private writing lessons. From 1875 he worked as an accountant in the city council until his death. In his spare time, he is engaged in beekeeping [49].

Adolf Vikentievich Zemlevsky came from the nobility of the Vilna province. In 1864, he was exiled to Ust-Kamenogorsk, where he married a philistine widow, Fedosya Filatova, with whom he had a son, Semyon. He was engaged in farming and beekeeping.

S. Yavorovsky was exiled to Ust-Kamenogorsk in the 70s of the XIX century. In 1881, he married a philistine, Kodintseva Evdokia Osipovna. Stanislav Yavorovsky was engaged in trade and beekeeping in Ust-Kamenogorsk and was also one of the founders of the Ust-Kamenogorsk Brewery [50].

The second stage of the resettlement of Poles to the territory of Kazakhstan dates back to the late XIX-early XX centuries and is associated with the resettlement policy of tsarism. According to the first general population census conducted by the tsarist Russian authorities in 1897, 11,597 Poles already lived in Central Asia. Poles settled mainly in cities (about 90%). It is also known that the economic emigration of landless Polish peasantry from the territory of the Kingdom of Poland controlled by the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries was directed to Siberia and Kazakhstan, although the colonization flow was dominated by Russians and Ukrainians. But a few Polish peasants from the Kielce and Lublin provinces in 1906-1910 moved deep into the Russian Empire: Orenburg province, Omsk province, Ishim Region, and Western Siberia in general. The Stolypin reform played a significant role in this [51].

During this stage, Polish displaced peasants underwent economic, social, and cultural adaptation in the new region. Household adaptation provided for the emergence of settlements based on ethnicity and the construction of dwellings adapted to the natural and climatic conditions of Kazakhstan. The harsh climatic conditions of Kazakhstan have become a test for the migrants. The lack of timber in the counties created additional difficulties. The displaced peasants could not deliver timber for 10-20 versts, because they did not have horses. «They could not buy horses because the allowance was «released to them «in a limited amount and in parts» [52].

The Russian population established in the studied region in the construction of winter dwellings first adapted to the local natural conditions and proceeded from the availability of

local, building material. Therefore, in the steppe treeless areas of the region, wild stone and turf were used as building materials, as with the Kazakhs.

Economic adaptation provided for the adaptation of farming to local climatic conditions and the gradual dominance of cattle breeding, which for centuries has been the guarantor of the survival of the local Kazakh population.

The largest influx of forced migrants to Northern Kazakhstan occurred in the second third of the XX century and it was associated with the forcible deportation of Poles by the Soviet government.

The pre-war years opened the «black pages» of history for many peoples of the USSR. Stalin's repressive policy, gaining momentum, increased the scale of deportations of peoples, turning the republic into a testing ground for punishing these peoples.

The reasons and historical conditions for the resettlement of Poles to Kazakhstan from 1936 to 1956 were connected both with the internal policy of the USSR and with global events in world history: the repressions of the mid-30s in the Soviet state and the outbreak of World War II. In total, 118 to 123 thousand Poles were arrested in the USSR during this period. This category had the status of «special settlers» and was under the strict control of the NKVD. The Soviet authorities resettled Poles in many areas of the country, where in difficult conditions they were forced to work on collective farms, mines, and factories.

The legal basis for the illegal action of evicting an entire ethnic group of Poles was the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 776-120 ss. dated April 28, 1936 «On the resettlement of persons of Polish nationality from the Ukrainian SSR» [53].

In 1936, about one hundred thousand Poles were arrested from the regions bordering Poland in Ukraine and transported to Kazakhstan under the control of the NKVD.

The first wave of Poles arrived in 1936, then in 1937-1938 and 1944. According to the recommendation of the land survey commission, it was decided to organize 13 points (settlements) near the farms of Zharkul, Alabota, Kara-Koga, Saule, Kara-Agash, etc. for the resettlement of deported Poles [54].

In 1936, 14048 farms of immigrants, consisting of 63976 people, were deported from Ukraine to the northern and central regions of Kazakhstan. The imported migrants were settled in the North Kazakhstan region -12008 farms, including 9150 farms in new settlements and 2858 farms in collective farms. 2,040 farms were settled in the Karaganda region, including 1,769 farms in new settlements and 271 in collective farms. 37 settlements were organized on the allocated funds, of which: 31 in the territory of the North Kazakhstan region and 6 in the Karaganda region [55].

In the new place, the life of Poles largely depended on their legal status and local executive bodies that provided for their material and household needs [56].

In 1936, Poles expelled from the Ukrainian SSR arrived in Kazakhstan in two stages. The settlers of the first stage were supposed to be temporarily settled in clubs, schools, and barracks and involved in the construction of housing for the settlers of the second stage.

Two contingents were sent to Kazakhstan - special settlers-osadniks and administrative exiles. According to Kazakh scientists, 1206 families were deported to Kazakhstan in 1940, and 5394 people of the contingent were special settlers-osadniks [57].

All arriving special settlers were required to register with the district commandant's office of the NKVD. Along with this, a commandant was appointed to carry out administrative supervision in each village, at which all the adult population of the village had to be registered daily at certain hours.

Identity documents were withdrawn from all arrivals. According to the rules of the internal regulations of the settlement, it was strictly forbidden to leave the village without the

sanction of the commandant, up to criminal prosecution. In exceptional cases, immigrants were issued certificates that replaced their identity cards.

One of the first problems of special settlers from the Ukrainian SSR was their food supply. Once in Kazakhstan in the autumn, the migrants were forced to wait for the new agricultural season, having neither money nor even food for the near future.

The lack of housing, the first autumn frosts, and a catastrophic shortage of food resulted in the death of many exiled Poles. As of January 1, 1938, the number of Polish immigrants in the resettlement areas of the North Kazakhstan region amounted to 26,834 people.

According to the resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated April 10, 1940, No. 497-178, 60667 Poles were evicted from the western regions of Ukraine and Belarus to Kazakhstan. They were settled in Aktobe, Akmola, Kostanay, Pavlodar, North Kazakhstan, and Semipalatinsk regions: 36729 people - in collective farms, 17923 - in state farms, and 8000 - in workers' settlements of various industrial enterprises. The central leadership of the country did not bother to solve the problems of the displaced, leaving them to survive in deserted, poorly adapted places. The economic and socio-cultural problems of the deported peoples remained acute in subsequent years, as the economic opportunities of local authorities assisting special settlers were limited, and the totalitarian regime persisted. Only the help, courage, and human compassion of the majority of residents of Kazakhstan helped the special settlers to survive in difficult years [58].

The arrival of large groups of migrants increased the already heavy burden on medical institutions and caused a shortage of medicines. Emergency measures to combat diseases taken by medical institutions, such as vaccinations, sanitation, and disinfection, could only extinguish the bad epidemic situation in individual foci. The main reason for the ineffectiveness of the fight against diseases was not only the gaps in the work of the medical service but also the preservation of conditions for the spread of these diseases.

As in the XIX century, as the first form of adaptation, deported Poles attempted to establish a life together in a new place. They tried to settle compactly to survive together.

At the end of 1944, according to GASCO materials, there were more than 100 settlements in the North Kazakhstan region where Poles-special settlers lived. After the end of the war, the situation of the special settlers remained the same, with the only difference being that since 1946, embroidered labor soldiers began to return to their families [59].

The second stage of adaptation was the establishment of relations with the local population of Kazakhstan. It should be noted that in many cases, the life of Poles who arrived in Kazakhstan depended on the locals who received them. With their high level of culture, literacy, respect, and hard work, they managed to establish bridges with the indigenous population. Despite the cruel attitude of the authorities, ordinary Kazakhs treated the exiled Poles with compassion, warmth, and care, and shared the latter with them. Thus, the deputy head of the agricultural department of the Central Committee of the CPSU (b) Itskov anxiously informed the secretary of the Central Committee Andreyev that in one of the collective farms of the Kostanay region «the exiles were given such a cordial welcome that they were given a daily milk yield from the farm so that even the children of collective farmers in the playground were left without milk» [60].

Good relations with the local population, hard work and endurance, and as a result, economic adaptation, helped most of the deportees to escape from starvation. Kazakh children ran to the little Poles, handing them their mugs with milk [61].

They lived hard, hollowed out beets from the ground and ate them, reeds were reaped in cold water. Women gave birth right in the field, so infant mortality was very high [62].

One of the forms of economic adaptation was the construction of dwellings made of local materials, and adaptation to harsh living conditions. Houses for migrants were built in a hurry from adobe, which did not differ in quality and heat resistance. Dugouts were also built. Due to the lack of housing stock, the remaining homeless part of settlers were moved into houses with local collective farmers, which led to new problems. No special premises were built to accommodate special settlers. Therefore, regional and district organizations were entrusted with the task of placing them on the existing premises of collective farms and state farms.

Most of them were placed in non-residential premises (slaughterhouses, sheds, baths, etc.) without windows, doors, and even stoves. So, on the central estate of the Kostanay grain farm of the Karabalyk district, 120 people of the expelled Poles were placed in a bathhouse and other non-residential premises that are not adapted for housing. Due to the large crowding, epidemic diseases took place, from which 7 people died. 700 displaced persons worked at Mikainzoloto, some of them were not provided with apartments at all.

In the state farm «Proletarian» of the Klyuchevsky district, on the farm «Takmysai» 12 families were housed in a barn and 8 families -in unfinished rooms, in which there were absolutely no doors, ceilings, and stoves. In the Vishnyakov state farm, an old cattle base was adapted for housing as apartments for special settlers, in which partitions were made. 5-10 families were placed in the rooms, and the stoves intended for cooking food for special settlers have one burner each, as a result of which queues were created at the stove. In addition, the stove had to be heated for days, while the settlers had no fuel reserves. In the state farm named after Lenin Novoshulbinsky district in a small one-story house housed 23 families: 5 families lived in one room with a size of 16 sq.m., 11 families lived in another room with a size of 25 sq. m. Due to such a dense placement in the beds of special settlers, a large number of different insects bred: bedbugs, fleas, etc. Being in unsanitary conditions, the settlers often got sick, medical care was not provided to them [63].

Despite all the difficult conditions, the deported Poles successfully underwent economic adaptation. They established and developed relations of goodwill and respect with the Kazakh population, and with people of other nationalities, such as Germans, Koreans, Russians, Ukrainians, Belarusians, etc. Poles raised the culture of agriculture to a high level in their places of residence: in the grain, livestock, and vegetable sector. Almost all collective farms inhabited by Poles soon became millionaires. They have proven themselves to be reliable workers in industry and transport.

The special settlers also had many problems in organizing school education for their children. There were not enough schools, textbooks, and teachers. Solving these problems was difficult since the republic itself was completing the process of eliminating illiteracy and still had a weak educational system. Ensuring the teaching of school subjects in the national languages of the settlers was a matter of little prospect. Soviet education accelerated the process of losing the language and culture of Poles and Germans. Along with this process, a mechanism was launched to form a new Soviet people with an exaggerated ideology of internationalism, which then resulted in the Russification of all ethnic groups.

But despite all these obstacles, the socio-cultural adaptation of Poles was also successful. They even managed to solve the problems of organizing preschool and school education for their children.

Poles built a small school on their own in the Pervomaisky settlement of the Astrakhan district of the Akmola region. Due to the lack of fuel in winter, the school was always cold. There were no notebooks, the children wrote on the pages of old books, with beet juice instead of ink [64].

Below are the minutes of the decision of the Balkhash City Executive Committee and the Kyzyl-Orda regional executive Committee on the opening of a school and kindergarten for Polish children.

The decision of the Balkhash City Executive Committee «On the opening of a Polish school in Balkhash»

(Balkhash city) August 7, 1944

The Executive Committee decided: Satisfy the petition of Polish citizens living on the territory of Balkhash to open a Polish school in Balkhash and oblige the head of the city to begin preparations for the organization of a Polish school so it will begin its work on September 1 this year.

Chairman of the Executive Committee

Balkhash city

Council of Workers ' Deputies

Piribin

Secretary

Balkhash city

Council of Workers ' Deputies

Kolmakov [65].

The decision of the Kzyl-Orda Regional Executive Committee

«On the opening of a kindergarten for Polish children»

in Kzyl-Orda on September 6, 1944

Under the resolution of the SNK of the Kazakh SSR No. 160 dated March 29, 1944 «On expanding the network and improving the work of kindergartens», the executive committee of the Regional Council of Workers' Deputies decided:

1. To open in the city of Kyzyl-Orda no later than October 12, 1944, 1 kindergarten for Polish children with a contingent of 60 people.

2. Oblige the chairman of the Executive Committee of the Kyzyl-Orda City Council of Workers' Deputies T. Khodakova to prepare an appropriate room for a kindergarten and provide the necessary household equipment and utensils.

3. Oblige the head of the city department of Public Education T. Nigai no later than September 6 of the current year to staff the kindergarten with a head and tutors.

4. Oblige the head of the regional financial department T. Kusainova to finance the kindergarten at the expense of budget allocations, according to the estimates.

5. Oblige the head. The Regional Trade Department of T. Zhaymagambetov included a kindergarten for Polish children with a contingent of 60 people in the supply plan and provided food from October 12, 1944. [66].

Many Poles have become figures of science and culture and have made a huge contribution to the development of Kazakhstan.

At the end of the 50s, large-scale migration of rural residents to cities began in Kazakhstan, including outside the republic, among which there were also citizens of Polish nationality. Leaving the village, many Poles were forced to change their nationality, which allowed them to get rid of the shameful stigma of «enemy of the people» and «traitor to the motherland» that persecuted them. Special supervision of them was abolished in 1956. At the same time, they were not rehabilitated and continued to be under the supervision of administrative authorities. Even though they were considered full-fledged Soviet citizens, until 1989 the overwhelming majority of Poles did not have passports. In some regions,

passports were provided to them only in the 70s. Thus, initially, many Poles were registered as Ukrainians or Russians, to save their lives, as they became victims of repression because of their nationality. Later, they did it voluntarily or at the direction of officials, according to the place of birth to increase their social status. Voluntary Russification was another form of adaptation.

Thanks to the successful adaptation, the number of the Polish population in the era of the «Khrushchev thaw» and «Brezhnev stagnation», according to the 1970 census, increased to 61445 people. This was a significant increase, especially since the second wave of repatriation of Polish citizens was taking place at that time. During these years, numerous groups of Poles from Belarus turned out to be in Kazakhstan voluntarily. According to the population censuses of 1979 and 1989, the increase in the number of Poles in Kazakhstan is no longer observed, and the trend of a constant decline in the Polish population is developing: 1979 - 61106 people, 1989 – 59321 people. The absolute number of Poles and their share in the ethnic structure of the Republic of Kazakhstan is decreasing. So, if in 1999 there were 47,302 Poles, then, according to the 2009 population census, 34057 Poles lived here in the Republic of Kazakhstan. In the ethnic structure of Kazakhstan, this ethnic group is 0.2%. The Polish population according to the results of the last census is about 50 thousand people. The majority live in villages and cities of northern Kazakhstan [67].

During the period of «Perestroika» in the USSR (1985-1991) and in the first years of independence of the Republic, many Poles returned to their historical homeland. Those who remained in independent Kazakhstan had the opportunity to study their native language and Polish history, turn to their Roman Catholic faith, and revive national traditions and customs. Over the past 12-15 years, dozens of churches have been built in cities and villages of the country, where Sunday schools work, giving children meaningful knowledge of faith, culture, and kindness. According to a special agreement between the Ministries of Education of Kazakhstan and Poland, 16 secondary schools in cities and villages of the republic have classes where teachers from Poland teach, and 22 Sunday schools for children and adults [68].

The Union of Poles of Kazakhstan represents the interests of the Polish population in the Assembly of Peoples of Kazakhstan and other government institutions of the country. In regions and cities, Polish national associations are part of city assemblies and regional assemblies (so-called small assemblies). They are the initiators and organizers of all educational and cultural events.

The Polish folk ensemble «Stepove Kvyaty» from the city of Kokshetau, headed by T. Balakhovich, the children's dance ensemble at the Polish cultural center in Almaty, the Shchuchinsky song and dance ensemble «Skovronki» (headed by V. Verzhbitsky) and others are known for their high artistic level throughout Kazakhstan and Poland. Almaty poet Inessa Dombrovskaya was awarded a personal award by Pope John Paul II for a cycle of poems dedicated to Poland and Kazakhstan during his visit to Astana in 2002.

Poland provides great assistance in the national revival of the Poles of Kazakhstan: scientific, educational, artistic, historical, and religious literature, videotapes, CDs, and computer programs are supplied to the Union of Poles of Kazakhstan.

Every year, up to 90-100 students from Kazakh Poles are accepted for free education in Polish universities, including 20% of Kazakhs, Russians, Koreans, Ukrainians, and other nationalities. Two universities in the country - Kokshetau University and Almaty University of Foreign Languages - have opened departments in the specialty «Polish language and literature». Classrooms in these universities are equipped with computers and other equipment.

In general, when studying the history of the formation and development of Polish groups in Kazakhstan in the XX century, and the peculiarities of its cultural and social development, it is necessary to take into account the basic layer of mentality that developed in the historical conditions of the former places of residence, as well as ideological traits acquired in Soviet conditions. The Polish Diaspora of Kazakhstan in the process of its development and formation in the twentieth century has become a stable component of the demographic, socio-economic, political, and cultural life of the republic, showing an example of the successful adaptation of an ethnic group in a foreign cultural environment. The practical application of this experience by the Government will undoubtedly become the basis for practical application in the field of creating an atmosphere of interethnic harmony.

REFERENCES

1. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aleteyya 2018, S.13 sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.s.72.
2. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Wroclaw, 1993, 360 S.
3. Janik M. Dzieje polakow na Syberii. Warszawa-Wroclaw,1991, 404 S.
4. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolutsionnom Kazakhstane. Alma-Ata, 1971, s.7
5. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolutsionnom Kazakhstane, Alma-Ata, 1971, 252 s.
6. Sliwowska W. Ucieczki z Syberu. Warszawa. 2005
7. Kaczynska E. Wstep// Zeslanie I katorga na Syberii w dziejach Polakow 1815-1914. Warszawa, 1992. S. 5-166.
8. Pyatakova S.G. Pol'skaya politicheskaya ssylka v Zapadnuyu Sibir' v poreformenny period. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Surgut. 2004. S.4
9. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri, pod redaksiyey doktora istoricheskikh nauk, professora A.V.Remneva Sankt-Peterburg, Aleteyya, 2012
10. Tumanik E.N. Adaptatsiya v Zapadnoy Sibiri ssyl'nykh polyakov (pervaya tret' XIX v.)// Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh. Novosibirsk, 2006. S.67
11. Ostrovskiy L.K. Pol'skiye krest'yane v Sibiri 1890-ye-1930-ye gg. // Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nyye voprosy. Irkutsk. 2001 g.
12. Fil' S.G. Polyaki v ishimskoy ssylke: pervaya polovina XIX veka//Korkina sloboda. Krayevedcheskiy al'manakh. Ishim, 2002. S.10
13. Mosunova T.P. Katolicheskaya obshchina kak konserviruyushchiy element etnicheskogo samosoznaniya pol'skikh diaspor Sibiri//Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya. CH.2.Omsk 2010. S.417
14. Galetkina N. Ot migranta k sibiryaku. Transformatsiya gruppovoy identichnosti pri pereselenii// Diaspory. 2002. № 2. S.62
15. Shostakovich B.S. Polyaki Sibiri v 1870-1890-ye gg.(iz istorii russko-pol'skikh otnosheniy v XIX veke). Avtoreferat dis. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk. Irkutsk, 1974.-S.
16. Krikh A.A. Ssyl'nyye polyaki v Sibiri: strategii vyzhivaniya. Krakov, 2006.- S.144-163
17. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aleteyya 2018.- S.19
18. Iz istorii polyakov v Kazakhstane (1936-1956gg.). Sbornik dokumentov: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan // Otv. redaktor L.D. Degitayeva. – Almaty: «Izdatel'skiy dom «Kazakhstan», 2000. – 344 s.
19. Mikhaylova L.A. V stepi dalekoy. Polyaki v Kazakhstane. Almaty, 2006. –S.
20. Volkov A.V. Polyaki Kazakhstana - Almaty, 2007.-S. 57
21. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' ssyl'nykh polyakov v dorevolutsionnom Kazakhstane / AN KazSSR. - Alma-Ata : Nauka, 1971. - S.6
22. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009.-S.26
23. TSGA Kaz SSR, f.416.op.1, d.10, l. 436.
24. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. s. 21.
25. TSGA Kaz SSR, f.416.op.1, d.10, l.386.

26. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. S. 12.
27. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aleteyya 2018, s.22.
28. Popkov V.D. Nekotoryye osnovaniya dlya tipologii diaspor// II Vserossiyskiy sotsiologicheskii kongress (Moskva, 30 sentyabrya-2 oktyabrya 2003 g. Elektronnyaya biblioteka Sotsiologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V.Lomonosova <http://lib.socio.msu.ru>.
29. Tsifirovanova I.V. Pol'skiye pereselentsy na Severnom Kavkaze v XIX veke: osobennosti protsessa adaptatsii. Stavropol'. 2007. -S.111-112
30. Toshchenko Zh.T., Chapykova T.I. Diaspora kak ob»yekt sotsiologicheskogo issledovaniya// Sotsis.1996.№ 12.-s.37
31. Remnev A.V. Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri Sankt-Peterburg izd. Aleteyya 2018. - S.13.c
32. Tumanik Ye.N. Adaptatsiya v Zapadnoy Sibiri ssyl'nykh polyakov (pervaya tret' XIX veka)// Adaptatsionnyye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i trasformiruyushchikhsya obshchestvakh. Novosibirsk, 2018.- S.67.
33. Pyatakova S.G. Pol'skaya politicheskaya ssylka v Zapadnuyu Sibir' v poreformenny period. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Surgut. 2004. -S.4
34. Sapargaliyev G.S., D'yakov V.A. Ukaz.soch. S. 21-22.
35. Remnev A.V. Ukaz.soch. s.23.
36. Ostrovskiy L.K. Pol'skiye krest'yane v Sibiri 1890-ye -1930 gg.)// Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost' aktual'nyye istorii. Irkutsk.2017.-S.25.
37. Mosunova T.P. Katolicheskaya obshchina kak konserviruyushchiy element etnicheskogo samosoznaniya pol'skikh diaspor Sibiri//Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya. CH.2 Omsk, 2010. -S. 417.
38. Kal'mina L.V. Zabaykal'skiye diaspory v XIX-XX v.: «svoi sredi chuzhikh» ili «chuzhiye sredi svoikh»?// Yevropeyskiye obshchiny v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX-nachale XX v. Barnaul, 2020. -S.5-20.
39. Ib. s. 5-20
40. Maksimov S.V. Sibir' i katorga. CH.III.SPb.,1990. -S.337.
41. Ib. C.337.
42. TSGA KazSSR, f.345.op.1, d.100, l.1.
43. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.-S.69
44. Ib. c.72.
45. Remnev A.V. Ukaz soch. S.148.
46. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.-S.64.
47. Ib. c.66.
48. Ib. c.67
49. Ib. c.67
50. Ib. c.68
51. Volkov A.V. Polyaki Kazakhstana- Almaty, 2007.-S. 59.
52. TSGA Kaz SSR, f.369, op.1, d. 4614, ll. 3-8, 31.- 52-86.
53. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.- Bishkek: 2013., -S. 18.
54. Oblastnoy pol'skiy tsentr «Kopernik» Izdatel'stvo «Severnnyy Kazakhstan», 2017 g. -S.10.
55. Polyaki na ulicah Karkaraly. Zapiski kraevedy o lyudyah pol'skoj nacional'nosti, zanesennyh sud'boj v Central'nyj Kazahstan [Tekst]: nauchnoe izdanie / YU. Popov. - Karaganda : Izd-vo «G», 2020. - S. 179
56. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.- Bishkek: 2013.,- S. 19.
57. Ib. c.104
58. Ib. c.178
59. Oblastnoy pol'skiy tsentr «Kopernik» Izdatel'stvo «Severnnyy Kazakhstan», 2017 .,- S.12.
60. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.- Bishkek: 2013., -S. 50.
61. Ib. c.55
62. Ib. c.56
63. Iz istorii deportatsiy Kazakhstan 1939-1945 gg. Sbornik dokumentov Tom 3, Almaty 2019.,S.128
64. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.

-Bishkek: 2013., S. 97.

65. GA of Balkhash. F.3. Op.1. D.40. L.174. Signature. People deported to Kazakhstan-Almaty. Arys.

-Kazakhstan, 1998.-P.170.

66. GA of the city of Kyzyl Orda. F.4. Op.1. D.40. L.174. Script. Peoples deported to Kazakhstan - Almaty.

Arys. -Kazakhstan, 1998.-S.171.

67. Iz istorii deportatsii polyakov v Kazakhstan v period II Mirovoy voyny. Sbornik statey raznykh avtorov.

-Bishkek: 2013., -S. 13.

68. Polyaki vostochnogo Kazakhstana: proshloye i sovremennost', Ust'-Kamenogorsk 2009 g.s.72.

Гали Динмухаммед Азимбайлулы

к.э.н., доцент ВАК, ассоциированный профессор по экономике,
Директор Центра изучения проблем ксенофобии ИПЭИ
г. Астана, Республика Казахстан
email: esenai2020@gmail.com

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
В КАЗАХСТАНЕ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аңдатпа. Мақалада экономика салалары бойынша этникалық топтардың жұмыспен қамтылуының салыстырмалы талдауы берілген. Этностардың экономикалық мінез-құлқының тарихи ерекшеліктері және халықтың қазіргі жұмыспен қамтылуына әсері көрсетілген. Қазақтардың, орыстардың, немістердің, кәрістердің, ұйғырлардың, дүнгендердің, тәжіктердің жұмыспен қамтылуы мысалында олардың экономикалық салалары талданады. 1991 жылдан бастап дәстүрлі тарихи тәжірибе, экономикалық мінез-құлық, білім, үй шаруашылығын жүргізу дағдылары негізінде этникалық жұмыспен қамтудың салыстырмалы талдауы жүргізілді. Жеке этностардың экономикалық мінез-құлқының тарихи ерекшеліктері қазіргі этникалық жұмыспен қамтудың негізін құрады деген гипотеза расталды. Қазақстанның жекелеген аймақтарында этностар арасында қалыптасқан экономикалық мамандану этникалық анклавтардың қалыптасуына және жекелеген этникалық топтардың өкілдерінің нарық сегменттерін монополиялау қаупіне ықпал етпеді деген қорытынды жасалған. Республика этностарының экономикалық мамандану бағыттары қарастырылып, ауыл шаруашылығын жұмыспен қамтуды жақсарту бойынша ұсыныстар жасалды.

Түйін сөздер: этноэкономика, этникалық жұмыспен қамту, экономикалық тауашалар, экономиканың этникалық мамандануы

Abstract. The article provides a comparative analysis of the employment of ethnic groups by economic sectors. The historical features of the economic behavior of ethnic groups and their influence on the current employment of the population are presented. On the example of the employment of Kazakhs, Russians, Germans, Koreans, Uighurs, Dungans and Tajiks, their economic niches are analyzed. Since 1991, a comparative analysis of ethnic employment has been carried out based on traditional historical experience, economic behavior, knowledge and skills of housekeeping. The hypothesis is confirmed that the historical features of the economic behavior of individual ethnic groups formed the basis of modern ethnic employment. It is concluded that the economic specialization that has developed among certain ethnic groups in some regions of Kazakhstan did not contribute to the formation of ethnic enclaves and threats of monopolization of market segments by representatives of certain ethnic groups. The directions of economic specialization of the ethnic groups of the republic are considered, recommendations for improving agricultural employment are proposed.

Key words: ethnoeconomics, ethnic employment, economic niches, ethnic specialization of the economy

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ занятости этносов по экономическим секторам. Представлены исторические особенности экономического поведения этносов и их влияние на современную занятость населения. На примере занятости казахов, русских, немцев,

корейцев, уйгуров, дунган и таджиков проанализированы их экономические ниши. С 1991 года осуществлен сравнительный анализ этнической занятости исходя из традиционного исторического опыта, экономического поведения, знаний и навыков ведения хозяйства. Подтверждена гипотеза о том, что исторические особенности экономического поведения отдельных этносов легли в основу современной этнической занятости. Сделан вывод, что сложившаяся у отдельных этносов экономическая специализация в некоторых регионах Казахстана не способствовала формированию этнических анклавов и угроз монополизации сегментов рынка представителями отдельных этнических групп. Рассмотрены направления экономической специализации этносов республики, предложены рекомендации по совершенствованию аграрной занятости.

Ключевые слова: этноэкономика, этническая занятость, экономические ниши, этническая специализация экономики

ВВЕДЕНИЕ

Научная и практическая значимость исследования связана с тем, что впервые на основе статистической оценки этнической занятости произведено распределение этносов по секторам экономики, проводится историческая взаимосвязь экономического поведения этносов с ее современной занятостью.

Основные результаты и анализ, выводы по статье: представлен анализ занятости этносов в секторах экономики по статистическим данным, рассмотрены традиционные направления экономического поведения этносов в историческом аспекте, формы трансформации этнической занятости в настоящий период. На основе анализа предложены практические рекомендации по совершенствованию занятости населения среди этносов.

В статье использовались теоретические и эмпирические методы исследования в виде анализа, синтеза, индукции и дедукции и другие.

Ценность проведенного исследования: в отдельных положениях данной статьи обозначены основные направления занятости этносов в современный период, а также изучено влияние традиционного экономического поведения на имеющуюся занятость. Статья будет полезна экономистам, социологам, этнодемографам, занимающимся вопросами региональной этнополитики и межэтнических отношений.

Актуальность данной темы связана с тем, что в статье рассматриваются вопросы этнической занятости в республике и ее влияние на современную занятость населения, а также изучаются исторические особенности экономического поведения этносов.

Объект исследования: особенности занятости этносов в сферах экономики и их экономическое поведение.

Предмет исследования: изучение тенденций экономической активности населения.

Цель исследования: выявить основные направления трансформации форм этнической занятости.

Задачи исследования: провести сравнительный анализ этнической занятости, выявить закономерности традиционного экономического поведения этносов на современную этническую занятость, изучить процессы трансформации занятости у этносов, а также выявить этническую специализацию в отраслях экономики.

Гипотеза исследования: предполагаем, что исторически сложившиеся этнические особенности экономического поведения отразились на современной этнической занятости, а также что этнические сектора экономики в республике не стали основанием для формирования этнических анклавов.

Степень изученности темы: анализ научной литературы показывает, что вопросы этнической занятости или этноэкономики в республике не изучались. Обзор

зарубежной литературы в сфере этнической занятости показывает, что исследователи рассматривают этноэкономику с позиции эмигрантов, которые образуют в местах заселения сегменты экономики и формируют в последующем этнические анклав. В частности, авторы Pécoud, Antoine [1], Ivan Light, Georges Sabagh, Mehdi Bozorgmehr, Claudia Der-Martirosian [2], Neli Demireva, Wouter Zwysen [3], Simone Schüller, Tanika Chakraborty [4], Иванова М.В. [5], Рунова Н. Ю. [6] и др. занимались исследованием указанных направлений.

В начале 90-х годов в Казахстане реализация рыночных реформ сформировала новую экономическую структуру, изменила формы собственности и привела к появлению разных направлений занятости. Переход от плановой экономики к рыночной привел к структурным преобразованиям в этнодемографических и социально-экономических процессах. Усилились эмиграционные процессы, связанные с воссоединением с исторической родиной ранее прибывших мигрантов, ухудшилось социально-экономическое положение и актуализировались межэтнические отношения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Разрешительная система (прописка), в том числе в сфере занятости, сказывалась на слабой урбанизированности казахов (26-28%) и численности трудовых ресурсов в различных сферах занятости. К примеру, в 1989 г. в национальной экономике республики число работающих казахов составило 39%, когда доля русских 40% и других этносов 25% [7].

Переход к рыночной системе привел к уменьшению занятости населения в экономических секторах. С 1992 по 1995 годы реальный ВВП снизился в среднем на 31%, гиперинфляция достигала трехзначных отметок, индекс потребительских цен на все виды потребительских товаров и услуг колебался от 247 до 3000%, на рынке труда было ликвидировано более 1,6 млн рабочих мест, что привело к росту безработицы 7,1% [8].

Масштабные сокращения занятости населения в производстве, в строительном, в транспортном и других стратегических секторах в совокупности с усугубляемыми социально-экономическими проблемами (гиперинфляция, перебои инфраструктуры жизнеобеспечения и др.) не привели к открытым противостояниям (митинги, забастовки и др.) социально-уязвимого населения с государством, как это было в январе 2022 года. При этом население, в том числе и безработные не могли рассчитывать на государственные социальные трансферты (пособия по безработице и иные адресные выплаты и др.) в связи с большим дефицитом бюджета и становлением казахстанской системы социальной защиты.

Имеющийся протестный потенциал (почти около 2 млн.) у безработного населения стал переводиться в миграционное русло как во внешней, так и во внутренней миграции. Только за 1993-1997 гг. чистая эмиграционная убыль европейского населения составила около 885 тыс. чел [9]. Впервые активизировалась внутренняя мобильность населения, в особенности у казахов за счет внутриреспубликанских перемещений в направлении крупных и малых городов. Сельское население постепенно заполняло освободившиеся на рынке труда городов вакансии и начало реализовывать себя в новых направлениях экономики и др. На рынке жилья в городах, имевшиеся высокие цены (до развала СССР) пошли на убыль, что позволило увеличивать долю городского населения за счет казахов и других азиатских этносов.

По данным органов статистики в 1992 году удельный вес работающих казахов в отраслях экономики республики к итоговой списочной численности работников составил 36,9% при удельном весе коренного населения в республике 42%*. При этом по экспертным оценкам доля работающего в отраслях экономики европейского населения составила 55-65% [10].

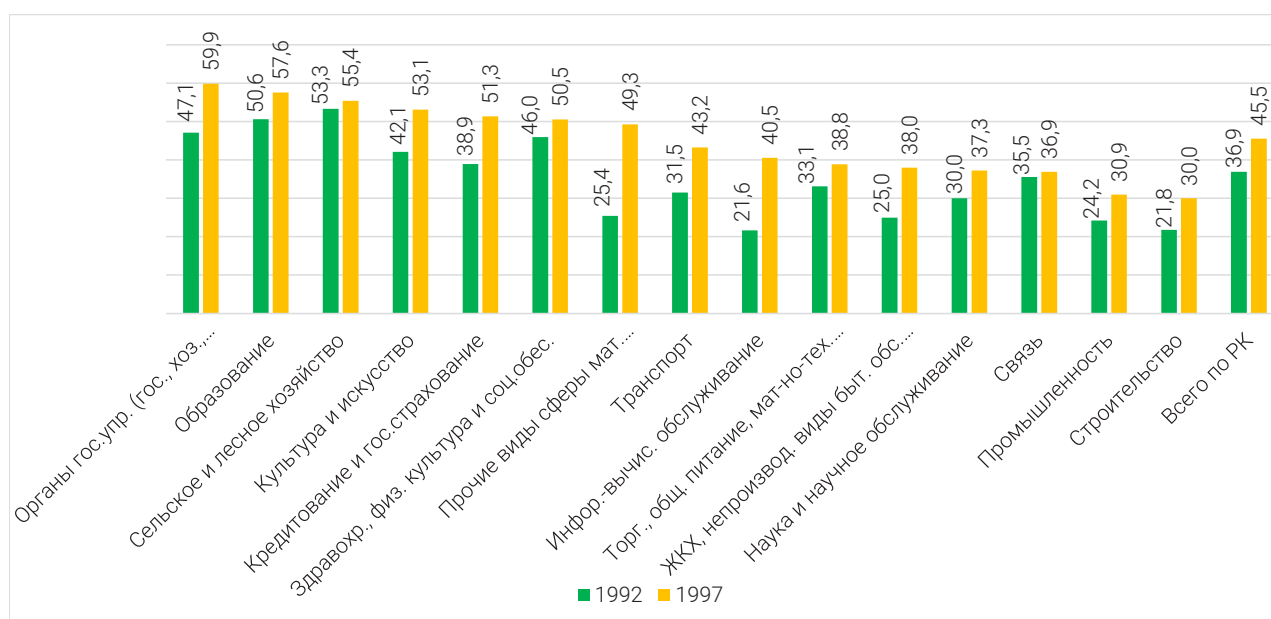
*В официальных данных предоставлены данные только по казахам, по другим этносам данных нет. Сведения по этносам (русские и немцы) не были в открытом доступе.

В 1997 году по сравнению с 1992 годом при сокращении абсолютной численности занятых по республике, удельный вес казахов повысился по всем отраслям экономики (за исключением промышленности и сельского хозяйства) [11].

В 1992-1997 гг. доля занятости у казахов выросла в непроизводственной сфере с 17,5% до 25,3%, чем в производственной.

В 1997 году в транспортном секторе, промышленности, строительстве, жилищно-коммунальной сфере и др. доля казахов была меньше 50%, больше 50% это органы госуправления, образовательная сфера, сельское хозяйство, культуры и искусство, кредитование и государственное страхование и др. (Рисунок 1).

Рис. 1. Динамика занятости по отраслям экономики у казахов за 1992-1997 гг. (в %)

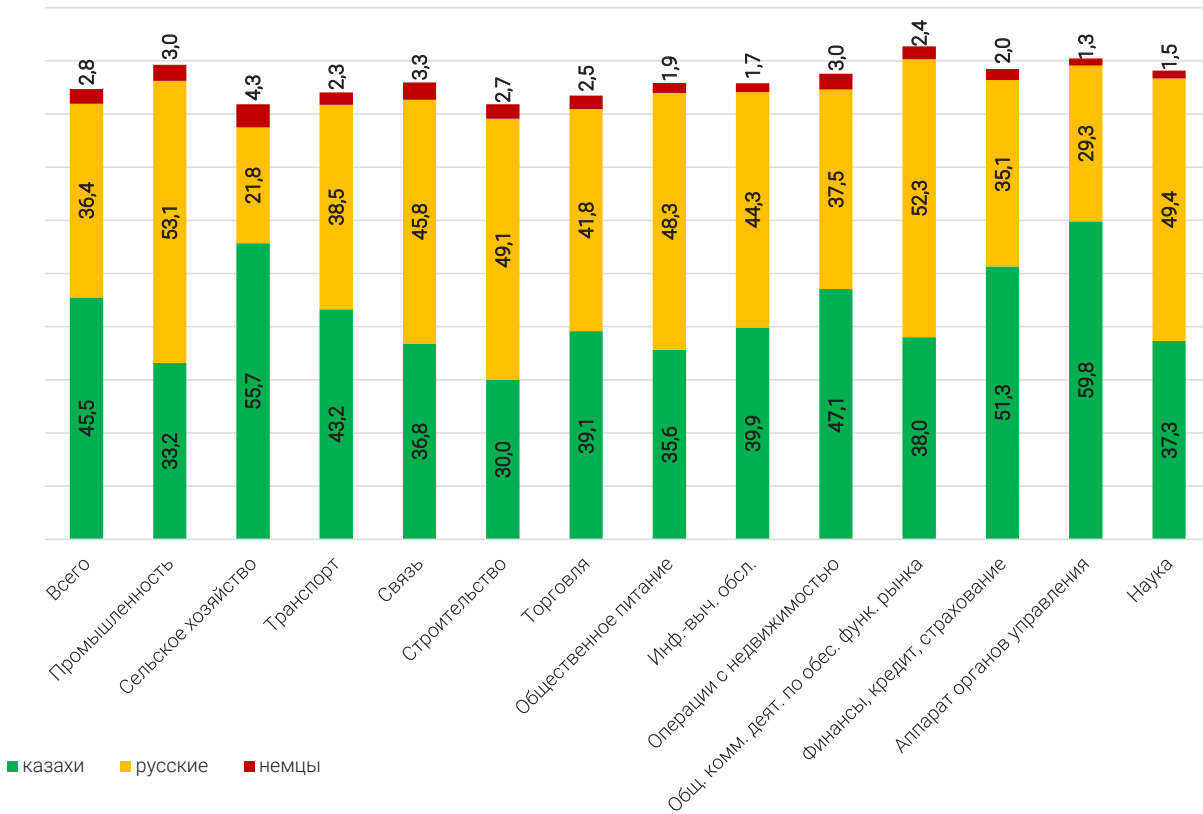

Источник: Статистический ежегодник Казахстана, 1992 год. Алматы, Госкомстат, Казинформцентр, 1992. - 338с. - с.42-43, Статистический сборник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. Ж.А.Кулекева. Алматы, 1998. -542с. с.87-89

В 1992 году этнический состав занятых по другим этносам не был представлен органами статистики, то в 1997 году имелись данные только по трем этносам. В частности, доля занятых в сфере экономики казахов 45,5%, русских 36,4% и немцев 2,8%. В промышленности и строительстве доля занятых русских к общей численности, работающих среди этноса, составил около 50% соответственно, что больше, чем у казахов (31%) и немцев (2,8%). В транспортном секторе удельный вес работающих русских 38,5%, у немцев 2,3%, в сельском хозяйстве 21,8% и 4,3%, в финансовой, кредитной и страховой сфере 29% и 1,3% соответственно. (Рисунок 2) [11].

Рис. 2. Занятость по отраслям экономики в 1997 г. (в %)

Примечание: Численность занятого населения по отраслям равняется 100%.

Источник: Списочная численность и состав работающих в отраслях экономики. Алматы. 1998. Л.1. Архив БНС АСПиР, 45А, Фонд 698, Опись 5, Дело № 3279.

В 1992-1996 гг. начавшийся процесс приватизации госсектора и ликвидация колхозно-совхозной форм ведения хозяйства привел к сужению объема трудового рынка. Социально-экономическое давление на население (обеспечить семью и других иждивенцев определёнными материальными благами) подстегивало их к активному поиску путей зарабатывания денег, в том числе через развитие предпринимательства. Вместо «дориночных» профессий в неформальном секторе появляются новые способы временной неформальной занятости такие как («челноки», риелторы, специалисты «нетрадиционной» медицины и др.), в том числе и нелегитимные (рэкетеры, киллеры и др.).

По архивным данным БНС АСПиР в 1997 году в сфере «Операции с недвижимостью» (риелторы) численность казахов превысила численность других этносов и составила 47% от всех занятых в данной сфере, при этом доля русских 37,5% и немцев 3%. В сфере общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка* удельный вес русских составил 52,3%, что выше, чем у казахов (38%) и немцев (2,4%) [12].

*В сферу общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка относится посредническая деятельность при купле/продаже товаров (кроме недвижимости), ценных бумаг и валюты; в области транспорта, жилищно- коммунального хозяйства, бытового обслуживания, образования, культуры, здравоохранения и науки, рекламы, представительских услуг, аудита, маркетинговых исследований, консультации по вопросам коммерческой деятельности, финансов и управления

В 1985-1991 гг. (период «Перестройки» инициированного Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С.Горбачёвым) межгосударственные контакты населения упростились за счет выдачи разрешения на зарубежные поездки по частным приглашениям. Правом навещать родственников за рубежом активно первыми воспользовались немцы, греки, евреи, поляки, уйгуры, дунгане, а также другие этносы республики. В ходе указанных поездок европейское население создавало основы для последующей организации «эстафетной» эмиграции, а уйгуры и дунгане и другие этносы старались извлечь экономическую выгоду за счет участия в межгосударственной коммерции («челночной торговле»), в том числе с Китаем. До начала «челночного» бизнеса уйгуры традиционно проживали в селах и основным занятием было аграрное направление. Процесс разгосударствления привел к высвобождению трудовых ресурсов в том числе на селе. Экономически активная часть уйгуров и их пассионарная энергия была направлена в торгово-экономическую сферу, а не на «внутреннюю эмиграцию» или создание автономии.

Основная часть уйгур и дунган активно вовлеклись в новую для себя неформальную занятость как «челночная торговля» между странами. Русские, украинцы, поляки, греки и др. этносы активно использовали канал торговли с Польшей и др. странами. Немцы самостоятельно и совместно с другими этносами занимались реализацией поддержанных авто из Германии.

Первоначально сфера частной торговли с Китаем была закрыта для других этносов. До 1992 года существовала определенная внутренняя корпоративность в шопторговле, связанная с обязательным наличием приглашения родственников из Китая, но в последующем либерализация внешнеэкономических отношений упростила и расширила участие этносов в торговле между странами.

Активизация межгосударственной торговли между странами произошла после открытия в 1992 году пограничного поста в Алашанькоу (Достык-Алатау). В числе других этносов казахи активно подключились к межгосударственной торговле. Первоначально казахи, как и другие этносы начали принимать участие в шоп-бизнесе, скупая у перекупщиков (уйгуров и дунган) китайский ширпотреб по оптовым ценам и вывозя в северные регионы России (Омск, Новосибирск, Иркутск и др.). С 1993 года казахи начали самостоятельно ездить в Китай для закупа товаров у производителей. Предполагаю, что казахи первоначально учились у узбеков, уйгуров, русских, немцев и евреев, постепенно с течением времени начали успешно конкурировать с ними в разных секторах экономики, используя доступный административный ресурс.

Узбеки, корейцы, уйгуры, дунгане и таджики традиционно специализировались в сфере овощеводства и растениеводства. В 1937 году корейцы с Приморского края России были депортированы в сельские поселения Кызылординской области. С учетом исторического опыта и традиционных навыков по возделыванию риса были созданы первые рисоводческие хозяйства с участием корейцев. В настоящее время в Кызылординской области можно встретить успешные формы кооперации казахов с корейцами при производстве риса. Кроме того, в Алматинской и Жамбылской областях корейцы и дунгане активно занимались выращиванием лука. Принимая во внимание высокую рентабельность возделывания этой культуры (в год можно было собирать несколько урожаев и низких затрат), а также за счет хорошей транспортабельности товара этносы получали хорошую прибыль в начале 90-х годов. Вместе с тем, несмотря на успешный опыт возделывания сельскохозяйственных культур, представленность корейцев в сельском хозяйстве заметно снизилась, а доля этноса в данном секторе в настоящее время незначительна. Во многом за

счет высокой образованности корейцы быстро переориентировались с сельского хозяйства и освоили новые востребованные экономические ниши, тогда как дунгане продолжают заниматься растениеводством и наращивают свое экономическое доминирование в данном экономическом сегменте.

За счет высокого уровня корпоративности и капитализированности корейцы лучше других сохранили себя как этнос, хотя потеряли свой родной язык. Корейцы, по сравнению с другими этносами, за счет высокой мобильности быстро вовлекались в урбанизационные процессы, расселялись в гг. Алматы и Астана [13]. Корейцы активно занимали позиции в научной сфере, в медицине и в секторе образования.

Несмотря на низкий удельный вес корейцев, в Казахстане их форма участия и представленность в экономической сфере высоки. К примеру, основателем одного из первых казахстанских банков ОАО «Крамдс Банк» был кореец. Контрольный пакет акций корпорации «Казахмыс», а также создатель инновационного финтех-банка «Каспийский и приложений «Крыша», «Маркет» и др. являются корейцы. Если в 1950-е годы часть депортированных корейцев в силу различных экономических условий переезжали в Узбекистан, то в период правления И.Каримова часть корейцев обратно переехала в Казахстан, уже с нажитым капиталом и производственными технологиями. Наряду с их участием в экономической и финансовой сферах, отдельные представители есть и в политической элите Казахстана.

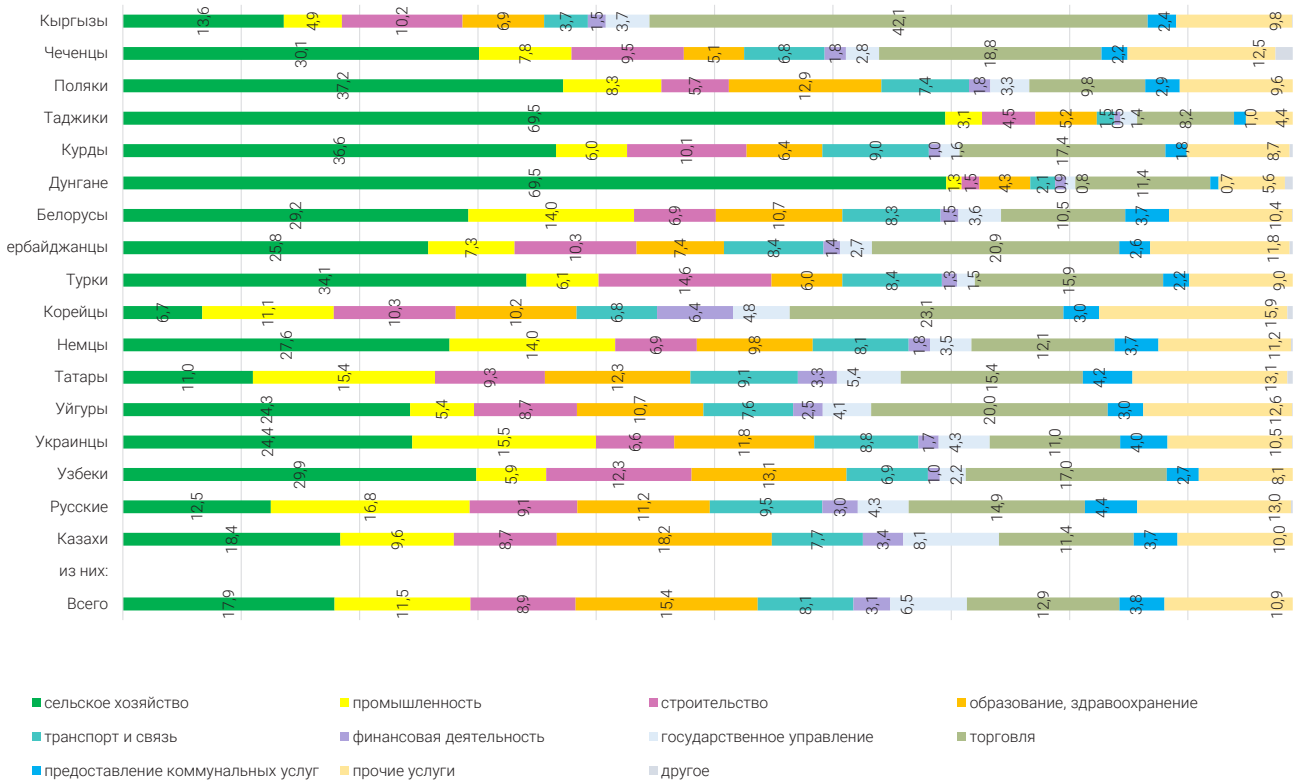
По данным переписи населения 2009 года, в общем числе занятых в экономической сфере доля казахов составила 60,9%, русских 25,8%, узбеков 2,4%, украинцев 2,3%, уйгур 1,4%, немцев 1,3%, дунган, таджиков и курдов соответственно по 0,2-0,3% [14].

Исходя из этнического распределения по сферам занятости можно отметить, что в целом в Казахстане определилась некоторые контуры экономической специализации по этносам. В 2009 году (данные переписи населения) из общей численности работающих казахов (численность работающих казахов по отраслям = 100%) больше всего (свыше 18%) заняты в сельском хозяйстве и в сфере образования и здравоохранения соответственно. При этом в других секторах занятость представлена в следующем виде: в торговле 11,4%, в промышленности 9,6%, в строительстве 8,7% и в госуправлении 11,4%. В финансовом секторе и в сфере предоставления коммунальных услуг работают около 3,4% и 3,8% представителей этноса.

Распределение работающих по этносам показывает, что в отрасли промышленности доля представителей европейских этносов составляет 43% от общего числа всех работников, из них: русские 17%, украинцы 16%, немцы и белорусы по 14%, тогда как доля казахов составила 50% (Рисунок 3).

Рис.3. Занятость этносов по отраслям экономики в 2009 году (в %)

Источник: Занятость населения в Республике Казахстан. 1 том. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А.А. – Астана. - 2010 - 213с. с.33-38.

В сфере торговли распределение занятых к общей численности всех работающих одноименного этноса наблюдается следующее. Около 42% от всех работающих кыргызов представлены в торговле. Среди корейцев, около 25% от общей численности занятых относится к торговой сфере (это наибольшее число работающих по всем отраслям экономики). Среди дунган, курдов, таджиков, узбеков и уйгуров, доля работающих в торговой сфере меньше, чем в сельском хозяйстве.

Важной сферой занятости у узбеков, после сельского хозяйства является сфера образования и здравоохранения, в которых работают около 13% узбеков от всех работающих по этносу.

Общее количество работающих у русских по республике составило 26%, из них наибольшая доля русских работает в промышленности. Следующим привлекательным сектором для занятости у русских является торговая сфера, в которой работает 15% населения, затем в сельском хозяйстве, образовании и здравоохранении по 11-12%, потом транспорт, связь 9,5%, строительство 9,1% и жилищно-коммунальная сфера 4,4% от всех занятых по этносу. В финансовом секторе 3% и в сфере гос. управления работает около 4,3% русских от всех занятых.

От всех занятых в экономической сфере на аграрную сферу приходится основная часть всех работающих. По данным переписи населения 2009 года на долю сельскохозяйственной занятости приходится 18% к численности всех занятых или 1,8 тыс.чел. В аграрной отрасли работают 63% казахов (740 тыс.чел.), 18% русских (213 тыс.чел.), 4,1% узбеки (48,3 тыс.чел.), 3,1% украинцы (37 тыс.чел.), 2% немцы (24 тыс. чел) и 1,8 уйгуры (22 тыс.чел.). Если рассматривать распределения занятости по этносу, то в аграрном секторе заняты около 70% дунган и таджиков, работающих к итоговой численности этноса. От 30 до 37% от численности этноса белорусов,

узбеков, чеченцев, турков, курдов и поляков работают в аграрном секторе. Кроме того, около 25% уйгуров, украинцев, азербайджанцев и немцев работали в данной сфере.

Стоит принять во внимание, что экономические реформы в республике заметно преобразовали сельскохозяйственную отрасль, которая полностью перешла на частные формы ведения хозяйства (фермерские, крестьянские хозяйства и товарищества, ассоциации, кооперативы). При этом промышленный сектор прошел этап приватизации и представлен в виде отдельных крупных предприятий с участием квазигосударственных или иностранных компаний и частных (мини) производств. В связи с большей емкостью занятых, а также актуализацией продовольственной безопасности в мире, аграрная сфера должна находиться под заметной опекой со стороны государства.

Сельское хозяйство, основанное на частном секторе, обеспечивает вклад в ВВП страны на уровне 5%, при этом занятость в данном секторе одна из больших чем в других секторах (1 млн. 176 тыс.чел.) экономики и средняя заработная плата (150 тыс.тенге) одна из низких по сравнению с другими отраслями[15]. Кроме того, основная часть аграрной занятости приходится на южные регионы, где отмечена высокая полиэтническая структура населения, в том числе и среди занятых (узбеки, уйгуры, таджики, курды, дунгане, турки и др.). Дополнительно в южных регионах ежегодно актуализируются вопросы перенаселённости, трудоизбыточности, дефицита воды и земельных участков. Периодически будет обостряться конкуренция за обладанием водными и земельными (используемых для сельского хозяйства и для строительства жилья) ресурсами, которые могут также усиливаться социально-экономическим неравенством в уровне жизни. Указанные факторы в совокупности могут стать катализатором усиления межэтнических противоречий, в том числе и межгосударственных.

Развитие двух важных направлений в экономике (сельское хозяйство и промышленное производство) показало, что при наступлении определённых кризисных ситуаций в экономике занятое население в сельском хозяйстве в социальном и экономическом плане не защищено, в отличие от рабочих промышленных предприятий. При наступлении определенных природных катаклизмов, в том числе и неэффективной политики в сельском хозяйстве аграрии предоставлены сами себе и решают проблемы самостоятельно. К примеру, весной 2021 года были введены экспортные ограничения на вывоз капусты. После того, как фермеры Мактааральского района Туркестанской области (основная часть из числа таджиков) обозначили в социальных сетях указанную проблему, профильным ведомством были сняты ограничения на вывоз капусты, но часть урожая была испорчена и ее убытки не были компенсированы. Тогда как в случае остановки промышленных предприятий рабочим предоставляется возможность перехода на неполную и частичную занятость с сохранением определенной заработной платы, с предоставлением компенсации.

В разрезе этнической спецификации занятости по отраслям как у дунган и таджиков преобладает аграрное направление. При этом дунгане заняли узко специализированный сегмент как растениеводство. В целом по мнению Председателя Ассоциации дунган Казахстана Хусей Даурова, дунгане производят от 50 до 90% всех овощей в Казахстане и в Кыргызстане. В частности, дунгане Казахстана выращивают более 80% лука страны, около 90% чеснока, большую часть раннего картофеля, китайской капусты бицай, 100% дюцай, большая часть зеленых

пряных трав и салатов, а также редиса, кольраби, свёклы, перца, баклажанов, томатов и огурцов [16].

При этом дунгане не только ограничиваются возделыванием земель в местах компактного проживания Кордайского района, но и арендуют земли в Карагандинской области и в пригородах гг. Астана и Алматы. Учитывая высокую плотность заселения южных регионов республики, в том числе в Жамбылской области, и ограниченность приусадебных участков и арендных земель (в среднем по 10-15 соток на каждое домохозяйство и около 1,5 гектара на крестьянское хозяйство Кордайского района) дунгане переселяются в другие регионы и арендуют земли в других районах области, а также и в других областях Казахстана [16].

По данным переписи населения 2009 года, важным направлением занятости у дунган после сельского хозяйства, является торговля. Дунгане, кроме реализации плодоовощной продукции, активно заняли вместе с казахами сегмент торговли электронной и бытовой техникой, гаджетами китайского производства. При этом в данную деятельность активно вовлечены дунгане из Китая.

Таджики, с учетом компактного проживания в Мактааральском, Жетысайском и Сарыагашском районе Туркестанской области, работая в сельском хозяйстве, специализируются на выращивании плодоовощной продукции и хлопчатника. Исторически в 20-30-х годах XX века руководство СССР в целях освоения земель и внедрения оросительного земледелия переселило таджиков из Таджикистана в южный регион Казахстана.

Кыргызы, совместно с соплеменниками из Кыргызстана, наиболее заметно представлены в сфере торговли в особенности в гг. Алматы и Астана и занимаются продажей плодоовощной продукции, бытовой техникой, а также текстильных изделий на рынках и базарах городов.

По наблюдению автора активно выращиванием и реализацией плодоовощной, мясной и молочной продукции вблизи городов Алматы и Астана занимаются курды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в республике наблюдается определенная этническая специализация по отраслям и видам занятости. Этническое многообразие Казахстана нашло свою проекцию и на экономической структуре занятости. В переходный период все этносы исходя из традиционного исторического опыта, экономического поведения, знаний и навыков ведения хозяйства продолжили свою экономическую деятельность, но уже с учетом рыночного ценообразования. К примеру, узбеки, уйгуры, дунгане и таджики, являющиеся традиционными земледельцами, успешно развивают аграрные традиции и закрепили за собой сферу растениеводства, что подтверждает гипотезу - исторические особенности экономического поведения стали в основе современной этнической занятости.

Одновременно, отдельные этносы с учетом изменений экономических условий пробовали освоить новые для себя экономические ниши. Данному процессу способствовали изменения социально-экономических, внешнеэкономических условий (приватизация, урбанизация, либерализация внешнеэкономических контактов и др.) и факторов (усиление урбанизации, рост уровня образованности и др.) позволили этническим группам освоить новые формы предпринимательства и экономические сегменты. К примеру, уйгуры и дунгане активно освоили частную межгосударственную торговлю с Китаем и продолжают специализироваться в

данной сфере. Кыргызы, как из числа граждан Казахстана, так и из числа граждан Кыргызстана, имеют мелкие торговые точки реализации плодоовощной продукции, бытовой техники и текстиля. В целом, можно отметить гипотезу, что у отдельных этносов появилась этническая специализация в определенных экономических нишах.

Тенденции обособления этнической занятости имеют место, но без узкой этноспециализации, и ее масштабы не так объёмны. Некоторые риски возможны при монополизации рынка растениеводства в городе Алматы со стороны сельхозпроизводителей из числа дунган. Однако ограниченность сельскохозяйственных земельных ресурсов Кордайского района Жамбылской области не позволяет полностью монополизировать положение и доминировать на овощных рынках г.Алматы. Кроме того, рентабельность плодоовощной продукции привлекает и другие этносы. К примеру, курды также начали заниматься выращиванием сельхозпродукции вокруг мегаполисов и ее реализацией на городских рынках. Надо отметить, что казахи составляют заметную конкуренцию другим этносам в данном секторе.

В этой связи тенденции этнической специализации имеют место и способствуют росту конкуренции между этносами, что в итоге приведет к улучшению качества продукции и оказываемых услуг.

Этническая занятость, этнические экономические ниши и их специализация не способствуют формированию этнических анклавов. С учетом того, что основная часть занятых в аграрной сфере сконцентрирована в южном регионе республики необходимо продолжить информационно-разъяснительную работу по переселению аграрного населения в северный регион, в том числе с предоставлением в аренду земель для организации сельхозпроизводства. Для снижения трудоизбыточности в южном регионе и увеличения привлекательности северных регионов внедрить различные формы субсидирования или кредитования по строительству теплиц, внедрения влаго/теплосберегающих и других технологий, предоставления в лизинг сельскохозяйственной автотракторной техники и др. Развитие производств по агропереработке сельхозпродукции, складов по хранению сельхозпродукции будут способствовать росту производительной занятости и повысит уровень доходов жителей села.

С учетом сложной политической ситуации в Украине и ввода пакета международных санкций в отношении России, актуализировались риски для глобальной продовольственной безопасности и в целом очевидно назревание продовольственного и зернового кризиса. В этой связи вопросы интенсификации и внедрения новых технологий в сельском хозяйстве, а также продолжение внутренних аграрных переселений в северные и восточные регионы позволят увеличить долю сельскохозяйственной продукции на мировых продовольственных рынках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pécoud, Antoine* (2010) 'What is ethnic in an ethnic economy?', *International Review of Sociology*, 20: 1, 59-76. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/sk8ca>
2. *Ivan Light, Georges Sabagh, Mehdi Bozorgmehr, Claudia Der-Martirosian*. Beyond the Ethnic Enclave Economy. *Social Problems*, Volume 41, Issue 1, 1 February 1994, pp 65–80. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/sk9XG>
3. *Neli Demireva, Wouter Zwysen*, Ethnic Enclaves, Economic and Political Threat: An Investigation with the European Social Survey. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skCQM>
4. *Simone Schüller, Tanika Chakraborty*, Ethnic enclaves and immigrant economic integration. [Электрон.

ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skDAb>

5. *Иванова М.В.* Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. - 2018. - № 7-14 (9). [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skEKp>

6. *Рунова Н.Ю.* Этническое предпринимательство: анализ основных определений // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Том 11. – № 2. – С. 323-332. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skFHR>

7. Статистический пресс-бюллетень № 5. Госкомстат Республики Казахстан. Алма-Ата. РИИЦ. - 1989. -166 с. - с. 14.

8. Реформы в Казахстане: успехи, задачи и перспективы. OECD. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skFsh>

9. Итоги миграции населения Республики Казахстан за 1998 г. Алматы. Агентство по статистике РК. - 1999, - с. 3, 13-18

10. *Нурумбетова К.К.* Миграция населения Казахстана в начале 1990-х гг. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skHYi>

11. Статистический сборник Казахстана. Статистический сборник. Под ред. Ж.А.Кулееева. Алматы. 1998. -592с. - с.87-89

12. Списочная численность и состав работающих в отраслях экономики. Алматы. 1996. Л.1-2. Архив БНС АСПИР, 45А, Фонд 698, Опись 4, Дело № 3266.

13.Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%86%D1%8B_%D0%B2_%

14. Занятость населения в Республике Казахстан. 1 том. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под ред. Смаилова А.А. – Астана. - 2010 - 213с. с.33-38. Режим доступа: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/7>

15. *Дауров Х.* [Электрон. ресурс]. - URL: <https://clck.ru/skVJg>

МАМЕДОВА ПАРИДА ИМАНЖАНОВНА

заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана Таразского
регионального университета имени М.Х. Дулати
г. Тараз, Республика Казахстан
e-mail: pakan@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УРОВЕНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖАМБЫЛСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аңдатпа. Бұл мақалада Жамбыл облысы мысалында азаматтық бірегейлікті қалыптастыру контекстіндегі этноәлеуметтік процестердің ерекшеліктері және әлеуметтік мәселелердің этносаралық қатынастарға әсері қарастырылады. Этносаралық қатынастар бойынша социологиялық зерттеудің фрагменттері берілген.

Түйін сөздер: азаматтық, этникалық бірегейлік, қақтығыс тәуекелдері, этносаралық коммуникациялар, әлеуметтік мәселелер, этникалық толеранттылық

Abstract. This article discusses the features of ethnosocial processes in the context of the formation of civic identity and the impact of social problems on inter-ethnic relations on the example of the Zhambyl region. Fragments of a sociological study on interethnic relations are provided.

Key words: civil, ethnic identity, risks of conflict, interethnic communications, social problems, ethnic tolerance

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности этносоциальных процессов в контексте формирования гражданской идентичности и влияния социальных проблем на межэтнические взаимоотношения на примере Жамбылской области. Приведены фрагменты социологического исследования по изучению межэтнических взаимоотношений.

Ключевые слова: гражданская, этническая идентичность, риски конфликтогенности, межэтнические коммуникации, социальные проблемы, этническая толерантность

Казахстан сегодня – это сложная система множества ярких культур, каждая из которых характеризуется самобытностью, своеобразной иерархией этнокультурных ценностей, сложной знаково-символической когнитивно-культурной системой. Поэтому процесс формирования межэтнического взаимодействия – это весьма сложная совокупность разнообразных конструктивных и деструктивных форм отношений между этническими группами и их представителями. В настоящее время характерна амбивалентность процессов: тенденция к унификации, с одной стороны, а с другой – сохранение этнокультурного своеобразия народов. Многолетний опыт показывает, что наиболее успешной стратегией аккультурации является интеграция, сохранение собственной культурной идентичности личности наряду с овладением государственного языка и знания традиций казахов. Это приводит к необходимости

подготовки высококультурных и образованных членов общества, которые могут жить и работать в полиэтнической среде, знающих и уважающих не только свою этническую культуру, но и культуру других этнических групп. На процессы коммуникаций разных этнических групп в первую очередь оказывает влияние уровень общего социального самочувствия населения.

В современных условиях состояние межэтнических отношений в Казахстане во многом зависит от множества политических и социально-экономических факторов. Несмотря на то, что исследователями чаще стали отмечаться улучшение и стабильность межэтнической ситуации в различных регионах Казахстана, которые интерпретируются как результат грамотно выстроенной социальной политики, существует еще немало проблем, способствующих повышению этнического риска. Поэтому, мониторинг межэтнических отношений каждого региона и исследование социального самочувствия этносов в корреляции с социально-экономической ситуацией, а также изучение эффективности программных документов государства, направленных на построение «Нового Казахстана» - является необходимым для дальнейших стратегических мер.

Рассматривая проблему социального самочувствия населения Жамбылской области, в рамках данного исследования внимание было уделено анализу особенностей восприятия различными этносами, проживающих в области, межэтнических взаимодействий и вопросу выбора идентичностей.

Численность населения Жамбылской области по состоянию на 01.09.2022 года составила 1 214 537 человек, в том числе: городское – 40,1% и сельское – 59,9% человек. Из общей численности населения по этническому составу:

- казахи – 884 183 (72,8%);
- русские – 116 596 (9,6%);
- дунгане – 64 370 (5,3%);
- турки – 37 651 (3,1%);
- узбеки – 31 577 (2,6%);
- курды – 17 004 (1,4%);
- азербайджанцы – 13 360 (1,1%);
- киргизы – 10 931 (0,9%);
- другие этносы – 38 865 (3,2%).

Феномен социального самочувствия отражает основные тенденции общественных настроений и мнений как в обществе в целом, так и в отдельных социальных категориях населения. Исследование социального самочувствия разных этнических групп позволяет оценить процессы, происходящие как на социальном уровне, так и на психологическом, т.е. в индивидуально-личностном состоянии населения [1].

Согласно данным, полученным в ходе проведения массового социологического опроса, вполне довольны жизнью в 2021 году – 51,2%, а во 2022 году этот показатель снизился до 44,5%; скорее удовлетворены: 2021 год – 38,2%, 2022 году - 35,5%; скорее не удовлетворены в прошлом году 9,4%, в этом году 17,8%, совсем не довольных жизнью в 2021 году – 1%, в 2022 году – 2,2%, затруднившихся в ответе составляет в 2021 году 0,2%, в 2022 году – 0,1%.

Анализ удовлетворенности своей жизнью в разрезе районов показывает, что идёт небольшое снижение показателей из года в год «скорее не удовлетворен» и «совсем не доволен жизнью». Удовлетворенность жизнью зависит от социально-экономических факторов, то есть от уровня дохода, благосостояния, семейного

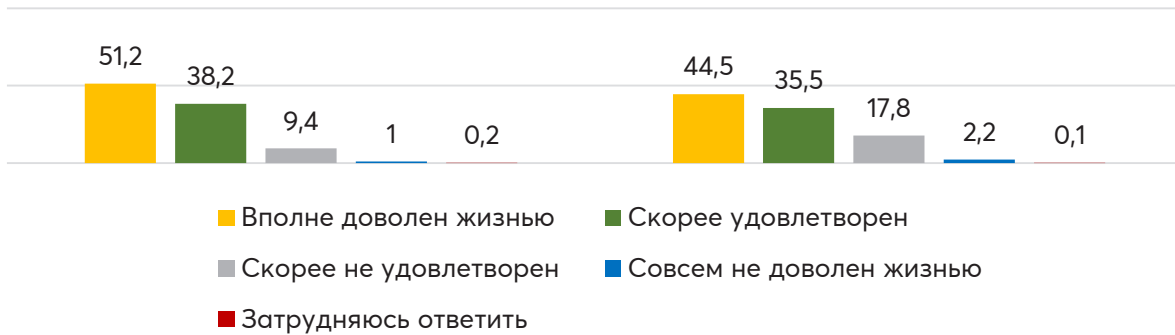

статуса, уровня физической активности, здоровья и поэтому рассматривая данные за 2 года можно утверждать, что уровень вполне довольных жизнью и скорее удовлетворенных в 2022 году снизился, что привело к незначительному повышению показателей как «скорее удовлетворенных» и «совсем недовольных жизнью».

Таким образом, уровень удовлетворенности в области в целом составляет положительную и стабильную динамику, так как большая часть населения удовлетворена жизнью, которая у них складывается в настоящее время.

Диаграмма 1. В какой степени Вы лично, как гражданин Казахстана, удовлетворены жизнью, которая у Вас складывается?

Диаграмма 1. В какой степени Вы лично как гражданин Казахстана, удовлетворены жизнью, которая у вас складывается? %
2021 и 2022 гг

В прошлом году в разрезе районов вполне довольных жизнью и скорее удовлетворенных было больше нежели в 2022 году. Показатели повысились на 8,4% в ответе «скорее не удовлетворен» и на 1,2% «скорее недоволен жизнью».

Таблица 1. В какой степени Вы лично как гражданин Казахстана, удовлетворены жизнью, которая у вас складывается в %? В разрезе районов

		г. Тараз	Байзақский район	Жамбылский район	Жуалынский район	Кордайский район	Меркенский район	Мойынқумский район	Сарысуский район	Таласский район	район Т.Рыскулова	Шуский район	итого
Вполне доволен жизнью	2021	13,4	4,7	4,7	2,3	7,8	3,9	1,4	2	3	3,5	5,3	51,2
	2022	17,9	4,25	3,75	1,75	4,4	3,15	1,05	1,4	2,05	2,05	2,75	44,5
Скорее удовлетворен	2021	14,7	4	1,7	1,8	4,1	2,9	1,4	1,7	1,7	2,2	2,9	38,2
	2022	9,4	3,6	2,2	2,2	5,2	3,0	1,2	1,7	1,8	2,4	3,0	35,5
Скорее не удовлетворен	2021	3,4	0,6	0,9	0,4	0,8	0,8	0,2	0,3	0,5	0,6	1	9,4
	2022	4,2	1,2	1,1	0,7	3,0	1,3	0,6	0,9	1,0	1,1	2,9	17,8
Совсем недоволен жизнью	2021	0,2	0	0,1	0	0,1	0,1	0	0	0,1	0,1	0,4	1
	2022	0,4	0,4	0,6		0,3	0,4	0,2		0,2	0,3	0,7	2,2
Затрудняюсь ответить	2021	0,2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,2
	2022	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Данную ситуацию можно обосновать тем, что в целом на самочувствие населения региона влияют вопросы социально-экономического плана, январские события и процессы миграционных потоков из России и Украины, повлекшие дестабилизацию цен на ТНП, ГСМ и аренду жилья.

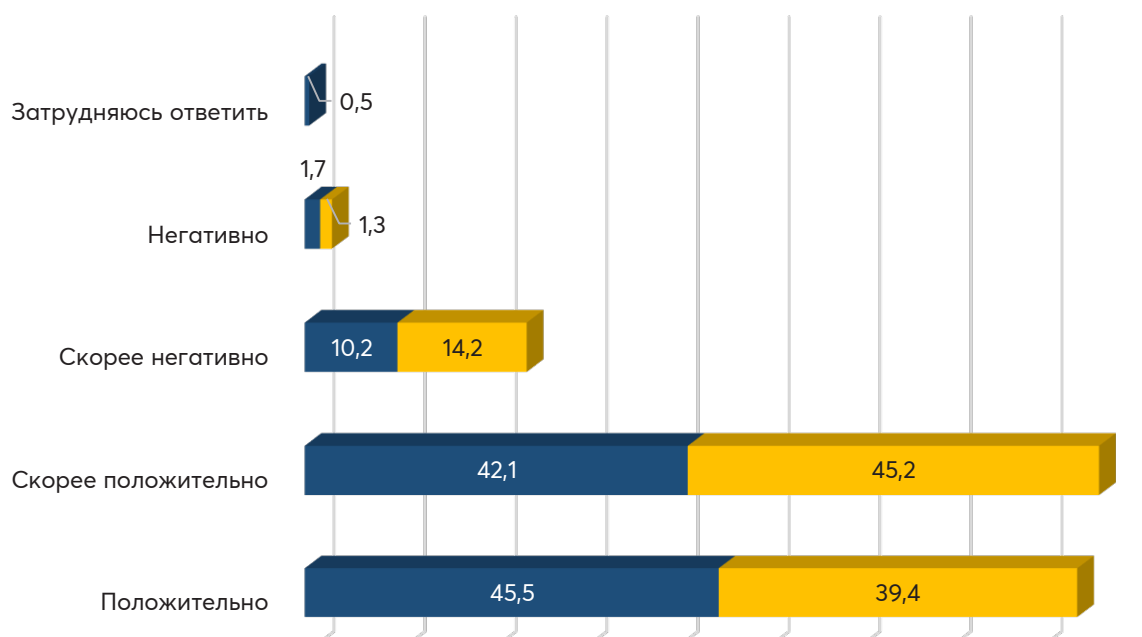
Говоря о ситуации в отношениях между различными этносами в стране, то респонденты назвали более благополучной в 2021 году – 55,7%, в 2022 году этот показатель снизился до 33,8% и наоборот шкала спокойствия возросла от 35,2% до 49,9%, напряжение отметили в этом году 15,3% населения, так как эта цифра в прошлом году составила 7,1%.

Таким образом, респонденты оценили межэтнические отношения в стране в 2021 году в большей степени как благополучную и спокойную, а в 2022 году опрошенные отметили прирост напряжения во взаимоотношениях этносов. Напряжение и конфликтность отметили в основном русские, дунгане, курды и азербайджанцы города Тараз, Жамбылского, Кордайского и Шуского районов.

Для выявления взаимоотношений этносов в ходе социологического опроса был задан вопрос: «**Как Вы относитесь к представителям других этносов, проживающих в Казахстане?**».

Диаграмма 2. Как Вы относитесь к представителям других этносов, проживающих в Казахстане?

Диаграмма 2. Как Вы относитесь к представителям других этносов, проживающих в Казахстане? %

В текущем году «скорее негативно» отметили 14,2% опрошенного населения региона, в прошлом году этот показатель составлял 10,2%,

Таким образом, исходя из показателей можно сказать, что опрошенное население области более или менее уверено в терпимости и толерантности между этносами в стране, и этому свидетельствует показатель «скорее положительно», который возрос на 3,1%, в то же время показатель «положительно» в 2021 году составил 45,5%, а в 2022 году идет снижение показателя на 6,1%.

В 2021 году 64,1% не наблюдали нарушения прав по этническому признаку, в этом году данный показатель снизился на 4,8%, в то же время повысился фактор «очень редко наблюдали» с 27% до 34,1%.

Основная часть населения на наблюдала нарушения прав по этническому признаку, что в среднем за год составляет 64,1% и очень редко наблюдающих 27%.

Таблица 2. Наблюдали ли Вы в месте Вашего проживания нарушения прав граждан по этническому признаку? По этносам, %

	годы	Казахи	Русские	Дунгане	Турки	Узбеки	Курды	Азербайджане	Киргизы	Другие	Итого
Да, часто наблюдал (а)	2021	3,2	1,6	0,8	0,8	0,6	0,6	0,5	0,3	0,6	8,9
	2022	1,4	1,1	1,2	0,5	0,7	0,3	0,6	0,8	0,3	6,7
Очень редко наблюдал (а)	2021	10,2	4,9	1,9	1,1	1,5	1,4	2,2	2,1	1,8	27
	2022	5,8	11,1	2,5	1,8	1,9	2,9	2,8	2,0	3,5	34,1
Нет, не наблюдал(а)	2021	31,2	11,8	2,9	3,6	2	3,2	3	2,1	4,3	64,1
	2022	36,2	6,2	1,9	3,2	1,4	2,0	2,4	1,9	3,0	59,3

Анализ данных представленных в Таблице 2 в разрезе этносов указывает, что в 2021 году часто наблюдали нарушения прав казахи – 3,2%, русские – 1,6%, в 2022 году картина немного изменилась и на несоблюдение прав указали казахи – 1,4%, дунгане – 1,2% и русские – 1,1%.

Таблица 3. Наблюдали ли Вы в месте Вашего проживания нарушения прав граждан по этническому признаку? По районам, %

	Годы	Да, часто наблюдал (а)	Очень редко наблюдал (а)	Нет, не наблюдал(а)	Итого
г. Тараз	2021	3,6	11,1	17,1	31,8
	2022	3,15	11,6	17,05	31,8
Байзакский район	2021	0,65	2,2	6,45	9,3
	2022	0,7	2	6,6	9,3
Жамбылский район	2021	0,28	2,23	4,80	7,30
	2022	0,4	3	3,9	7,3
Жуалынский район	2021	0,15	0,48	3,98	4,60
	2022	0,4	1,25	2,95	4,6
Кордайский район	2021	1,43	4,73	6,65	12,8
	2022	1,35	4,75	6,7	12,8
Меркенский район	2021	0,9	1,4	5,3	7,6
	2022	0,3	3	4,45	7,6
Мойынкумский район	2021	0,15	0,15	2,7	3
	2022	0,1		2,95	3

Сарысуский район	2021	0,4	0,88	2,63	3,9
	2022	0,2	1,6	2,2	3,9
Таласский район	2021	0,3	0,8	3,8	4,9
	2022	0,1	1,85	3	4,9
район Т.Рыскулова	2021	0,4	1,4	4,03	5,8
	2022	0,15	1,7	3,95	5,8
Шуский район	2021	0,9	1,5	6,6	9
	2022	0,3	3,3	5,55	9

Этнос – не единственная группа, в осознании принадлежности и в которой человек ищет опору в жизни. Для полиэтничного Казахстана сближение всех этносов, укрепление и сохранение межэтнической стабильности строится вокруг конституционно принятой идеи «народ Казахстана». Именно поэтому важно постоянно проводить мониторинг, как общество идентифицирует, оценивает и соотносит данную идею.

Вопрос «К каким группам и этническим общностям и в какой степени вы испытываете глубокую привязанность, симпатию, гордость за них? Насколько важна для Вас принадлежность к этой общности?» был посвящен изучению процесса этнической консолидации, формированию новой общности «единый народ Казахстана».

Таблица 4. К каким группам и этническим общностям и в какой степени вы испытываете глубокую привязанность, симпатию, гордость за них? Насколько важна для Вас принадлежность к этой общности? %

	годы	Совсем не важна	Скорее не важна, чем важна	Когда как, по обстоятельствам	Скорее важна, чем не важна	Очень важна	Затрудняюсь ответить
К единому народу Казахстана, как сообществу граждан разных этносов Казахстана	2021	8,6	11,7	28,5	20,5	20,9	9,8
	2022	4,7	8,9	24,9	30,5	23,4	7,7
Ко всем людям своей этнической группы, проживающей в Казахстане	2021	5,8	13,2	33,8	20,3	17,1	9,8
	2022	3,2	14	26,3	27,3	20,3	8,9
К своему суперэтносу, сообществу этносов (напр., славяне, тюрки, кавказцы, европейцы или др.	2021	7,0	12,2	35,4	16,6	18,2	10,6
	2022	5,2	12	23,5	26	24	9,5
К людям религиозного направления	2021	6,7	13,0	33,5	17,7	17,3	11,8
	2022	5,2	8,9	18,5	27,7	28,8	11,1
К людям своей области, города, села	2021	8,1	10,7	28,0	17,6	24,6	11,0
	2022	5,6	7,4	17	25,3	29,9	14,9

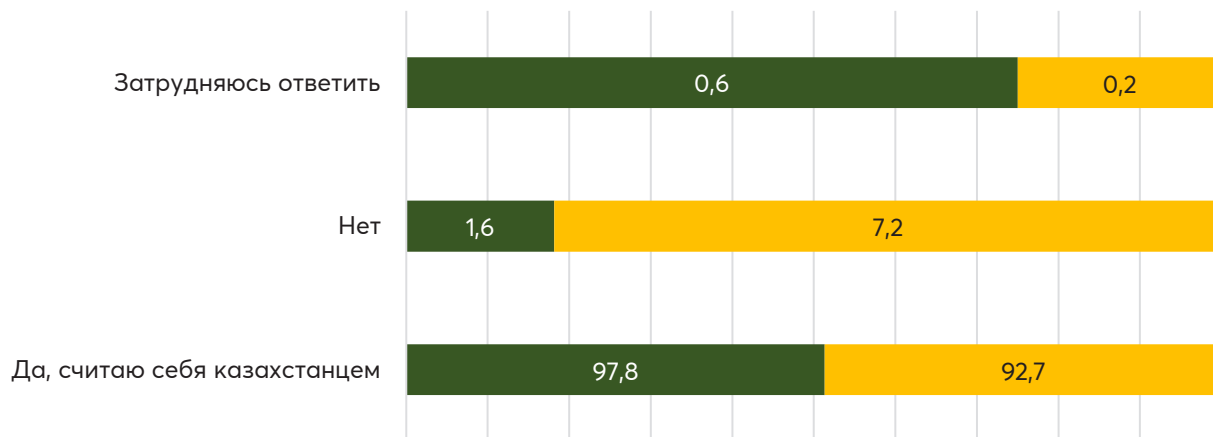

Как видно из *таблицы 4* в прошлом году самой важной принадлежностью являлось на 24,6% «к людям своей области, города, села» и для 24% опрошенных «к своему суперэтносу...», в 2022 году важной составляющей стала «к людям религиозного направления» - 28,8%, а также наибольшую важность в качестве референтной респонденты выделяют общность людей в пределах своей области, города, района и села – 29,9%.

Таким образом, по полученным данным можно обратить внимание на то, что группа «Единый народ Казахстана» уступает по важности двум другим: землякам и единоверцам.

Диаграмма 3. Можете ли Вы сказать, что считаете себя казахстанцем, т.е. представителем единого народа Казахстана?

В 2021 году казахстанцами считали себя 97,8%, а в 2022 году – 92,73%.

В 2021 году наиболее значимыми правами были: участие на выборах, пользоваться такими благами как жизнь, здоровье, свобода слова, передвижения – 11,2%; право на защиту от дискриминации социального, имущественного положения, пола, расы, этноса – 11,1%. В 2022 году самыми актуальными ответами стали: пользоваться такими благами как жизнь, здоровье, свобода слова, передвижения и т.д. – 17,8%; право на деятельность с целью получения дохода и участвовать в выборах, в принятии государственных решений, состоять на госслужбе – 13,7%.

Таким образом, сравнивая данные за 2021 - 2022 гг. можно отметить, что жители области хотят гарантированные права на пользование такими благами как жизнь, здоровье, свобода слова; участие в принятии государственных решений, а также возможность заниматься бизнесом.

Рассматривая показатели за 2021-2022 годы в разрезе районов можно утверждать, что самыми важными правами являются участие в выборах, в принятии государственных решений, состоять на госслужбе и пользоваться такими благами как жизнь, здоровье, свобода слова, передвижения, и т.д.

Таблица 5. Какие права являются для Вас самыми важными?

	Года	Участвовать в выборах, в принятии государственных решений, состоять на госслужбе	Пользоваться такими благами как жизнь, здоровье, свобода слова, передвижения, и Т.Д.	Право на деятельность с целью получения дохода	Обеспечение в ряде случаев материальной помощью от государства	Культурные права развития личности, право на образование, на творчество	Право на судебную защиту своих прав и свобод, получение юридической помощи.	Равенство всех граждан перед законом и судом	Право на защиту от дискриминации социального, имущественного положения, пола, расы,	Право на свободу объединений	Право на обеспечение жильем	Право на минимальный размер заработной платы, пенсии, другое социальное обеспечение	Затрудняюсь ответить
г. Тараз	2021	5,6	8,9	5,8	8,5	9,7	8,6	6,6	8,4	2,9	5,4	5,2	0,1
	2022	6,8	8,2	6,7	6,8	6,2	4,7	4,5	6,3	2,8	3,7	2,4	0
Байзакский район	2021	5,7	5,2	1,7	2,1	2,8	3,1	5,4	7,1	1,2	1,4	4,5	
	2022	2,7	3,8	2,4	1,4	1,2	1,1	1,3	1,3	0,4	0,4	0,4	
Жамбылский район	2021	6,3	4,5	2,0	2,8	2,7	2,5	3,3	4,3	1,3	3,0	3,6	0,1
	2022	2,5	3,4	1,8	1,2	1,1	0,9	1,3	1	0,4	0,6	0,2	
Жуалынский район	2021	5,7	2,8	2,4	2,8	2,8	2,4	2,8	5,1	1,7	1,2	3,5	5,7
	2022	1,2	1,3	0,8	0,9	1,2	1	0,6	0,8	0,2	0,2	0,1	0
Кордайский район	2021	6,9	5,5	4,0	2,8	4,7	3,4	3,8	4,5	2,6	3,7	3,0	
	2022	3,1	4,6	2,9	2,6	2,6	1,7	2,2	1,6	0,9	1,3	0,4	0,1
Меркенский район	2021	6,4	4,0	1,7	3,5	2,7	2,4	2,1	5,7	1,1	2,1	3,9	
	2022	1,5	2,2	2	1,6	1,7	0,6	1	0,6	0,5	0,4	0,2	0
Мойынкумский район	2021	3,4	4,6	4,0	2,3	2,6	3,0	2,6	3,0	3,6	0,6	0,0	
	2022	1	1,1	0,6	0,6	0,3	0,2	0,3	0,4	0,2	0,3	0,3	
Сарысуский район	2021	2,6	3,0	2,1	2,1	3,4	1,6	3,4	4,5	3,2	2,9	2,4	
	2022	1,5	1,6	0,8	0,6	0,6	0,7	0,4	0,5	0,2	0,7	0,1	0
Таласский район	2021	5,0	5,5	3,7	2,0	1,9	4,3	2,3	3,5	0,7	2,9	1,0	
	2022	1,4	1,7	1,4	1	0,6	0,3	0,5	0,7	0,4	0,4	0,4	0
район Т.Рыскулова	2021	5,6	3,1	2,4	3,2	3,2	1,5	2,6	3,7	2,3	2,9	2,7	
	2022	1,2	1,7	1,7	1,3	1,2	0,6	0,7	0,9	0,4	0,3	0,3	0
Шуский район	2021	7,5	6,4	3,2	2,2	2,4	2,8	3,1	4,6	1,0	2,2	1,8	
	2022	3,4	3,8	2,6	1,2	1	0,7	0,8	0,6	0,9	0,6	0,3	0

Изучение этносоциальных отношений предполагает выявление и анализ места и роли этнической составляющей в сложном и противоречивом процессе изменений, происходящих в последние годы.

Выявление комфортного сосуществования этносов, и есть ли в общем пространстве и повседневной жизни проблемы по взаимодействию изучался вопросами «Учитываете, придаете ли вы значение этнической принадлежности человека?», «Испытывали ли Вы на себе когда-нибудь недоброжелательное отношение окружающих людей из-за того, что Вы представитель другого этноса?», «Учитываете, придаете ли Вы значение этнической принадлежности человека?».

В 2021 году всегда учитывали и придавали значение этнической принадлежности 29,2%, а в 2022 году замечается понижение на 7%. Сопоставляя шкалу «иногда, смотря в каких обстоятельствах и с какой целью» можно утверждать, что в прошлом году он составлял 31,8%, а в 2022 году идет возрастание до 44%. В разрезе этносов в 2021 году больше всех придавали значение этому казахи, русские, курды, а в 2022 году дунгане.

Таблица 6. Учитываете, придаете ли Вы значение этнической принадлежности человека?

	Годы	Казахи	Русские	Дунгане	Турки	Узбеки	Курды	Азербайджане	Киргизы	Другие
Всегда учитываю и придаю значение	2021	13,5	5,1	1,3	1,0	0,7	1,7	1,3	1,1	1,5
	2022	11,6	2,9	1,6	1	0,8	1,2	1	0,9	0,8
Иногда, смотря в каких обстоятельствах и с какой целью	2021	14,6	5,5	1,8	2,2	1,6	1,6	1,8	1,4	2,1
	2022	18,3	9,2	1,7	2,3	1,8	2,2	3,2	2,2	3,3
Механически обращаю внимание, но не придаю значения	2021	8,9	4,3	1,3	1,1	1,1	1,2	1,6	1,4	2,1
	2022	8,9	4,1	0,7	1,1	0,9	1,2	1,1	1,0	1,4
Обычно не обращаю внимания и не учитываю при знакомстве	2021	7,4	3,3	1,0	1,1	0,5	0,7	1,0	0,7	0,9
	2022	6,0	2,2	1,6	1,1	0,5	0,6	0,5	0,6	0,8
Затрудняюсь ответить	2021	0,2	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1
	2022	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

В 2021 году 84,9% опрошенных утверждают, что не сталкивались с недоброжелательным отношением людей по этнической принадлежности, а в 2022 году этот показатель снизился до 71,4%.

Таблица 7. Испытывали ли Вы на себе когда-нибудь недоброжелательное отношение окружающих людей из-за того, что Вы представитель другого этноса? По районам, %

	Года	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
г. Тараз	2021	10,3	38,2	0,9
	2022	17,3	46,2	0,1
Байзакский район	2021	2,8	29,2	0,1
	2022	1,9	7,5	
Жамбылский район	2021	5,1	25,3	0,5
	2022	2,2	5,2	
Жуалынский район	2021	0,5	28,1	0,1
	2022	1,2	3,5	
Кордайский район	2021	6,5	28,1	
	2022	4,6	8,2	
Меркенский район	2021	1,6	29,5	
	2022	2,4	5,3	
Мойынкумский район	2021	0,3	27,1	0,1
	2022	0,4	2,8	
Сарысуский район	2021	0,6	27,4	0,5
	2022	1,0	3,0	
Таласский район	2021	0,8	4,1	
	2022	1,8	3,2	
район Т. Рыскулова	2021	0,7	28,4	1,0
	2022	1,7	4,1	
Шуский район	2021	2,6	29,2	
	2022	2,2	6,8	

Факты недоброжелательного отношения в прошлом году отмечены в таких населенных пунктах, как: г. Тараз, Меркенский район, Байзакский, Жамбылский и Кордайский районах. В 2022 году показатель в городе Тараз возрос. Рассматривая этот показатель по населенным пунктам можно заметить, что повышение шкалы отмечается в Меркенском, Сарысуском, Жуалынском, Таласском районах и в районе Т. Рыскулова.

Далее в целях более детального анализа, респондентам предлагалось ответить в какой форме они испытали недоброжелательное отношение других. В 2021 году опрошенные жители области отмечали «брань, оскорбительные высказывания, грубость» – 28,9%, в также препятствование в предоставлении выгодной работы – 15,5%, «распускание порочащих слухов, клевета и наветы» – 15,2%, в 2022 году: «пренебрежительное отношение, насмешки» – 23,7%, «уход от общения, игнорирование, бойкот» – 22,5%, а также распускание порочащих слухов, клевета и наветы.

Следует отметить, что большинство конфликтогенов на языковой почве присутствуют преимущественно в местах массовой торговли, при обслуживании населения, в кафе и т.п.

Главным условием в определении принадлежности к Единой нации в 2021 году стало – «достаточное долгое проживание в стране, обладание опытом жизни и межэтнического взаимодействия» – 19,8%, а в 2022 году самый актуальный ответ – это «быть патриотом своей страны, знать ее историю, культуру и цели развития» - 18,5%.

По среднему показателю можно отметить, что наиболее значимым в 2021 году являлся «Достаточно долгое проживание...» - 19,8%, «Быть патриотом своей страны ...» - 18,4%, «Рождение на территории Казахстана» -14%, а также «Владение государственным языком...» - 11,9%. В 2022 году «быть патриотом своей страны, знать ее историю, культуру и цели развития» – 18,5%, «владение государственным языком» – 16,3%, а также «рождение на территории Казахстана» – 14,5%.

В разрезе этносов в 2021 - 2022 годах большинство респондентов по всем этносам выбирали вариант ответа «рождение на территории...», это свидетельствует о том, что для респондентов казахской этничности важное значение имеет, чтобы представители других этносов не только имели оформленное гражданство и родились на территории Казахстана, а также говорили на казахском языке и соблюдали традиции и законы.

По результатам опроса 2021 года 33% киргизов, 21,1% турков, 16,4% казахов и 14,5% дунган считают, что Казахстан в будущем будет полиэтничной страной, население которой говорит только на казахском языке. В 2022 году за вариант «моноэтнической страной, в которой проживают только казахи» высказались - 9,0% казахов, 1,9% - русские, 1,2% узбеков, 1,1% азербайджанцев и киргизов. За «полиэтничность страны, население которой говорит только на казахском языке» высказались 18,6% казахов, 4,1% русских и 25% турков. «Многоэтничным государством, население которого владеет казахским, русским и английским языком» выбрало казахов – 17%, русских – 12,3% и 3,7% дунгане, что может свидетельствовать о снижении среди населения популярности концепции трехязычия в основе будущего обустройства Казахстана.

Как показывает практика, институты гражданского согласия могут в значительной мере способствовать эффективной превенции рискованных и неопределенных ситуаций в области межнационального согласия. При этом ключевым фактором в эффективном управлении и регулировании процессов в области межэтнического согласия является выверенная и эффективная государственная политика, по которой ведется активная и постоянная разъяснительная работа на местах и осуществляется реализация с учетом специфических региональных особенностей.

В 2022 году несколько сократилось количество респондентов «Полностью поддерживающих государственную политику» с 46% до 34,3%, количество не поддерживающих осталось почти без изменений, а число частично поддерживающих в этом году возросло до 47,6%.

В 2021 году в разрезе этносов, частично поддерживающих больше среди русских и турков, а в 2022 году увеличилось число респондентов, которые полностью поддерживают государственную политику: казахи – 20,8% (в 2021 г. - 18,5%), русские – 10% (в 2021 г. - 6,3%), дунгане – 2,7% (в 2021 г. - 2,3%), турки – 2,7% (в 2021 г. - 2%), узбеки – 1,3% (в 2021 г. - 0,7%). Также следует отметить, что среди респондентов казахской

этничности отмечается рост на 2,3% респондентов, полностью поддерживающих политику.

В 2022 году приоритетом государственной политики респонденты выделили развитие промышленности, сельского хозяйства, новых технологий – 28,9%, а в 2021 году жители области указали на повышение уровня жизни, социальная защита, занятость населения – 28,5%.

Среднегодовые данные в целом отражают отмеченные выше приоритеты в разрезе населенных пунктов.

Рекомендуется рассмотреть возможность проведения дополнительных качественных исследований для выявления причин роста числа частично поддерживающих государственную политику в области межэтнического согласия в текущем году до 47,6%.

Рекомендуется запланировать встречи с населением региона, особенно с привлечением и сотрудничеством этнокультурных объединений русских и турков по продвижению государственной политики в области межэтнического согласия.

Рекомендуется провести анализ эффективности деятельности акиматов по всем направлениям, для формирования базы лучших практик, определяющих положительную оценку со стороны населения области.

Рекомендуется в 2023 году определить приоритетами государственной политики развитие промышленности, сельского хозяйства, новых технологий, повышение уровня жизни, социальную защиту, занятость населения.

Как показывает практика, сохранение межэтнического согласия - это каждодневный и титанический труд, эффективность которого зависит от слаженной и своевременной работы, в которую вовлечены все представители местных исполнительных органов, Дома дружбы, этнокультурные общественные объединения, население, организации образования. Баланс в сфере межэтнического согласия имеет хрупкий и неустойчивый характер, т.к. очень много факторов, которые не всегда выявлены и имеют лишь косвенное отношение, однако могут повлиять на кардинальное изменение ситуации.

На основании анализа средних показателей за последние два года следует отметить, что в области сохраняется спокойная обстановка и жители отмечают низкую вероятность конфликтов, также в своих предпочтениях выражают позицию «не вмешиваться» в случае наступления сложных и напряженных ситуаций. Стоит также отметить, что показателем стабильной обстановки в регионе является и низкая степень миграционного настроения. В сравнении с прошлым годом, миграция из Казахстана резко снизилась по известным причинам (обострение российско-украинских конфликтов, объявление частичной мобилизации, а также введение санкций в России, что существенно ухудшает бизнес возможности, особенно ориентированных на работу в социальных сетях).

Примером того, что причиной общего беспокойства могут служить конкретные факторы является то, что в области повышается рост недовольства и конфликтных ситуаций, которые возникают из-за языковой политики, а также рост нетерпимости в отношении лиц, говорящих не на государственном языке. Было также характерно, что такая нетерпимость ярко проявлялась в определенных населенных пунктах. Этот факт первоначально был выявлен во время проведения качественных методов исследования и нашел свое подтверждение по результатам количественных методов.

Несомненно, предложенные рекомендации были учтены, и в области были реализованы превентивные мероприятия. Респонденты четко обозначили самые

важные факторы роста нестабильности: языковая политика, ущемление прав по религиозному признаку. Стоит также обратить внимание, что наблюдается значительный рост респондентов, которые выражают недовольство реализуемой государственной политикой в области межэтнического согласия.

При анализе средних показателей было выявлено, что подавляющая часть опрошенного населения – более 50% – видят, Казахстан как «многоэтническое государство, жители которого говорят на 3-х языках», однако стоит учесть резкий скачок и по другим вариантам. Имеющиеся данные свидетельствуют, что именно языковая политика нашла отражение в данном недовольстве. Возможно, такую причину стоит искать в росте недовольства населения страны по вопросам качества образования и то, как концепция трехязычия реализуется в учебных учреждениях. Все больше критических замечаний фиксируется на том, что внедренная система обновленного образования и параллельно реализуемая концепция трехязычия существенно и негативно отразилась на качестве образования.

Подтверждение данному факту можно найти, анализируя данные, что именно опрошенные представители русского этноса стали больше выражать озабоченность в вопросах возможного конфликта, по сравнению с предыдущими периодами. Это закономерно, т.к. в регионе стали чаще проявлять нетерпение в случае, когда не используют государственный язык. Учитывая, что вторым по популярности является русский язык, именно представители русского этноса могут ощущать недовольство, которое имеет тенденцию к усилению. Именно сейчас следует исследовать причины более подробно, чтобы выработать, а главное реализовать эффективные превентивные меры.

Стоит также обратить внимание, что сами респонденты русской этничности отмечают следующие сферы ущемления прав: при приеме на работу в государственные учреждения и при создании и ведении бизнеса. Стоит отметить, что по первому пункту в 3 квартале по сравнению с предыдущими был отмечен резкий скачок до 6,7%, что отражает наличие неоднократных примеров из практики. В данном случае, возможна прямая связь между нарушениями прав при приеме на работу в государственные учреждения и требованиями говорить на государственном языке. При этом закономерно, что и сфера ведения бизнеса упоминается чаще из-за требований говорить на государственном языке.

Как показывают результаты исследований социального самочувствия и настроений граждан Жамбылской области уровень гражданской идентичности прямо пропорционален удовлетворенности населения социальными программами, вниманием со стороны государственных органов и соблюдением прав в различных сферах деятельности. Следует также заострить внимание на влиянии СМИ и социальных сетей на массовое сознание и на уровень восприятия иных этносов. Значимость этнической идентичности возрастает при появлении иноэтнического элемента в ближайшем окружении, актуализация этнической идентичности связана с общей социально-политической ситуацией в стране, с наличием напряженности межэтнического характера. В целом, актуализация этничности сопровождается процессами межгруппового и межличностного социального сравнения, которые активизировали в сознании человека понимание и оценивание своей и другой этнической группы [2].

Довольно часто в работах российских и западных ученых можно встретить позицию негативных оценок усиления этнической идентичности, которая, по их мнению, «может быть опасна, поскольку питает этнонациональную идеологию и тем самым опосредованно служит формированию этнического национализма» [3].

В контексте казахстанского понимания проблемы идентичностей следует указать на несколько иную интерпретацию взаимосвязей гражданского и этнического. Этническая идентичность, являясь частью гражданской дополняет и не обладает деструктивной силой при условии умеренного неполитизированного восприятия этничности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доклад «Мониторинг межэтнической ситуации в Жамбылской области» КГУ «Қоғамдық келісім» управления внутренней политики акимата Жамбылской области
2. В. Н. Муха Автостереотипы русского населения Краснодарского края, Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012.
3. Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук.

Мурсалина Наталия Юрьевна

Академия государственного управления при Президенте РК
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: nmursalina@mail.ru

Селиверстов Сергей Васильевич

к.и.н., доцент Академия государственного управления при
Президенте РК
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: s.seliverstov@apa.kz

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аңдатпа. Мақалада баланың этникалық бірегейлігін қалыптастыру контекстіндегі этносаралық отбасының рөлі қарастырылады. «Сәйкестендіру», «этникалық сәйкестілік» ұғымдары әртүрлі ғылыми мектептер арқылы ашылады. Ж. Пиагет бойынша этникалық қалыптасудың психологиялық кезеңдері келтірілген. Этникалыққа екі көзқарас келтірілген: примордиалистік және конструктивистік және олардың мемлекеттің ұлттық құрылысы үшін маңызы. Отандық авторлардың шығу тегі аралас адамдарды сәйкестендірудің екіұштылық сипаты туралы зерттеулерінің нәтижелері, сондай-ақ Қазақстан халқының сәйкестілік иерархиясы келтіріледі.

Түйін сөздер: сәйкестендіру, конструктивизм, примордиализм, этникалық, азаматтық тұлға

Abstract. The article examines the role of the interethnic family in the context of the formation of the ethnic identity of the child. The concepts of «identification» and «ethnic identity» are revealed through various scientific schools. The psychological stages of the formation of ethnicity according to J.Piaget are listed. Two approaches to ethnicity are given: the primordialist and the constructivist and their significance for the nation-building of the state. The article presents the results of research by domestic authors on the ambiguous nature of the identification of people of mixed origin, as well as the hierarchy of identities of the population of Kazakhstan.

Key words: identification, constructivism, primordialism, ethnicity, civic identity

Аннотация. В статье рассматривается роль межэтнической семьи в контексте формирования этнической идентичности ребенка. Раскрываются понятия «идентификация», «этническая идентичность» через разные научные школы. Перечислены психологические этапы становления этничности по Ж. Пиаже. Приведены два подхода к этничности: примордиалистский и конструктивистский и их значение для национального строительства государства. Приводятся результаты исследований отечественных авторов о неоднозначном характере идентификации людей смешанного происхождения, а также иерархия идентичностей населения Казахстана.

Key words: идентификация, конструктивизм, примордиализм, этническая принадлежность, гражданская идентичность

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, где человечество стремится к глобализации и мультикультурности, особое значение приобретают межэтнические отношения. Конструктивное их выстраивание в первую очередь зависит от этнической идентичности, которая играет в новом глобальном мире одну из ведущих ролей, поскольку именно она дает чувство устойчивости и стабильности в изменчивом мире.

Этническая идентичность закладывается на начальной ступени социализации личности – в семье. Особая роль в этом вопросе отведена межэтническим семьям, где дети имеют множественную идентичность, поэтому так необходимо, чтобы через родителей ребенок усвоил правильные этнические ценности.

В целом отмечу, что в Советском Союзе существовало большое количество межнациональных семей (каждая пятая семья). Однако ввиду господствовавшей тогда единой общности «советский народ» вопросы этнического самосознания учитывались и рассматривались недостаточно. Сейчас же, наоборот, ценность этнического фактора возрасла несмотря на усиливающийся космополитизм, согласно которому каждый человек является «гражданином мира» и причисляет себя к единой мировой культуре.

Главная цель данной статьи – определить роли разноэтнической семьи в формировании этнической идентичности человека.

В статье применены эмпирические и теоретические методы исследования: сбор информации, анализ, синтез, классификация. При их использовании изучены исследования отечественных, а также зарубежных ученых.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие «идентификация» впервые ввел в оборот З. Фрейд в 1921 г. в своей работе «Психология масс и анализ «Я». Он обозначал идентификацию через одинаковость, тождественность, подражание либо ассимиляцию одного «Я» другим, в результате которой первое «Я» имитирует второе. З. Фрейд утверждал, что каждый человек сам создает свой идеал «Я» и использует при этом образцы и модели поведения, которые он сознательно выбирает [1].

На сегодняшний день нет четкого научного определения «этнической идентичности». Научные школы по-разному трактуют эти понятия. К примеру, П. Садохин считает этническую идентичность как процесс причисления себя к этнической общности, где индивид сравнивает определенные черты собственной родословной с признаками этой общности. Автор указывает на психологический процесс отождествления индивида с этнической общностью, который позволяет ему усвоить необходимые стереотипы поведения, нормы образа жизни и культурные ценности. Процесс идентификации индивида с этносом происходит на основе принципа самоопределения этнической принадлежности. Из этого следует, что этническая самоидентификация – это этническое самоопределение индивида, отождествление и отнесение себя к определенному этносу [2].

Как считает французский социолог А. Турен, идентичность – осознанное понятие, ее значимость определяется потребностью в принадлежности, потребностью в позитивной самооценке и потребностью в безопасности. Таким образом, идентификация – это процесс эмоционального и когнитивного самоотождествления индивида, с другим человеком или группой [3].

И. Малыгина определяет этническую идентичность как сложный феномен, как осознание индивидом общности с локальной группой на основе культуры, психологическое переживание этой общности, где ключевая роль отводится межкультурной интеграции. Этнос может достичь этнической идентичности в относительно короткое время, однако межкультурная интеграция - довольно длительный процесс, в котором взаимодействуют представители всех этносов, проживающих на определенной территории [4].

Рассмотрев вышеуказанные определения, можно сделать вывод, что этнокультурная идентичность – это не ситуативный процесс групповой солидарности во имя достижения коллективных целей. Также и наоборот, нельзя считать ее статичной и неизменной.

По мнению казахстанского исследователя С.К Уалиевой, на формирование этнической идентичности юного гражданина страны огромное влияние оказывает национальная культура отца и национальная культура матери, и в большей степени влияют установки обоих родителей. Как правило, дети из межетнических семей отличаются высокой этнической толерантностью, чем дети из моноэтнических семей. Также такие дети наибольшее значение придают гендеру, далее – конфессии и только потом для них важен этнос. Как правило, как для взрослых так и для детей, характерно двуязычие, изменение этнического самосознания, которое влияет на социальное поведение молодых людей [5].

Чтобы понять с какого возраста ребенок начинает считать себя представителем того или иного этноса, важно рассмотреть психологические этапы становления этничности, соотносимые с этапами развития личности.

Одним из первых систематизацию рубежей становления этничности внес швейцарский ученый Ж. Пиаже. Он оценивал становление этнической идентичности с созданием когнитивных моделей, связанных с понятием «Родина», а народные ощущения, по его воззрению, считаются «собственного семейства ответом на познания о народных явлениях». Таким образом, основываясь на соотношении когнитивных образов «отчизны» и «других государств» Пиаже выделяет 3 шага:

- 1) 6-7 лет. В данном возрасте для детей более важными считаются семейство и конкретное общественное окружение, а не государство или же народная группа;
- 2) в 8-9 лет ребенок уже внятно идентифицирует себя с собственным этносом, выдвигает причины идентификации – место проживания, родной язык;
- 3) в младшем подростковом возрасте (10-11 лет) идентичность складывается в полной мере [6].

Таким образом этническая идентичность проходит несколько этапов и ее становление определено постепенным процессом социализации ребенка.

Стоит также отметить, что не только семья, социум влияют на формирование этнической идентичности молодежи, но также и политика, проводимая государством. В мире сложилось два подхода к этничности: примордиалистский и конструктивистский. В первом случае этническая принадлежность определяется как бессознательное отождествление человека со своим этносом, эмоциональная привязанность. Конструктивизм зародился позднее примордиализма. Этничность здесь определяется как продукт нациестроительства, политический конструкт, призванный объединять людей для достижения определенных целей [7].

В Казахстане нациестроительство в большей степени опирается на принципы общенациональной идеи «Мәңгілік Ел, а также на стратегию духовного развития наших граждан «Рухани Жаңғыру». Основные постулаты - общеказахстанская идентичность, ценность этнорелигиозного разнообразия.

В этом смысле, неоднократно подчеркивая важность принципа «единство в многообразии», наш Президент Токаев К.К. отмечает, что казахстанцы, независимо от их этнического происхождения, считают себя единым народом, единой нацией. [8].

Однако единой политики касательно построения гражданской или этнокультурной национальной общности пока не выработано. Наша страна балансирует между этими конструктами и остается мультикультурным государством, однако в будущем возможен уход в сторону модели моноэтнического государства.

Вопросы идентификации у людей межэтнического происхождения вызывают определенные сложности. Это подтверждает исследование казахстанского автора С.К. Уалиевой, где описывается процесс выбора этнической принадлежности молодежи. По результатам проведенных социологических исследований автор приходит к пониманию того, что этническая идентичность у молодежи из межэтнических семей довольно неоднозначный процесс. Опрос среди молодежи из межэтнических семей показал, что мнения респондентов по поводу причисления себя к определенной этнической группе варьируются от определения по отцу, что «должно быть на уровне автоматизма», до понятий: «метис» и «казахстанец». Таким образом, изучение этнической идентичности людей смешанного происхождения показывает, что это очень щепетильный вопрос и требует аккуратного и корректного обращения [5].

Также в статье Нуртая Мустафаева «Найти себя: иерархия идентичностей в Казахстане» приводятся результаты комплексного социологического исследования, проведенного в 2009 году Казахстанским институтом социально-экономической информации и прогнозирования (КИСЭИП) по заказу Фонда Первого Президента РК. Опрос проводился с целью выявления иерархии идентичностей у населения страны. Результаты исследования показали, что **гражданская идентичность** (гражданин Казахстана, казахстанец) оказалась более значимой, чем этническая или религиозная для более половины респондентов (52,9%). Тогда как **этническую принадлежность** выбрали 26,6% опрошенных. **Религиозная принадлежность** оказалась наиболее значимой для 1/10 части (10,2%) респондентов. 10,3% опрошенных затруднились определить какая из видов идентичностей - гражданская, этническая или религиозная - являются для них важнее [9].

Таким образом данные исследования среди населения по показателям идентичности показывают, что для Казахстана особенно актуальна и важна консолидация общества по двум признакам - на основе гражданства, а также собственная этническая принадлежность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для многих людей этническая идентичность – это данность, которая не подлежит анализу, через которую они отвечают сами себе на вопрос «Кто я?».

Становление этнической идентичности человека обусловлено процессом постепенной социализации, где определяющая роль отведена семье как одному из первых институтов социализации. Принадлежащая к тому или иному этносу семья с ее традиционной бытовой культурой, хранящая историческую память, обряды и обычаи народа оказывает глубокое влияние на весь комплекс физической и духовной жизни растущего в ней человека. Под влиянием культурных ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, царящих в семье, этнических стереотипов и

менталитета, присущих семейной среде, ребенок становится личностью, осознающей и уважающей свой этнос.

В Казахстане на сегодняшний день вопросы формирования этнической идентичности выходцев из межэтнических семей малоизучены. Одним из самых фундаментальных является исследование отечественного автора С.К. Уалиевой., в котором анализируется выбор этнической идентичности детей из межэтнических браков. При этом внешние данные не играют первостепенной роли, равно как имя, фамилия и отчество. Кроме того, выбор детьми этнической идентификации из смешанных браков при получении документов может быть как по отцу, так и по матери, а также вовсе имеет место отказ от заполнения этой графы.

На выбор идентичности влияют разные причины. В целом, важен процесс социализации. Это и отношения в семье, и друзья, и влияние общества в целом. В одной семье двое детей могут идентифицировать себя по-разному (один по отцу, другой по матери).

Как уже было озучено в статье, не только семья и социум влияют на этническую идентичность человека, но и государственная политика страны. Государство выполняет роль определяющего звена во всех сферах общества.

Формирование этноса вокруг государства является на сегодня основным методом национального строительства. Связь человека со своим этносом выражается посредством его связи с государством. Поэтому чувство сопричастности индивида с этносом формирует и укрепляет этническую идентичность. В этой связи межэтнические семьи функционируют как своего рода определяющее связующее звено взаимной информации о культурных особенностях этносов, которые они представляют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с нем. – Санкт-Петербург: Азбука : Азбука-Аттикус, 2012. – 29-32 с;
2. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / КИОРУС, 2014. – 45-47 с.
3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 65-70 с.
4. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: Онтология, морфология, динамика: диссертация доктора философских наук: 24.00.01. - Москва, 2005. - 305 с.
5. Уалиева С.К. Этническая идентичность людей межэтнического происхождения в Казахстане/ вестник КазНПУ, 2017 г.
6. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка; пер. с фр. В. Большакова – Москва: Академический проект, 2006. – 480 с;
7. Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза: учебное пособие/2-е издание стер.- М:Флинта, 2013 г. – 460 с.;
8. Токаев К.К. интервью: <https://clck.ru/sktttn>
9. Мустафаев Н. Найти себя: иерархия идентичностей в Казахстане/ журнал «Правила игры». 2010. январь.

ЕРГЕНБОЛАТҚЫЗЫ АЙГЕРІМ

м.с.н., ведущий менеджер Центра прикладных исследований
Института прикладных этнополитических исследований
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: yergenbolataiko@gmail.com

«НЕЗНАКОМАЯ РОДИНА»: ЧТО ВОЛНУЕТ РЕПАТРИАНТОВ?

Аңдатпа. Бұл мақалада Қазақстанға көшіп келгеннен кейінгі репатрианттардың экономикалық және әлеуметтік интеграциясы, әлеуметтенуінің өзекті мәселелері қарастырылады. Мақалада әлеуметтанулық зерттеу нәтижелері бойынша анықталған бірқатар мәселелер көрсетілген. Зерттеу 2021 жылы Қолданбалы этносаяси зерттеулер институтымен жүргізілген. Зерттеудің мақсаты Отанына келген репатрианттардың өзекті мәселелерін зерттеу болып табылады.

Түйін сөздер: репатриант, Тарихи Отан, бейімделу, интеграция, әлеуметтену

Abstract. This article discusses relevant issues of economic and social integration, socialization of repatriates after their immigration to Kazakhstan. The article presents a number of problems that were identified by the results of a sociological study. The study was conducted by the Institute of Applied Ethnopolitical Studies in 2021. The purpose of the study is to study the current problems of repatriates upon arrival at home.

Key words: repatriate, historical homeland, adaptation, integration, socialization

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы экономической и социальной интеграции, социализации репатриантов после их иммиграции в Казахстан. В статье представлен ряд проблем, выявленных по результатам социологического исследования. Исследование проведено Институтом прикладных этнополитических исследований в 2021 году. Целью исследования является изучение актуальных проблем репатриантов по прибытии на Родину.

Ключевые слова: репатриант, историческая родина, адаптация, интеграция, социализация

ВВЕДЕНИЕ

В данном исследовании объектом выступили репатрианты старше 18 лет, проживающие в каждом из 17 регионов Казахстана.

Задачи исследования: определить актуальные для репатриантов проблемы с учетом факторов их социальной дифференциации; проанализированы этнокультурные особенности общности репатриантов в сравнении с традиционной культурой местного населения.

Исследование является комплексным, в нем были применены несколько видов метода сбора данных: количественный (массовый опрос), качественный (глубинные интервью).

Современное казахстанское общество представляет собой все более усложняющуюся структуру, в которой появляются новые социальные группы и страты, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. С момента

обретения независимости в Казахстане проводилась политика репатриации соотечественников, покинувших родину по разным причинам. На сегодняшний день репатрианты являются в этносоциальной структуре государства значимой социальной группой. Они оказывают влияние на развитие общественного мнения, касающиеся актуальных вопросов государственного языка, ономастики и др., особенно среди казахской части населения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По данным статистики официальных органов с 1991 года по 2020 год в Казахстан переехало более 1 млн. этнических казахов [1]. Переселение этнических казахов на историческую родину происходит преимущественно из Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана, Китая и России, а также Ирана, Турции, Афганистана, Пакистана. Некоторое число оралманов прибывает из других стран СНГ, Восточной Европы, Дании и Израиля, но в гораздо меньшем количестве [2].

Несмотря на то, что государство всячески поддерживает процесс адаптации и интеграции этнических казахов на исторической родине, по-прежнему остаются актуальными вопросы экономической и социальной интеграции, социализации после их расселения в регионах страны. Этому свидетельствуют результаты различных исследований по изучению положения репатриантов в Казахстане, проводимых государственными и международными исследовательскими структурами [3].

При переезде на историческую Родину, репатрианты сталкиваются с разными трудностями, которые негативно отражаются на процессе их адаптации. Важную роль занимает характеристика степени «удовлетворенности своей жизнью». В соответствии с теорией адаптации Б.Хеди и А.Уиринга [4], события в жизни оказывают довольно сильное, но кратковременное влияние на уровень субъективного благополучия, а затем происходит адаптация и возврат к прежнему уровню.

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом прикладных этнополитических исследований в 2021 году [5], для репатриантов актуальны следующие проблемы:

– в первую очередь, **дороговизна продуктов первой необходимости (51,2%)**. По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, с начала 2021 года цены на социально значимые товары повысились на 10,3% [6]. Это свидетельствует о том, что актуальность дороговизны продуктов первой необходимости является общей как для репатриантов, так и для местных жителей. Данная проблема может быть серьезной угрозой для дальнейшего недовольства со стороны репатриантов и местных жителей. Дороговизна продуктов наиболее актуальна для репатриантов Западно-Казахстанской (80%), Павлодарской (74%) областей, г. Астана (63,5%), Северо-Казахстанской области (57%);

– **низкая заработная плата, пенсия, пособия (51,2%)**. Актуальность проблемы низкой заработной платы, пенсий и пособий может быть обусловлена следующими факторами: во-первых, доходы репатриантов от самостоятельной занятости в основном нестабильные, также размер оплаты труда у переехавших низкий, потому что источниками их доходов, в большинстве, являются бизнес, подсобное хозяйство и доходы от наемной занятости; во-вторых, репатрианты сталкиваются с проблемой по назначению пенсии. Причинами являются отсутствие документов у репатриантов либо наличие ошибок в них, исправить которые многие не имеют финансовых возможностей. Эта проблема наиболее актуальна для репатриантов

Павлодарской (92%), Жамбылской (78,0%) областей, гг. Шымкент (72,0%) и Астана (70,0%), Костанайской (66,7%) и Кызылординской (63,0%) областей;

– **усиление карантинных мер (28,7%)**. В настоящее время для репатриантов карантинные меры выступают сдерживающим миграцию фактором. В рамках карантинных мероприятий, введенных в связи с COVID-19, были закрыты границы, вынужденный переход на онлайн обучение детей, соблюдение социальной дистанции. Все это негативно воздействовало на адаптацию и интеграцию позже прибывших репатриантов. Также на актуальность данной проблемы среди прибывших соотечественников могло повлиять то, что с применением ограничительных мер, их уровень жизни снизился из-за потери рабочего места и стабильного дохода, у многих снизился размер заработной платы. Результаты исследования показывают, что усиление карантинных мер является актуальной для репатриантов Туркестанской (44,6%), Актюбинской (39%), Акмолинской (35%), Жамбылской (34,9%) областей, г. Астана (34%);

– **высокий уровень коррупции (18,3%)**. Проявление коррупции также является одной из проблем, с которыми репатрианты сталкиваются после переезда в Казахстан. По мнению самих репатриантов, существуют коррупционные факты на местах и даже имеются негласные расценки для устройства на работу. Репатрианты после переезда в Казахстан чаще столкнулись с проявлениями коррупции в г. Шымкент (64%), Акмолинской (38%) и Туркестанской (28,8%));

– **невозможность устроиться на работу по специальности (14,4%)**. Незнание языков, невостребованность на рынке труда по ранее полученной профессии и сложность подтверждения дипломов – основные причины того, что репатрианты не могут трудоустроиться. Слабое знание или незнание языков (казахского и русского) как со стороны репатриантов, так и со стороны принимающего общества могут быть основными барьерами для успешной интеграции в местное сообщество. Уровень образования и квалификации самих репатриантов и недостаточная информационно-разъяснительная работа с репатриантами при их переезде и обустройстве на местах также могут быть причиной высокого уровня безработицы среди репатриантов. С вышеуказанными проблемными вопросами репатрианты в основном справляются самостоятельно или при помощи родственников и знакомых.

Результаты исследования показали, что для репатриантов наиболее актуальны вопросы адаптации к языковой среде, а именно: незнание или слабое владение русским языком, различие письменного казахского языка, затруднения в коммуникации с местными жителями. Также репатриантами были указаны проблемы государственного языка. К примеру, респондент, прибывший из Китая, отмечает различие алфавита (төте жазу), что создает языковой барьер между репатриантами и местными казахами.

Қытайда туылғандықтан, сол жақта оқып, біраз жұмыс істеген күннің өзінде де жазу мәселесінен қиналады. Яғни, ол жақта жазу бөлек, андай арабша сияқты төтеше жазу дейді, сосын Қытай әріптерімен деп айтады. Осында келген кезде өзіміздің қазақ әріптерімен, әліпбимен оқығанда кішкене қиындық туындаған екен. Бірақ енді менің аталарым осы жақты біледі екен. Өзімнің әке-шешем сол жағынан кішкене қиналған. Пока бір 3-4 жыл өткенге дейін әлі жазуды, оқуды, орыс тілі сияқтылардан қиналған.

Мужчина, 23 года, репатриант из Китая, Восточно-Казахстанская область

Жалпы тіл білмедік қой, мысалы қазақ тілін меңгере алмадық, ол жерде түркімен тілінде болдық та, қазақ тілін көп меңгере алмадық. Жаңағы мектепке, садикке барған кезде сол садикке бара алмай кішкене қиналып қалдық та. Біршамаға дейін акцентпен сөйледік. Енді ешкім өйтіп кеміткен жоқ, бірақ өзімізге қиындау болды. Тіл мәселесі кішкене қиындау болды.

Женщина, 34 года, репатриант из Туркменистана, Мангыстауская область

По прибытии на родину, при устройстве на работу, детей в учреждения дошкольного и школьного образования репатрианты сталкивались с проблемой государственного языка, потому что в стране исхода они не изучали казахский язык. Данная проблема затрагивалась в работе «Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы», где говорилось, что многие репатрианты, по прибытии в Казахстан сталкиваются с диалектными различиями казахского языка. К тому же системы письменности репатриантов отличались от страны исхода: казахи из Китая пользуются латиницей либо арабской графикой, из Турции – только латиницей, из стран СНГ – кириллицей [7]. Стоит отметить, что возникновение проблемы государственного языка не означает, что репатрианты не знают своего родного языка, скорее всего, проблема больше связана с письменным казахским языком. Во-первых, большая часть репатриантов не пишет на государственном языке на кириллице, во-вторых, в стране исхода они не изучают родной язык. Основной проблемой после переезда на историческую родину выделяют незнание русского языка в большинстве выходцы из Узбекистана, Монголии и Туркменистана, так как это нередко создает напряженные ситуации с местными жителями.

Көбіне қандастарда проблема тіл жағынан ғой. Қазақ тілі, мысалы, кез-келген жерімізде переводчик болса, түсіндіре алмай тұрып, қате беріледі ғой. Сол үшін қатесіз болу үшін әр жерде переводчик болса екен деймін өз ойларын толық жеткізу үшін.

Женщина, 36 лет, репатриант из Узбекистана, г.Рудный, Костанайская область

Огромную роль в формировании гражданской идентичности оказывают языковые предпочтения как репатриантов, так и принимающего социума. Язык является ядром формирования этнокультурной и гражданской идентичности [8]. Однако в последние два десятилетия в мире происходят активные процессы взаимопроникновения, слияния и интеграции культур, которые приводят к размыванию или формированию новых вариаций идентичности. Этнокультурной особенностью репатриантов является их полиязычность. При этом репатрианты сталкиваются со сложностью межэтнического взаимодействия в повседневной жизни, так как языком межэтнической коммуникации в казахстанском обществе, в большей степени, выступает русский язык. В регионах, где местное и коренное население в основном разговаривает на русском языке и не владеет государственным языком больше встречаются проблемы на фоне языкового вопроса. Возникающие трудности со знанием языка могут отражаться на их интеграции с местным населением и привести к социальному дистанцированию. В южных регионах страны, где преимущественно разговаривают на казахском языке, языковой барьер является менее проблематичным.

Жасыратыны жоқ, алғашқы кезде орыс тілі мәселесінен кішкене сәл қиыншылықтар кездескен, бірақ та өзіміз де қазір тұрғасын бейімделіп, орысша үйренгеннен кейін, осы қиыншылықтардың барлығы жойылды.

Женщина, 45 лет, репатриант из Монголии, учитель, Павлодарская область

С языком да. Были проблемы, так как тут, в нашем регионе, преобладает именно русский язык. Тем более в то время практически все было на русском, а родители, к сожалению, русский знали на очень-очень таком... низком уровне. Было, конечно, некоторое непонимание того, что они не понимали, их бывало не понимали. По менталитету, конечно, в Узбекистане было все строго. То есть наш менталитет был более строже, это сейчас у нас он мягче и в некоторых моментах мы понимаем, что это слишком строго, что можно в принципе немного отпустить.

Женщина, 18 лет, репатриант из Узбекистана, Костанайская область

Вместе с тем, как еще одна проблема отмечались и различия в менталитете, что вызывало непонимание между репатриантами и местными жителями. В свою очередь, репатрианты отмечают, что с изучением русского языка, данные трудности были устранены. Помимо этого, при выборе региона прибытия одну из важных ролей играют природно-климатические условия места переселения. Зачастую репатрианты стараются выбирать регионы, в которых климатические условия наиболее близки к условиям в прежнем месте проживания. Но выделяемые государством квоты приема репатриантов ограничивают их в выборе региона, так как для расселения соотечественников действует региональная квота только в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Акмолинской областях (Атырауская и Западно-Казахстанская области не подали заявок) [9].

Бірінші көшіп келгенді қиындау болды бізге. Маған қиын болды деп айталмаймын. Менің жерлестеріме, қандастарымызға, өте шулы жерге келгенде де, климат ауыстыруға қиын болды. Осы бәрі адамға психологический әсер етеді ғой. Сонымен көшіп келгенде Рудный қаласының өзінде 90% орыс болды. Сондай жағдайға тап болды.

Мужчина, 47 лет, репатриант из Узбекистана, Костанайская область

Менталитет, народ лояльный, относится ко всем национальностям спокойно, нет никаких межнациональных как говорится конфликтов, или ещё что-то такое, вот, поэтому ну как-то так.

Женщина, 28 лет, репатриант из Китая, ЗКО

Так, были репатрианты, которые переживали некие морально-психологические трудности, связанные с климатическими, культурными факторами, которые отличаются от их прежнего места проживания. В ходе исследования, большинство репатриантов отмечали, что испытывали чувство страха перед неизведанным, но в ходе длительного проживания на новом месте репатрианты перенимают и адаптируются под ценностные ориентиры, культурные особенности и нормы местного сообщества.

По результатам социологического исследования можно увидеть, что адаптация проходила легче и особых сложностей не испытывали выходцы из Туркменистана (71,9%), Монголии (61,5%), Узбекистана (53,6%). Это может быть связано со схожестью

языковых, культурных и климатических условий, что помогает репатриантам быстрее адаптироваться к местным условиям жизни. Тогда как выходцам из России (53,4%) и Китая (44,5%) привыкнуть было немного сложнее. Скорее всего это связано с тем, что интенсивность репатриации из России и Китая ниже по сравнению с другими странами.

Социологические исследования Института позволили сделать вывод о том, что репатрианты расселяются вместе и компактно. Как во внутренних, так и во внешних переселениях репатриантов важную роль играет наличие родственников в данной местности. В основном они расселяются по принципу «социальных сетей», поближе к ранее приехавшим в Казахстан родственникам и знакомым. Такой вид поселения дает им возможность быстрее адаптироваться в новом месте. Как показывает практика репатриации этнических казахов в Казахстан, на выбор региона проживания влияют несколько основных факторов, таких как: наличие сильных (родные, родственники и т.д.) и слабых (друзья, знакомые и т.д.) связей, выбор сообщества со схожими этнокультурными особенностями, социально-экономические условия жизни, географическое расположение и климат.

Қандастардың бейімделуіне оң әсер ететін жайт – ол сондай өздері сияқты қандастардың дұрыс ортаға тап болуы, яғни өздері сияқты қандастардың шоғырланған жерінде немесе сондай қандас таныстары бар адамдар шоғырланған жерге көшіп тұруы. Ал теріс әсер ететін жайт – ол дұрыс емес ортаға тап болуы, яғни бұл жерде де ортаға байланысты, яғни көшіп келген ортада шоғырланған адамдар қандастарды қазақ өкілі деп санамауы болып табылады.

Женщина, 25 лет, репатриант из Узбекистана, Актюбинская область

Исследование позволяет сделать вывод, что вследствие развития взаимной помощи и поддержки формируется и развивается закрытая общность репатриантов. Компактное расселение приезжих в одном районе или на одной улице придает им особый «статус» и выделяет среди местного населения. Обособленный образ проживания репатриантов приводит к их изоляции от местного сообщества. Отсутствие коммуникации формирует культурный вакуум, в котором развиваются различные смыслы, стереотипы негативного характера в отношении друг друга. Это может привести к проблемам компактного расселения, так как сдерживает быструю адаптацию репатриантов в местное сообщество.

Для повышения эффективности работы государственных органов и для устойчивого развития государства необходимо равномерное распределение или расселение репатриантов. Диспропорция расселения населения на территории способна привести как к социально-экономическим проблемам, так и к различным конфликтам (включая межэтнические), обострению криминогенной обстановки, социальному напряжению среди общества и к другим негативным последствиям. От размещения рабочей силы, человеческого потенциала населения зависит не только развитие рынка труда, рынка сбыта, но и развитие общества в контексте социокультурного и межэтнического взаимоотношения и в гармоничном течении данный процесс дает мощный импульс для развития интеркультурализма.

Выбор региона расселения репатриантов в основном идет через «сарафанное радио». Так, переехавшие ранее делятся информацией с родственниками и знакомыми и приглашают их в свой регион. Также высока роль НПО, которые работают с репатриантами в информационном освещении вопросов переезда и

адаптации в регионах Казахстана (в том числе и в северных областях, где имеются льготы для переселенцев по квоте). При расселении они ориентируются на те районы, где уже проживают их родственники, земляки, а также, где есть возможность трудоустроиться по специальности.

Американский социолог Р.Мертон выделяет три отличительных признака социальной группы – взаимодействие, членство и идентичность, определяя ее как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей [10]. Возвращаясь на историческую родину, репатрианты по началу осознают себя «другими» и испытывают так называемый стресс социально-психологической адаптации к традициям, привычкам, образу жизни и культуре другой страны, который вызван этнокультурными различиями, являющимися следствием длительных межэтнических контактов и этнокультурных взаимодействий групп казахского населения, проживающих за пределами Республики Казахстан [11]. Несмотря на существующие различия следует отметить, что в процессе адаптации этническим репатриантам в современном казахстанском обществе необходимо освоить новое социокультурное окружение. В процессе чего и образуется психологическая, культурная дистанция между местным населением и приезжими.

Важную роль в адаптации репатриантов занимает характеристика степени «удовлетворенности своей жизнью». В данном случае «удовлетворенность» определяется после прошедшего важного события в жизни (переезда на историческую родину) с помощью сравнения своего нынешнего состояния с собственным прошлым [12]. По итогам социологического исследования и согласно теории адаптации Б.Хеди и А.Уиринга, можно сделать вывод, что на сегодняшний день репатрианты считаются отдельной социальной группой не только от отдельных этнических групп, но и от казахов. Так как существуют определенные социокультурные различия, связанные с формированиями социальной структуры казахского народа в современном казахстанском обществе и его локальных групп за ее пределами [13].

Под этнокультурными особенностями в широком смысле подразумеваются разные способы видения окружающей среды. То есть, мировоззрение, культурные и социально-экономические параметры соплеменников, возвращающихся в Казахстан из близлежащих стран, кардинально отличаются от местного населения. На это влияние оказывают несколько факторов:

– *Длительное проживание за пределами исторической родины.* Изучение истории Казахстана прошлых веков показало, что этнические казахи вынужденно покинули родные края в результате различных политических событий, оказавших значительное влияние на миграционные процессы казахов. В ходе совместного проживания на территории принимающей страны репатрианты в процессе адаптации и интеграции в новом социуме привили в себе их ценности, нормы и культуру.

– *Обособленное проживание предоставляет этносам возможность сохранить свою этническую самобытность.* У компактно расселенных этнических групп, проживающих вне территории исторической родины, на первый план выходит этническая составляющая (традиции, обычаи, социальные нормы, ценности и т.д.). Как показывают результаты проведенных за годы Независимости исследований, репатрианты относят себя к носителям традиционной казахской культуры, где каждая норма исходит из их традиционных взглядов и ограничений. Например, чаще всего репатрианты выступают противниками межэтнических браков либо предпочитают заниматься традиционным для казахов видом деятельности.

Если социальные группы не только объединяют людей вокруг каких-либо интересов, но также в результате взаимодействий приводят к определенным результатам, то для урегулирования и прогнозирования дальнейших действий необходимо изучать их особенности. Изучение социальных групп в сообществе репатриантов позволит определить их особенности, ценности, гражданскую позицию и доминирующие в их сознании идентичность, что, в свою очередь, предоставит возможность понять их изнутри и способствует повышению эффективности работы по регулированию их проблемных вопросов и прогнозированию их дальнейших действий.

Язык является непосредственным механизмом регуляции деятельности людей в различных сферах и выявление языковых предпочтений репатриантов играет значительную роль при исследовании процессов их языковой социализации в современном казахстанском обществе. В данном процессе репатрианты выявляют собственные языковые предпочтения, которые выступают одним из факторов, определяющих их принадлежность к одной из групп конкретного социума.

Результаты данного исследования позволяют охарактеризовать репатриантов как полиязычных. Наряду с родным казахским, репатрианты владеют языком страны исхода, а также занимаются изучением русского языка. Высокий уровень владения репатриантами казахским языком подтверждает факт сохранения ими своей этнической самобытности.

Подводя итоги, можно отметить, что на сегодняшний день в Казахстане не полностью функционируют механизмы адаптации и интеграции репатриантов. Адаптация происходит с определенными сложностями, нет должной полноценной поддержки со стороны государственных органов и местного населения. А также не сформирован четкий механизм адаптации мигрантов после получения Казахстанского гражданства. Ввиду отсутствия четких алгоритмов и механизмов политики адаптации и интеграции репатриантов крайне сложно определить критерии и степень адаптации репатриантов к местной среде. Для более быстрой адаптации и укрепления взаимодействия репатриантов с местным населением в повседневной жизни рекомендуется создание виртуальных (веб-сайтов и блогов) и физических (ярмарок, парков, клубов, спортивных комплексов) «зон контакта». Например, совместно с другими регионами организовать ярмарку дружбы, где репатрианты, приехавшие из разных стран могут демонстрировать свою материальную культуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ведомственные данные МВД РК., Министерства труда и социальной защиты населения РК.
2. Абдигалиева Г.К., Камалдинова А.А. Социально-политическое положение оралманов в Казахстане/ Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология. №1 (50). 2015
3. Положение оралманов в Казахстане. Обзор. Алматы, 2006 г.
4. Сосуществование этнических групп в Казахстане. 2017 г.
5. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизни и определяющих ее фактор. Мониторинг общественного мнения №5 (99), 2010. С. 189-215.
6. Социальная дифференциация репатриантов, Социологическое исследование / Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2021. С. 166.
7. Алымова А.С. Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы/ Екатеринбург, 2021. С. 60.
8. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – www.stat.gov.kz.

9. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизни и определяющих ее фактор. Мониторинг общественного мнения №5 (99), 2010. с. 189-215
10. Андрееenkova А.В., Андрееenkova Н. В. Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)/ Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: сравнительный анализ/ Дискурс №1/ 2019№
11. Абиьдина Г.С. Социокультурная и языковая адаптация детейрепатриантов в условиях современного Казахстана. г. Астана. 2017.
12. <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-gruppy.html>
13. Гармаева Т.В. Особенности этнической идентичности младших школьников и подростков, проживающих в мегаполисе // Воспитание школьников. – 2008. – №6 . – С. 11.
14. «Об определении регионов для расселения оралманов и переселенцев» Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 октября 2021 года № 767/ О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан от 18 февраля 2016 года № 83. [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/retQ2> (дата обращения: 29.06.2021).
15. Актуальные проблемы адаптации и интеграции репатриантов: сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.Е. Агманова. – Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2017. – 220 с.

Жусупова Айман Сабитовна

к.п.н., руководитель проектов в Eurasian Center for People Management,
член Научно-экспертного совета АНК
г. Астана, Республика Казахстан
e-mail: aimana1981@gmail.com

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСОВ НАЦИОНАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аңдатпа. Бұл мақала ұлтшылдық, ұлтшылдық риторика және көзқарастар мәселелерін зерттеудегі ең тиімді тәсілдер болып табылатын қазіргі сандық және сапалық әдістерге шолу болып табылады. Сонымен қатар, ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың және, ең алдымен, әлеуметтік желілердің әсерінің артуымен басты назар осы кеңістіктегі дискурсты зерттеу жазықтығына ауысады. Әлеуметтік желілердегі ақпарат көбінесе эмоционалды жауап алуға, талқылауға тікелей қатысуға бағытталған, бұл ақпараттың жылдамдығы мен қарапайымдылығына, анонимділігіне ықпал етеді. Сондықтан, көп ұлтты қоғамдардағы шетелдік тәжірибеде әлеуметтік желілердегі мазмұнды мұқият зерттеуге үлкен мән беріледі, жазалаудың маңызды жүйесін қарастыратын «жек көру тілі» термині пайда болады.

Түйін сөздер: ұлтшылдық, әдіснама, зерттеу әдістері

Abstract. This article is a review of the most effective quantitative and qualitative contemporary methods used for studying the research issues such as nationalism, nationalist rhetoric and attitudes. At the same time, with the growing influence of information and communication technologies, and, first of all, social networks, the main attention is shifting to the discourse study plane in this particular area. Information in social networks is often aimed at obtaining an emotional response, keen involvement in the discussion, which is facilitated by the promptness and simplicity of providing the information, and anonymity. Therefore, great importance is attached in foreign practice in multi-ethnic societies to a thorough study of social networks content, and this gave rise to «language of hatred» term, which provides for a significant system of punishments.

Key words: nationalism, research methods, methodology

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор количественных и качественных методов, которые являются наиболее эффективными подходами в изучении вопросов исследования вопросов национализма, националистической риторики и установок. При этом, с ростом влияния информационно-коммуникативных технологий, и, в первую очередь, социальных сетей, основное внимание смещается в плоскость изучения дискурса именно в этом пространстве. Информация в социальных сетях зачастую направлена на получение эмоционального отклика, живого вовлечения в обсуждение, чему способствует быстрота и простота подачи информации, анонимность. Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний.

Ключевые слова: национализм, методология, методы исследования

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире развитие этнополитического конфликтологического знания приобрело особую жизненно важную актуальность. Это связано с рядом новых факторов, действие которых отчетливо проявилось в политической жизни народов мира за последние полвека.

Число конфликтогенных этнополитических факторов неуклонно растет под воздействием таких всемирных процессов, как глобализация, модернизация, массовые миграции населения, угрозы глобальной устойчивости из-за растущего дефицита природных ресурсов и обострения экологических проблем.

Значение имеет и то, что в наши дни количество полиэтничных государств возрастает, также как возрастают уровень полиэтничности многих государств, что обусловлено, в том числе, возрастанием масштабов миграции в мире.

Актуальность проблематики национализма, национал-патриотизма не могла не сделать их предметом многочисленных исследований. Вопросы национализма, патриотизма стали предметом изучения многих наук, это и психология, политология, социология, история, философия и, безусловно, конфликтология. Более того, с каждым годом число научных работ, посвященных данной проблематике, постоянно увеличивается.

Если говорить об академической науке в этой сфере, то ведущими научными журналами в этой области являются такие журналы как «Patterns of Prejudice» («Конфигурации предрассудка»), «Journal for the Study of Radicalism» («Журнал изучения радикализма»), «Ethnic and Racial Studies» («Этнические и расовые исследования»), «Totalitarian Movements and Political Religions» («Тоталитарные движения и политические религии»), «Nationalism and Ethnic Politics» («Национализм и этническая политика») и «Nations and Nationalism» («Нации и национализм»).

К настоящему времени в мировой практике сложилось несколько различных методологических подходов к исследованию вопросов национализма, националистической риторики и установок.

КАЧЕСТВЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как показывает анализ, большинство эмпирических исследований национализма – это исследования отдельных случаев национализма с использованием качественных методов. Как и всем научным методам, качественной методологии исследования свойственны как преимущества (углубленное изучение уникальных проявлений национализма и сравнение их проявлений), так и ограничения (субъективность работы с данными на всех этапах исследования и проблемы с обоснованием полученных результатов) качественных методов. Главное достоинство качественных исследований – выявление новых критериев для сравнения, которые еще не фигурируют в теориях национализма и поэтому не поддаются операционализации для количественных исследований. Другим преимуществом данной методологии является то, что качественные критерии сравнения конструируются не на языке исследователя, а на языке изучаемого феномена. В фокусе сравнения качественных исследований национализма находится сравнение не степени его выраженности, а различных форм его понимания и обозначения.

Причина превалирования качественных методов исследований данного феномена состоит в том, что социальный анализ находится на стыке социологии

и истории. Аргументация посредством исторических примеров используется сторонниками всех направлений в исследованиях национализма, хотя может относиться к различным периодам – всей истории или только современной. Разногласия начинаются там, где возникает вопрос о выборе метода социологического исследования, который позволяет работать с историческим материалом. Основная проблема в качественном историко-социологическом исследовании национализма – выбор исторических источников. Для ее решения следует принимать во внимание особенности историко-социологического качественного исследования.

Наименьшие методологические трудности в качественных социологических исследованиях национализма возникают при обращении к истории современности. Это может быть изучение повседневных проявлений национализма методом включенного наблюдения; устной истории - методом глубинного интервью или проявлений национализма в разных формах публичного дискурса - методами дискурсного и нарративного анализа. Важно, чтобы исследование выходило за пределы простой иллюстрации конкретной теории национализма или общей идеи о том, что национализм является социально сконструированным. Как и любое другое исследование, изучение национализма должно способствовать приращению нового знания. Для этого необходимо тщательно соблюдать все требования к выбранному дизайну исследования и стремиться к поиску новых возможностей работы с имеющимся материалом.

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ

Вопросы наций и национализма в качественной методологии изучаются методами формализованного, полужформализованного и неформализованного интервью. В частности, объектом таких исследований может являться самопрезентация членов национал-патриотических групп. Отбор респондентов для исследования осуществляется исходя из личной самоидентификации в качестве националиста или национал-патриота. Для полноты анализа и максимально широкой репрезентации внутригрупповых дискурсов национализма опрашиваются респонденты, придерживающиеся различных националистических взглядов, начиная от «умеренных» националистов и заканчивая национал-патриотами ультрарадикального толка. Ключевыми индикаторами в таких исследованиях выступают этническая и расовая идентичности, конструирование собственной идентичности, составляющие собственно идентичности и связанные с нею образы, мотивы участия в национал-патриотических движениях, отношение к лозунгу, отношение к другим этносам, проживающим в стране, готовность использовать силу для получения властных ресурсов и т.д. [8].

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ КОНТЕНТ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В рамках качественной методологии контент-анализа материалами выступают публикации в СМИ. Методика анализа предполагает отбор изданий исходя из их региональной принадлежности, материалов газет за определенный период, а также публикаций, так или иначе связанных с проблематикой национализма. Отбор материалов обычно основывается на ключевых выражениях, как «националистические движения», «националистические партии», «скинхеды» и т.д.

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Под националистическим дискурсом в исследованиях обычно понимается вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулируемая доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности: 1) призывающей к политике ассимиляции и / или аккультурации в рамках построения единой гражданской нации; 2) призывающей к политике сегрегации и изоляционизма для улучшения положения одного этноса (нации).

Этот подход базируется на трёх аспектах: дискурсивной практике, социальном контексте и тексте. Под дискурсивной практикой в исследовании понимается процесс «создания» текстов и практика артикуляции определёнными тематическими терминами. Например, изучая эмпирический материал – газетную статью, скрипт выступления политика – исследователь может проследить определённую интертекстуальную или связывающую тексты цепочку, которая выражает определённые идеологические аспекты. При анализе интертекстуальной цепочки можно увидеть, как подвергается трансформации структура и содержание паттернов конструирования текстов (или выступлений), как влияет социальный контекст и влияет ли он на формирование дискурса. При изучении эмпирических данных дискурс-аналитик может изучить не только заимствования из каких-либо текстов, но и заимствования из каких-либо дискурсов, артикулирующих через свою призму какую-либо идеологическую идею – то есть степень интердискурсивности того или иного источника информации (будь то текст статьи или скрипт интервью). Под интердискурсивностью понимается процесс использования терминов из различных дискурсов с целью артикуляции (конструирования) какого-либо одного дискурса. Изучение интертекстуальности позволяет проследить не только цепочки заимствований из различных дискурсов, но и даёт возможность отыскать конкретные документы, из которых производилось заимствование. Эмпирическими объектами могут выступать преподавательские практики (дискурс в данном аспекте рассматривается как речевая практика), контент националистических медиа (дискурс в данном аспекте рассматривается как текст), корпус правовых текстов (дискурс в данном аспекте рассматривается как контекст).

Текстовый (или лингвистический) анализ позволит разобраться в механике идеологического манипулятивного влияния, которое может осуществляться с помощью текстов. Например, за единицу анализа могут быть взяты различные метафоричные элементы текста. Также анализу может быть подвержена грамматика (авторские запятые, конструкция предложения, стилистические особенности). Анализу также может быть подвержен выбор слов, которые используются в интервью или статье.

Социальный контекст дискурс-анализа является важной частью критического дискурс-анализа. Так может осуществляться описательный анализ программных политических документов и законодательства, в рамках которого происходит строительство дискурса и рассматриваются эти рамки через призму критического дискурс-анализа, т. е. социальный контекст редуцируется к официальным документам, которые образуют официальный дискурс.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И БЛОГОСФЕРЫ

На сегодняшний день все большую значимость приобретает изучение настроений в социальных сетях. Особое значение при этом придается профилактике экстремизма, для чего к работе привлекаются экспертные, экспертно-аналитические, научно-экспертные организации, занимающиеся вопросами изучения экстремизма и сочетающие свои методы работы с культурно-воспитательной, культурно-просветительской деятельностью.

Социально-экспертная профилактика экстремизма направлена на формирование критического отношения к любому проявлению деструктивного поведения; формирование толерантного отношения к поликультурному, поликонфессиональному многообразию посредством компетентных экспертных оценок и глубокого экспертно-аналитического анализа.

Социально-экспертный уровень позволяет посредством компетентных экспертов и экспертно-аналитических служб решать следующие задачи в вопросах профилактики экстремизма:

- мониторинг в социальных сетях и публичных медиа потенциальных экстремистских угроз, организаций;
- выявление круга лиц, потенциально подверженных агрессивному и радикальному поведению;
- установление диалоговых контактов с правоохранительными органами, иными субъектами профилактической работы и носителями радикальных идей;
- экспертная оценка профилактической работы и разработка практических рекомендаций для совершенствования инструментария и методов профилактической деятельности;
- экспертное разъяснение политических, экономических и иных социальных мотивов, выступающих причинами экстремистской пропаганды и проявления деструктивного поведения.

Социально-экспертная профилактика, широко применяемая в мировой практике, позволяет решить следующие проблемы:

- на первичной стадии, когда возникают внешние условия для потенциальной экстремистской активности (мониторинг контента социальных сетей, СМИ, протестных настроений и их мотивов);
- на вторичной стадии, под которой понимается работа с наиболее уязвимыми социальными группами, находящимися в зоне риска, с низкой правовой культурой и социальной ответственностью;
- на третичной стадии, анализ и экспертное изложение причин, приведших к проявлению экстремизма, разработка методологического инструментария для дальнейшей профилактической работы.

Социально-экспертная профилактика опирается на синтез всего накопленного исторического опыта мирного сожительства народов и современные профилактические технологии, позволяющие закрепить на массовом и индивидуальном уровне толерантные установки.

На сегодня одним из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей является интернет, в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей.

Потому в зарубежной практике в полиэтничествах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний.

При этом поиск информации, относящейся к этому разряду, происходит по нескольким направлениям:

- Поиск информации по ключевым словосочетаниям и отдельным словам. К ключевым словосочетаниям (отдельным словам) относятся вспомогательные слова, устоявшиеся словосочетания, которые вводятся в поисковой строке для получения имеющейся информации. Поиск может осуществляться не только с помощью специальных сервисов и запросов, но и могут применяться отдельные (дополнительные) операции.

- Поиск по аудиофайлам, видеоматериалам связан с поиском мультимедийной информации - вводится запрос, связанный с исследуемой проблематикой.

- Поиск социальных групп (сообществ) – используется для выявления конкретной группы и её представленности в той или иной социальной сети. Главный недостаток – изменчивость названия групп и сообществ.

- Поиск по «хештегам» - поиск при использовании словосочетаний и отдельных слов, перед которыми ставятся специальные символы «#». Главный недостаток – нераспространённость и излишняя субъективизация в использовании «хештегов».

При этом, при систематическом мониторинге контент-ресурсов, важный акцент необходимо делать на выявлении связей, прослеживании определённых узловых связей между организациями, что позволяет выявить вновь зарегистрированные ресурсы. Мониторинг включает в себя, прежде всего, изучение на интернет-странице разделов «контакты», «о нас», «мы в социальных сетях».

- Обнаружение экстремистских сообществ через ленту новостей. Анализ новостных лент и публикаций их на страничках пользователей и служит действенным механизмом при изучении радикализированных элементов общества. Обнаружение экстремистских сообществ через список контактов. Изучение контактов (списка друзей пользователя) позволяет выявить лиц, ведущих активные действия в распространении материалов экстремистской направленности.

- Обнаружение экстремистских сообществ через обмен закладками. Пользователи получают обновления или подписываются на определённые интернет-странички для получения дополнительных материалов. Впервые этот сервис был применён в игровых приложениях для получения дополнительных бонусов и очков.

- Обнаружение экстремистских сообществ через анализ картинок. Данный способ поиска осуществляется посредством системы «Google». В разделе «Картинки» предусмотрена функция, которая позволяет обнаружить похожие ресурсы или изображения, где была размещена данная картинка (фотография). Чем выше качество картинки (фотографии), тем более результативным будет поиск. При обнаружении материала в социальной сети необходимо определить, содержатся ли в нём признаки идеологии экстремизма.

По каким основным признакам следует отслеживать экстремистский контент в социальных сетях? Речь идет о возбуждении конфессиональной, расовой, социальной, национальной или этнокультурной розни. Отличительной особенностью этого признака служит призыв к насильственным действиям: к избиению, нанесению телесных повреждений, убийству представителей конкретной конфессии, национальности, этнической общности. Этот признак следует отличать от проявления конфликтной ситуации на межличностном бытовом уровне, участники которого относятся к различным этническим группам. Экстремизмом этот случай будет только тогда, когда действия приобретут публичный характер и будут направлены на соответствующую этническую группу. К примеру, конкретными

словами триггерами как в казахстанском, так и в целом в международном контексте могут выступать слова «убить», «уничтожить», «изгнать», которые направлены на представителей тех или иных этнических групп. Тем не менее, каждый случай носит свой уникальный характер, иногда разжиганию экстремистских настроений служит какое-то конкретное событие и отслеживать ключевые слова стоит в привязке к этому событию.

Пропаганда идей расовой, социальной, национальной или этнокультурной исключительности (превосходства). Под пропагандой понимается комплексное действие, ориентированное на внедрение в массовое сознание конкретных ценностей и установок. Пропаганда идеологии экстремизма проявляется в том случае, если унижается достоинство этнокультурной общности или требуется изменение объема их гражданских прав и обязанностей.

На правовом уровне выявляются и устраняются причины экстремистской деятельности, а также факторы и условия, способствующие их осуществлению. Основной метод - принуждение, субъектами профилактической деятельности на правовом уровне выступают государственно-правоохранительные органы.

На социальном уровне определяется круг физических лиц, организаций, которые потенциально могут иметь отношение к экстремизму, проводится с ними предупредительная работа. Метод, применяемый на социальном уровне – убеждение. Профильные организации и структуры (социальные и психологические службы, информационные отделы и т.д.) посредством социального убеждения объясняют на доступном уровне причины и негативные последствия от экстремистских преступлений, оказывают по необходимости психологическую помощь.

Кроме перечисленных, в вопросе рассмотрения и анализа национал-патриотических убеждений широко применяется исторический метод исследования, когда в публикациях ученых постепенно воссоздается история возникновения и развития националистических идей, организаций и лиц, сопричастных к этим процессам. Методология исторического метода сконцентрирована на определении подлинности исторических событий, нашедших отражение в текстах. Ключевая цель применения исторического метода состоит в том, чтобы найти реальные факты, доказать их подлинность и историчность. В исторической науке к первичным источникам относятся прежде всего архивные документы и предметы материальной культуры. Работа с первичными источниками требует, как минимум, свободного владения языком или языками страны, национализм которой анализируется, причем не только современным, но и языком исследуемого периода. Кроме того, материал может потребовать владения вспомогательными историческими дисциплинами, например, палеографией – для работы с памятниками древней письменности.

Также в рамках данной тематики проводятся лингво-культурологические исследования в блогосфере, социальных сетях. В качестве методов исследования используются концептуальный, дефиниционный, прагмалингвистический, контекстуальный, этимологический, семантический и социолингвистический анализ.

Количественная методология

Количественная методология исследований национализма, национал-патриотизма может осуществляться как на основе большой выборочной совокупности, так и на основе малой выборочной совокупности. При этом количественные методы применяются как для проведения мониторинговых и экспресс-исследований, так и в случае кросс-культурных исследований (в рамках нескольких стран). Для начала

рассмотрим практики проведения массовых и экспресс-опросов в условиях одной страны.

ЭКСПРЕСС-ОПРОСЫ И МАССОВЫЕ ОПРОСЫ

Социологические опросы общественного мнения в форме регулярных мониторинговых мероприятий и экспресс-опросов имеют широкое распространение во многих зарубежных государствах. Так, для выявления националистических и ксенофобских настроений в исследованиях активно применяется шкала социальной дистанции Богардуса. Шкала социальной дистанции Богардуса позволяет измерить психологическую готовность к сближению или, наоборот, к отторжению людей другой национальности или группы независимо от их личностных качеств и особенностей представителей другой национальности. Шкала Богардуса дает возможность определить ту дистанцию в социальных контактах, которую человек желает сохранять между собой и представителями другой/других этнической(их)/ национальн(ых) групп. Индикатором в подобных исследованиях выступает социальная дистанцированность населения по отношению к представителям каких-либо национальностей.

Костерман и Фешбах провели исследование в США на специальной выборке (N = 239), состоящей в основном из студентов колледжей, которые заполнили опросник патриотизма / национализма из 120 пунктов, чтобы исследовать «многомерность патриотических и националистических взглядов». В результате факторного анализа были определены шесть факторов, составляющих патриотические и националистические взгляды американцев:

1. Патриотизм, то есть общая положительная оценка и влияние на Америку,
2. Национализм, или мнения, связанные с лозунгами «Америка прежде всего» или «Американское превосходство»,
3. Интернационализм, состоял из пунктов, которые относятся к разделению мира или глобальному благосостоянию,
4. Гражданские свободы,
5. Мировое правительство и
6. Самодовольство.

В итоге гипотеза о многомерности националистических взглядов в США подтвердилась, а также о самобытности и независимости националистических, патриотических и интернационалистических взглядов.

Националистические и патриотические установки как формы национальной идентичности изучаются в Германии. На основе национальной репрезентативной панельной выборочной совокупности патриотизм граждан изучался через 3 индикатора - гордость демократическими институтами, поддержка льгот государства всеобщего благосостояния и поддержка политического самоопределения. Операционализация националистических настроений в исследовании была осуществлена через такие показатели как ощущение гордости за страну за ее политическое лидерство, экономические успехи, достижения в спорте и ощущение гордости быть гражданином этой страны в целом.

В качестве другого примера можно привести исследование, проведенное индонезийскими исследователями. В данном случае национализм изучался, исходя из 4-х аспектов: любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, единство и выносливость. По содержанию анкета состояла из 12 утверждений, посредством которых учеными была представлена концепция национализма.

Так, любовь к Родине была измерена посредством утверждений:

1. «Я представляюсь иностранцам индонезийцем»,
2. «Я знаю имена и истории индонезийских героев»,

Готовность к самопожертвованию изучалась через следующие утверждения:

1. «Я готов работать и служить в отдаленных районах»,
2. «Индонезии я хочу добровольно помогать жертвам стихийных бедствий

Индонезии»

3. «Я готов жертвовать милостыню бедным индонезийцам»

Аспект единства исследовался посредством определения позиций респондентов по отношению к утверждениям:

1. «Мне нравится изучать культуру и язык других регионов или разных этнических групп в Индонезии»,
2. «Мне нравится участвовать в дискуссиях в моем сообществе»,
3. «Я знаю о защите Индонезии»

Индикатор выносливости или привычки «никогда не сдаваться» была воплощена в утверждениях:

1. «Я старательно учусь, работаю и пополняю положительный опыт»
2. «Я уверен, что Индонезия может конкурировать с другими великими странами если я потерплю неудачу»,
3. «Я буду стараться, пока не добьюсь успеха».

В качестве шкалы была использована четырехбалльная шкала Лайкерта (варианты ответов «Абсолютно согласен», «Согласен», «Не согласен», «Абсолютно не согласен»).

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

Учеными в исследованиях национализма также применяется экспертный опрос. Например, в исследовании российских коллег изучению подлежали артикуляции националистических идей в преподавательских практиках, ведущих дисциплины, так или иначе связанные с этносоциологией. Основанием для предположения о том, что преподаватели могут артикулировать форму объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулируемое доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности, стала теория символического насилия П. Бурдьё, согласно которой преподаватели вовлечены в процесс символической борьбы и через «педагогический авторитет» и «педагогическое воздействие» при коммуникации на занятиях транслируют «главенствующий» дискурс. Выборка была сформирована по методике «снежного кома» — когда каждый из экспертов называет имя знакомого ему эксперта и так до тех пор, пока круг не замкнется (исследователя не адресуют к первому эксперту).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психологический подход направлен на изучение того, как и каким образом люди воспринимают окружающую действительность, связанную со своим и чужими народами (национальными, этническими группами). Начало психологических экспериментальных исследований берет свое начало в конце 1980-х. Ключевыми в этой сфере являются работы американского специалиста по изучению агрессии С.Фешбаха.

В условиях российской действительности научными разработками в сфере психологии национализма и родственных ему явлений занимаются О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов. Они разработали и апробировали методику для изучения этнонациональных установок. Методика содержит четыре субшкалы: Националистические установки (неприятное отношение к представителям иных национальностей), Патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и связи с людьми «своей национальности»), Нейтральные этнонациональные установки (безразличное отношение к своей национальной принадлежности) и Негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности). Субшкалы обладают хорошей внутренней согласованностью, а также конфигурационной и метрической инвариантностью. В ходе исследований психологии национализма и патриотизма также изучается влияние ценностей на национализм/патриотизм, влияние национализма, патриотизма на выраженность позитивного отношения к мигрантам и влияние национализма, патриотизма на уровень допустимости насилия на межнациональной почве.

МЕЖСТРАНОВЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАЛОЙ ВЫБОРКЕ

Межстрановые количественные исследования национализма, национал-патриотизма, основанные на малой выборочной совокупности, включают в себя относительно небольшое количество стран и не предполагает построения моделей на межстрановом уровне. Вместо этого на этапе обработки данных для каждой страны строится модель на индивидуальном уровне, и затем уже на стадии интерпретации проводится сравнение этих моделей. На индивидуальном уровне выборки для каждой страны не являются репрезентативными, но обязательно должны быть эквивалентными, т. е. допускающими возможность сравнения.

Особенности количественных исследований национализма на малых выборках заключаются в следующем:

- Требуется относительно небольшой объем первичных данных, что позволяет самостоятельно организовать и провести их сбор.
- В отличие от количественных исследований с большой выборкой, при анализе малого числа стран появляется возможность их детального сравнения.
- Основной характеристикой данного дизайна является генерирование новых критериев сравнения. Именно они могут стать основным результатом исследования.

Например, в сравнительном исследовании белорусской и литовской национальных идентичностей, проведенном как часть совместного проекта ученых из Беларуси, Литвы и США, выборки для каждой из стран составили по 200 студентов (специальность «международные отношения»), эквивалентных как по исходному, так и по приобретаемому социальному статусу. Разработанная анкета включала в себя 73 пункта. Первичные данные после обработки подлежали факторному анализу и дальнейшей интерпретации.

Основные проблемы количественных исследований национализма на малых выборках возникают при организации сбора данных. Ввиду возможности самостоятельной разработки исследовательского инструментария, исследователю необходимо в первую очередь обосновать созданный опросник. Задача затрудняется многообразием существующих теорий национализма и связанных с ними позиций. В качестве решения этой проблемы нужно, в первую очередь, обозначить собственную позицию в рамках одного из основных направлений и во-вторых, показать, каким образом из нее логически следуют предложенные формулировки вопросов.

Другой проблемой выступает необходимость обоснования выбора конкретных стран. Первое, что необходимо сделать для ее решения – определить, что находится в фокусе исследования: включенные в него страны на примере их национализма или национализм на примере выбранных стран.

Стоит отметить, что сравнительные количественные исследования национализма на малых выборках должны выходить за пределы простого описания и способствовать приращению объяснительного потенциала теории. Этот результат достигается благодаря вниманию к деталям конкретных проявлений национализма и их обоснованной операционализации.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА НА БОЛЬШИХ ВЫБОРКАХ

Количественные исследования на больших выборках представляют собой сравнительные кросснациональные исследования, где используется большая выборочная совокупность стран или большие выборки кейсов для каждой страны. При этом объемы таких выборок не определяются конкретным числом, но позволяют экстраполировать полученные в ней результаты на всю генеральную совокупность. Если это исследование национализма отдельной страны, то выборка должна быть репрезентативной для населения страны за обозначенный период времени. Если это кросснациональное исследование, то требование репрезентативности должно соблюдаться как на индивидуальном (для каждой страновой выборки), так и на межстрановом уровне.

Преимущества количественных исследований национализма на больших выборках определяются следующими особенностями: есть возможность рассмотреть каждую страну в широкой сравнительной перспективе и оценить степень ее уникальности/типичности по интересующим параметрам; построение общих объяснительных моделей помогает выявить степень и характер взаимосвязи национализма с другими социальными феноменами; исследования допускают эмпирическую проверку теорий национализма в глобальном масштабе.

Ограничения количественных исследований национализма на больших выборках:

- Необходима база данных, содержащая большую репрезентативную выборку по каждой из стран. Выборки могут быть репрезентативны не для всего населения, а для его части, однако в этом случае необходима их эквивалентность. Обоснование этой эквивалентности может оказаться весьма непростой задачей из-за культурных и институциональных кросснациональных различий (например, социальная категория «студенты» в разных странах может различаться по социальному статусу, этничности, гендеру и другим показателям).

- Требуется достаточно большое количество стран. На практике «достаточно большое» определяется не индивидуальными предпочтениями исследователя, а требованиями регрессионного анализа. Для того, чтобы вычислить минимальное достаточное число стран, следует определить предполагаемое количество объяснительных факторов в выбранной модели национализма (независимые переменные) и умножить его на десять.

- Измерения должны быть эквивалентны. Это означает, что все первичные эмпирические данные следует получать при помощи одного и того же инструментария и в одно и то же время. Иначе неясно, чем обусловлены кросснациональные различия – особенностями стран, различиями в процедуре сбора данных, глобальным историческим контекстом или, что наиболее вероятно и наименее информативно, сочетанием всех этих факторов.

Одним из примеров таких межстрановых исследований, проводимых регулярно на большой выборочной совокупности, являются исследования, проводимые проектом World Values Survey (WVS). Опросник WVS содержит такие переменные, релевантные тематике национализма: 1) «иммигранты/рабочие-иностранцы являются нежелательными соседями?»; 2) «насколько вы гордитесь своей нацией?»; 3) «конечно, мы все надеемся, что очередной войны не будет, но если она начнется, то будете ли вы сражаться за свою страну?»; 4) «когда рабочих мест недостаточно, соотечественники должны получать приоритет перед иммигрантами?»; 5) «что вы думаете о людях из других стран, приезжающих сюда работать? Как вы полагаете, что должно сделать правительство?». Эти переменные предоставляют различные возможности для операционализации национализма. Каждую из них можно рассматривать отдельно и соотносить с национализмом, национальностью, патриотизмом, национальной идентичностью и близкими понятиями.

В качестве другого примера межстрановых исследований национализма можно привести исследование, проведенное в Университете Неймегена (Нидерланды) в начале 2000-х годов. Основной целью исследования тогда выступило изучение влияния уровня образования на различные аспекты национализма и этнической исключительности с использованием данных опроса 1995 года, собранных в 22 странах.

В исследовании национализм определялся как чувство национального превосходства и поддержка национального господства. Кроме этого, авторы выделили два измерения национализма: шовинизм и патриотизм. Шовинизм можно охарактеризовать как представление о том, что собственная этническая группа и страна уникальны и превосходят другие. Патриотизм имеет 2 ипостаси: слепой и конструктивный. Слепой патриотизм определялся как жесткая и непреклонная привязанность к стране, характеризующаяся безусловной положительной оценкой, стойкой преданностью и нетерпимостью к критике. Конструктивный патриотизм, с другой стороны, был определен как привязанность к стране, характеризующаяся поддержкой вопросов и критикой существующих групповых практик, которые призваны привести к позитивным изменениям.

Что касается индикаторов национализма, шовинизма и патриотизма, то шовинизм измерялся учеными через понятия, относящиеся к превосходству своей собственной страны и ее жителей, а также через понятия, относящиеся к слепой, некритической привязанности к своей собственной стране. Патриотизм измеряли через гордость за коллективные блага страны - ее демократию, политическое влияние и экономические достижения. Еще один набор пунктов касается исключения иммигрантов и политических беженцев, оценивая склонность респондента закрывать национальные границы для этнических пришельцев.

Основные методы количественных сравнительных исследований национализма на больших выборках — это многоуровневый регрессионный анализ, если зависимая переменная — отдельный вопрос, и многоуровневое моделирование структурных уравнений, если зависимые и/или независимые переменные — факторы.

Главное достоинство данного дизайна исследований национализма — возможность преодолеть хаотичное многообразие теорий национализма. Основное ограничение состоит в том, что результаты исследований выявляют лишь общие тенденции и не позволяют учитывать специфические причины и проявления национализма в отдельных странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день довольно много научных центров во всем мире проводят исследования, направленные на изучение националистических настроений в полиэтнической среде. Они могут быть направлены, как на изучение патриотизма, так и на определение, выявление экстремистских настроений, деятельности, направленной на пресечение их распространения.

С точки зрения методологии исследований, в современной науке исследования по теме этнонационализма проводятся по междисциплинарному принципу на стыке нескольких наук. Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, системный и структурно-функциональный подходы), специальные методы исследования (исторический, социологический, бихевиористский) и лингвистики (структурный метод: анализ поликодового текста, лексико-семантический). Причем данные методы могут использоваться как основной метод в исследовании, так и в триангуляции с другими методами. Выбор той или иной методологии обусловлен целью, задачами исследования, возможностями и ресурсами, которыми располагает исследователь.

При этом, одним из наиболее эффективных путей распространения экстремистских идей является интернет, в силу ряда причин, в том числе быстроты и простоты подачи информации, горизонтальности связей.

Сеть является удобной площадкой для распространения материалов пропагандистского характера. Для большей убедительности используется определенное лексическое поле, визуальный ряд, способные активно влиять на психику индивидов, подвигая на определенные поступки. То есть информация в социальных сетях зачастую направлена на получение эмоционального отклика, живого вовлечения в обсуждение. В результате, пользователи невольно воспринимают себя участниками тех или иных движений. Как отмечают исследователи, пользователям неловко и даже страшно терять признание своего сетевого окружения, в результате чего они утрачивают свободу самостоятельно мыслить, высказывать мнение, отличное от мыслей своего виртуального «мирка», представители которого хищно набрасываются на того, кто выразил сомнение в правильности решения, принимаемого данной группой. Этот механизм является одним из основных, посредством которого происходит вербовка в объединения экстремистского толка.

Посредством социальных медиа значимое распространение получает проблема киберзапугивания, угрозы физического и эмоционального насилия, которой особенно подвержены дети и подростки.

Потому в зарубежной практике в полиэтнических обществах большое значение придается тщательному изучению контента в социальных сетях, появляется термин «язык ненависти», который предусматривает значимую систему наказаний. При этом, в Казахстане законодательство, направленное на наказание за использование языка вражды, также достаточно активно применяется, и, как указывают эксперты, первое место как раз занимают этнические обвинения. В этом контексте, смысл имеет оказывать влияние, повышать культуру населения, объяснять, что влечет за собой использование «языка вражды, ненависти», вырабатывать в обществе механизмы саморегуляции, толерантность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Душин А.В., Салагаев А. Образы русского национализма в риторике участников национал-патриотических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3.
2. Владимирович П.Е. Анализ националистического дискурса в России (на эмпирических материалах Архангельской области) // The Regionological Journal of Pskov [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resgN> (дата обращения: 31.08.2020).
3. Ковалева К.И. Националистические тексты в социальных сетях: дис. – 2018.
4. Верховский А., Прибыловский В., Михайловская Е. Национализм и ксенофобия в российском обществе / А. Верховский, В. Прибыловский, Е. Михайловская, Панорама (РУ), 1998, С.204.
5. Ляшенко И., Федюнина И. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resht> (дата обращения: 13.06.2022).
6. Todosijević B. Dimensions of nationalism: Structure of nationalist attitudes in Hungary and Yugoslavia // Central European Political Science Review. – 2001. – Т. 2. – №. 6. – С. 170-186.
7. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test With Representative Data 2003.
8. Satrio K. [и др.]. Nationalism attitude of Indonesian citizen: A survey Atlantis Press, 2019.С. 264–266.
9. Владимирович П.Е. Анализ националистического дискурса в России (на эмпирических материалах Архангельской области) // The Regionological Journal of Pskov [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resgN> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Кузнецов И. М. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 527–541. 2018. С. 527–541.
11. Buhr R.L., Fabrykant M., Hoffman S.M. The Measure of a Nation: Lithuanian Identity in the New Century 2014.
12. Национализм в современном мире: сравнительное межстрановое исследование [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/reskv> (дата обращения: 31.08.2020).
13. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика. Глава 1 (Джоэл Дж. Дэвис) - Раздел: Методы маркетинговых исследований - Методы и технологии - Социологос [Электронный ресурс]. - URL: <https://clck.ru/resmV> (дата обращения: 31.08.2020).

Директор / Director
Қалиев Талғат Бегімұлы
Kaliyev Talgat Begimovich
Калиев Талгат Бегимович

CONTACT

Астана қаласы, Алматы көшесі, 7, «Seven» Б0

Astana city, Almaty street, 7, BC «Seven»

г. Астана, ул. Алматы, 7, БЦ «Seven»

+7 (7172) 47-28-09

info@iaer.kz

Қолданбалы этносаияси зерттеулер институты / Institute of Applied Ethnopolitical Research / Институт прикладных этнополитических исследований

Институт этносаралық қатынастар саласындағы мемлекеттік саясатты талдамалық, зерттеу және сараптаамалық қолдауды жүзеге асырады.

The Institute provides analytical, research and expert support for state policy in the field of interethnic relations.

Институт обеспечивает аналитическое, исследовательское и экспертное сопровождение государственной политики в сфере межэтнических отношений.

бағыттар: / directions: / направления:

- этникалық топтардың өзара қарым-қатынастарын зерделеу үшін өңірлерге мониторингтік шығуларды жүзеге асыру / implementation of monitoring visits to the regions to study the relationship of ethnic groups / осуществление мониторинговых выездов в регионы для изучения взаимоотношений этнических групп;
- этносаралық қатынастар саласында әлеуметтік зерттеулерді ұйымдастыру және жүргізу / organization and conduct of sociological research in the field of interethnic relations / организация и проведение социологических исследований в сфере межэтнических отношений;
- этносаралық сала тақырыптары бойынша әдістемелік құралдар мен материалдар әзірлеу және басып шығару; / development and publication of methodological manuals and materials on the topics of the interethnic sphere; / разработка и издание методических пособий и материалов по тематикам межэтнической сферы;
- ОМО, ЖАО қызметкерлері және басқа да мүдделі органдар/тұлғалар үшін оқыту семинарлары мен тренингтерін өткізу; / conducting training seminars and trainings for employees of the Central state bodies of Civil Defense, local executive bodies and other interested bodies/persons; / проведение обучающих семинаров и тренингов для сотрудников ЦГО, МИО и других заинтересованных органов/лиц;
- жетекші шетелдік талдау орталықтарымен және сарапшылармен халықаралық ынтымақтастық және пікірталас алаңдарының жұмысын ұйымдастыру. / organization of discussion platforms and international cooperation with leading foreign analytical centers and experts. / организация работы дискуссионных площадок и международное сотрудничество с ведущими зарубежными аналитическими центрами и экспертами.